

ВАДИМ ОХОТНИКОВ
**В МИРЕ
ИСКАНИЙ**

ДЕТГИЗ 1949

БИБЛИОТЕКА
НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ
И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ВАДИМ ОХОТНИКОВ

В МИРЕ ИСКАНИЙ

*Научно-фантастические повести
и рассказы*

Рисунки А.Васина

ТАЙНА КАРСТОВОЙ ПЕЩЕРЫ

1. ИСЧЕЗНУВШАЯ РЕКА

— Представьте себе, что восемь веков назад тут был плодородный и цветущий край... — проговорила девушка, делая широкое движение рукой.

— Трудно поверить... Никак не могу представить... — задумчиво ответил юноша.

Они стояли на маленькой площадке, на самом верху каменных руин. Перед ними расстилалась безжизненная песчаная пустыня, освещенная чуть красноватым светом только что взошедшей луны.

— В каком веке жил этот поэт? — продолжал юноша.

— В двенадцатом.

— Ну-ка повторите его слова.

Девушка медленно присела на корточки и, облокотившись спиной на каменный выступ, начала торжественно:

— ...Нет на земле страны прекрасней... Она цветет круглый год, зимой там ветер весенний... Словно Кауеар — самый светлый из райских источников, — омывает ее золотую водою река Янгиер... В тени кипарисов и мускусных ив радуют глаз фазаны и белые куропатки... Вся она — как Ирем, волшебный, зачарованный сад. Светел и радостен становится каждый, кто ступает на ароматную зелень ее лугов и долин...

— И все это было именно тут? Это известно достоверно? — тихо спросил юноша, вглядываясь в лицо девушки.

— Достоверно. И каменные развалины, на которых мы сейчас находимся, — это остатки древнего города... А вон, если присмотреться внимательно, русло исчезнувшей реки. — Девушка протянула руку, указывая на широкую темную ложбину, хорошо выделявшуюся среда бугристого песчаного поля благодаря скользкому свету. — Послышался страшный подземный гул... — тихо продолжала она. — Закачалась земля и стала опускаться вместе с жилищами, дворцами, храмами и людьми, находившимися в них. Воды реки покинули разрушенный край. Подули знойные ветры, исчезло плодородие земли, и наступило царство смерти, царство песка...

Юноша молчал. Он также осторожно присел и, прислонившись спиной к стенке, вытянул ноги. Вниз полетело несколько мелких камней, и тишина нарушилась шуршащими и цокающими звуками.

— Скажите, Люда, — продолжал юноша, — я слышал, как Мария Ивановна говорила, что реки, исчезнувшие под землей, — явление нередкое. А может быть так, что река благодаря землетрясению снова появится на поверхности?

— Не предложите ли вы, Костя, ждать нового землетрясения? — немного насмешливо спросила девушка.

— Этого еще не хватало! Может быть, вы думаете, что я боюсь предстоящей экспедиции?

— Вы говорите таким тоном, будто в задачу вашей экспедиции входит возвращение реки на поверхность! Должна вас разочаровать... Затея, в которой вы будете принимать участие, придает очень малое значение. Едва ли она поможет нашей разведывательной партии найти воду в пустыне. Профессора Полозова больше интересует подтверждение собственной теории относительно подземных рек. Это всем известно... Ведь подземных рек очень много. Некоторые из них текут под землей сотни километров. И не думайте, что все они очутились под землей благодаря землетрясению. Река Янгиер, которую вам предстоит обследовать, — это частный случай. Так вот ваш профессор думает, что...

Люда не договорила фразы. Внизу послышался шум сползавших камней.

— Ну-ка, помолчим... Найдет или нет? — прошептала девушка, хватая своего собеседника за руку.

Вслед за этим оба замерли, прислушиваясь к приближающимся шорохам. На лице Кости, молодого человека лет двадцати пяти, с черными немного вьющимися волосами, застыла добродушная, чуть озорная улыбка. Такая же улыбка, неизменная спутница далеких детских шалостей, появилась и на лице Люды, маленькой девушки с черными широко открытыми глазами.

— Кажется, удаляется...

— Найдет... Она меня всюду найдет, — также шопотом ответил Костя, наклоняясь, чтобы заглянуть вниз.

— Нет... вы не выглядывайте... Скажите, она действительно вас очень любит?

— Конечно, очень. А как же!

— И вы ее?

— И я ее... очень... Вы, наверное, слышали, что на фронте, при самых необыкновенных обстоятельствах, она спасла мне жизнь. С тех пор не могу с ней расстаться...

Люда улыбнулась и, обхватив руками свои поджатые колени, принялась внимательно осматривать горизонт, почти сливающийся с небом, усеянным крупными звездами.

— Посмотрите, — проговорила она вполголоса: — вон та звездочка, кажется, движется.

— Совершенно верно! — радостно прошептал Костя. — Очень похоже на автомобильные фары.

В это время, теперь уже совсем близко, послышались шорох и учащенное дыхание, а через секунду над площадкой появилась черная лохматая голова собаки.

— Вот видите, нашла! — громко проговорил Костя приподымаясь. — Назад, Джульбарс! Сейчас мы тоже идем, — продолжал он, обращаясь к собаке.

Спускались медленно. Каждую минуту нога могла попасть в одну из бесчисленных расщелин, перерезавших развалины. То и дело вниз валились оторвавшиеся камни и мелкий щебень. Впереди, поджимая хвост и скользя вниз на всех четырех лапах, спускалась собака.

Иногда собака останавливалась и начинала что-нибудь обнюхивать. Особенно долго она задержалась у широкой расщелины, уже совсем недалеко от земли.

— Идем, идем, Джульбарс! — позвал Костя, поровнявшись с собакой. — Что ты тут нашла?

Но собака только на одно мгновение повернула голову к своему хозяину и снова принялась нюхать, опустившись на передние лапы.

— Непослушная она у вас, — заметила Люда.

— Джульбарс! За мной! — сердито крикнул Костя останавливаясь. — Это что еще такое!

Собака коротко твякнула и осталась на месте. В ночной тиши послышалось еще более учащенное ее дыхание.

— Тут что-то неладно... — пробормотал Костя, жестом предлагая Люде вернуться назад. — Давайте посмотрим.

Подойдя к отверстию, Костя стал на колени рядом с собакой и, включив электрический фонарик, направил, тонкий пучок света в чернеющую глубину.

— Ого!.. Вы только взгляните! — сказал он, наклоняясь еще ниже.

Рядом на колени опустилась Люда.

Из отверстия тянуло затхлым и немного сырым воздухом. Каменные стены провала, изрезанные трещинами, наклонно уходили вниз. Луч электрического фонарика не достигал дна и терялся по пути, рассеиваясь широким молочным пятном.

— А если бросить камень... — тихо сказала Люда. Костя молча стал шарить рукой и, нащупав подходящий кусок, осторожно опустил его вниз.

— Раз... два... три... четыре... — принялась считать Люда.

Наконец где-то совсем далеко послышался отдаленный стук.

— Очень глубоко, — проговорил Костя.

Он хотел сказать что-то еще, но глухое ворчанье собаки привлекло его внимание. Одновременно внизу послышалось тихое шипение.

— Змея... — прошептала Люда. — Идемте!

— Неужели мы ее не увидим! — не унимался Костя, шаря лучом своего фонарика по стенам.

Люда неохотно снова склонилась над щелью.

Поиски были непродолжительны. Вскоре световое пятно остановилось на выступе в стене, на котором лежало огромное желтое кольцо. Голова змеи медленно раскачивалась. Из широкого открытого рта был ясно виден острый язык. Напуганное ярким светом, пресмыкающееся начало двигаться, сползая по стене вниз. — Замечательный экземпляр, — проговорил Костя, сопровождая уползающую гадину лучом своего фонарика.

— Он, оказывается, любит не только собак, но и змей, — насмешливо сказала Люда, подымаясь с колен. — Идете или нет?

— Еще одну минутку!

— Ни одной секунды. Я ухожу.

Снова луч прожектора нащупал уползавшую змею.

Одновременно в свет фонаря попало маленькое, медленно менявшее свою форму и также медленно поднимавшееся вверх белое облако.

— Тут какие-то испарения, — проговорил Костя поднимаясь.

Много позже Косте неоднократно приходилось вспоминать об этих испарениях, сыгравших большую роль в тех необычайных приключениях, которые пришлось испытать ему и его товарищам.

2. АФАНАСИЙ КОНДРАТЬЕВИЧ НАХОДИТ ВЛАЖНЫЙ ПЕСОК

Поднявшаяся высоко над горизонтом луна хорошо освещала брезентовые палатки и несколько автомашин на широких гусеницах, обычно применяемых в сыпучих песках.

У входа в одну из палаток стоял человек. Он пристально всматривался в горизонт, что-то бормоча себе под нос. Из открытого полога палатки доносились тихие звуки патефонной музыки.

Вскоре человек повернул голову в противоположную сторону и проговорил громко и раздраженно:

— Ползете?!

Это слово, произнесенное в тоне вопроса и укора, одновременно относилось и к Косте и к Люде, медленно приближавшимся к палатке.

— Что, Афанасий Кондратьевич? — весело крикнула Люда.

— А то, что гулянкой занимаетесь, товарищ Кудинова, а радиосвязь бездействует... Вон машина идет, а какая — так и не выяснено.

Костя и Люда ускорили шаг, насколько только позволил песок.

— И вы тоже хороши, товарищ Уточкин, — продолжал брюзжать Афанасий Кондратьевич, обращаясь к Косте. — Инженер Дорохов уже три раза вас спрашивал... —

К Афанасию Кондратьевичу, размахивая хвостом, подбежала собака.

— Уйди, бездельница, — тихо пробурчал Афанасий Кондратьевич. — Тоже, ходишь неизвестно где...

Палатка, куда зашли Костя и Люда, ничем не отличалась от обычной палатки геологической поисковой партии в пустыне. Под низким брезентовым потолком горела маленькая электрическая лампочка. На узких походных постелях сидели и лежали люди. На большом ящике, перевернутом вверх дном и покрытом, словно скатертью, географической картой, стоял играющий патефон. Возле него сидел человек лет тридцати, широкоплечий, с угловатым подбородком, придававшим его лицу упрямое выражение, и перебирал пластинки.

Это был инженер Андрей Леонидович Дорохов.

— Вы спрашивали меня? — обратился к нему Костя. Дорохов поднялся навстречу вошедшему и заговорил тревожно:

— Во время твоего отсутствия мне в голову пришла простая, но очень полезная мысль: не защитить ли нам винт еще дополнительной сеткой? Как ты на это смотришь? — Когда же мы успеем это сделать? Кажется, приближается машина профессора, — ответил Костя.

— А может быть, это не он. Тут ожидается машина с водой. У нас найдутся десятимиллиметровые железные прутья?

— Подождите минутку, товарищ Дорохов, — вмешалась в разговор Люда. — Сейчас я узнаю, что за машина.

Люда быстро подошла к маленькому полевому радиопередатчику, стоявшему прямо на полу, и, опустившись перед ним на колени, принялась вертеть ручки настройки.

В дверях появился Афанасий Кондратьевич Горшков, грузный, не в меру полный мужчина с угрюмым выражением лица.

— Давно бы пора... — пробурчал он, остановив свой взгляд на работающей радистке. — Музыку-то прекратите... Мешать будет, — добавил Афанасий Кондратьевич, обращаясь неизвестно к кому.

— Не надо, пусть играет. Слышимость хорошая, — проговорила Люда, надевая наушники.

Горшков неодобрительно посмотрел на пластинку. Бодрая музыка явно не соответствовала его мрачному настроению.

— Пить хочу... просто умираю... Хоть немного воды осталось? — произнес он через некоторое время, косясь на большую бутылку для воды, стоявшую в углу палатки.

— Только на самом дне. Не больше чем по одному стакану на брата, — сухо заметил один из сотрудников экспедиции, отрываясь от книги.

— Может быть, сейчас и разделим, а? Как вы думаете? — продолжал Афанасий Кондратьевич. — Машина уже подходит. Будет через час. Разделим?

Несколько голосов неопределенным тоном высказали одобрение, и бутылка с остатком воды была извлечена из угла. На ящике-столе появились стаканы. Получив свою порцию, Афанасий Кондратьевич залпом осушил стакан и принялся вытирать платком свое красное лицо, лоснящееся от пота.

— Уфф!.. — произнес он, с жадностью поглядывая на стаканы, в которых некоторые присутствующие сочли нужным оставить немного воды. Особенно его привлекал, по-видимому, один стакан, совершенно нетронутый.

В это время в палатке раздался громкий, задорный смех. Все оглянулись на Люду, сидевшую на корточках у радиоприемника. Она смеялась так, что с трудом сохраняла равновесие.

— Что случилось, товарищ Кудинова? — грозно спросил Афанасий Кондратьевич.

— База ответила мне... ой, не могу... ответила, что машина с цистерной воды... испортилась.

— Что же тут смешного?

— А как же! Ой, не могу... Ведь раньше чем к полудню завтрашнего дня... у нас не будет воды!..

Наконец Люда не удержала равновесия и свалилась на пол. Ее падение и заразительный смех вызвали смех также и у многих присутствующих. Все это совершенно взбесило Афанасия Кондратьевича.

— Безобразие! — громко заговорил он. — Нашли чему смеяться! Радиаторы у моторов пустые. Бурильные установки простаивают, сами без воды сидим — а вам весело? Первый раз вижу такой состав экспедиции. Больше никогда не буду с вами работать!

— Что вы, Афанасий Кондратьевич! Уж и посмеяться нельзя, — пробовал кто-то успокоить Горшкова.

Но Афанасий Кондратьевич и не думал успокаиваться.

— Тоже поисковая партия! — продолжал он брюзжать. — Воду ищем, а сами сидим без воды... Не то что умыться, а даже пить нечего... Бурили, бурили, целую неделю бурили, а воды так и нет. Значит, не в том месте ведем разведку... А может быть, в этой проклятой пустыне и вообще воды нет, зря работаем.

С постели медленно приподнялась фигура в синем рабочем комбинезоне. Человек встал и молча подошел к столу. Вслед за этим его рука остановила патефон. Музыка резко оборвалась.

— Я не позволю! — решительно и твердо произнес мягкий, грудной голос.

Голос принадлежал женщине средних лет с вьющимися светлыми волосами — начальнику поисковой партии Марии Ивановне Александровой.

— Я не позволю, — продолжала она, нервно шаря свободной рукой в кармане своего комбинезона, — не позволю вам, Афанасий Кондратьевич, называть эту пустыню “проклятой”. Вы соображаете, что говорите? В этом месте трудами наших товарищей обнаружены месторождения ценнейших ископаемых. Тут должна вырасти новая добывающая промышленность, необходимая нашей стране...

— Как же, без воды вырастет... — глухо и словно оправдываясь, произнес Горшков.

— Вода нужна — значит, мы ее найдем. Найдем во что бы то ни стало. А пока я отдаю вам свой стакан. Пейте.

— Нет, нет, не надо...

Внезапно радистка подняла руку, призывая к тишине; она напряженно вслушивалась в наушники, по-видимому с трудом разбирая радиотелеграфные сигналы.

— Что нового? — тихо спросила Мария Ивановна, когда Люда принялась осторожно стаскивать наушники с головы.

— Плохи наши дела.

— Что такое?

— Совсем воды не будет! — испуганно произнес Афанасий Кондратьевич.

— Еще хуже, — ответила Люда, печально и в то же время хитро улыбаясь.

— Говорите, Люда, толком, — проговорила Мария Ивановна.

Лицо Афанасия Кондратьевича стало еще более серьезным. Он медленно приблизился к столу и сурово уставился на радистку.

Афанасий Кондратьевич Горшков, механик, заведующий буровыми машинами поисковой партии, был вечно чем-либо недоволен. Его всегда мучили мысли о том, что все делается как-то не так, и всюду он видел, как он часто любил выражаться, “непорядок”.

На нового человека брюзжание Афанасия Кондратьевича производило удручающее впечатление. Однако сотрудники геологической партии, которым пришлось долго иметь дело с Горшковым, настолько привыкли к его вечному недовольству, что совершенно перестали обращать на это внимание. Наоборот, когда случалось, что Афанасий Кондратьевич по каким-либо делам отлучался из лагеря, многие находили, что без него становилось скучно.

Инженер Дорохов и механик Константин Уточкин, прибывшие в лагерь всего два дня назад, с удивлением смотрели то на Горшкова, то на радистку. Оки также с нетерпением ждали сообщения новости, полученной по радио.

Если машина везет профессора Полозова, прибытие которого ожидается со дня на день, то, значит, не останется времени, чтобы приладить дополнительную защитную сетку к винту автомобиля-амфибии, предназначенного для путешествия по тоннелям подземной реки.

Между тем Люда поступала, как опытный актер на сцене, томящий публику в ожидании какого-либо решительного слова, от которого зависит разворот дальнейшего действия.

— Плохи наши дела, — наконец повторила она. — Теперь воду для пустыни найдут они, а не мы. — При этом девушка знаком указала на инженера Дорохова и Костю, стоявших рядом.

— Едет профессор Полозов?! — радостно воскликнул Костя.

— Совершенно верно.

— Безобразие... — проворчал Горшков. — Я думал действительно что-либо случилось.

Машинально схватил он стакан с водой, от которого ранее отказался, и осушил его залпом.

В палатке снова послышался смех.

Афанасий Кондратьевич обвел присутствующих ничего не понимающим взглядом и наконец, сообразив, что произошло, махнул рукой и вышел из палатки, что-то бормоча себе под нос.

— Ну, поздравляю вас, — проговорила Мария Ивановна, обращаясь к Дорохову и Косте. — Значит, завтра отправитесь.

Но инженер, обеспокоенный намеченным усовершенствованием защитной сетки у автомобиля-амфибии, принял поздравление холодно.

— Да... Конечно... Вот винт бы еще защитить... — ответил он, рассеянно глядя на Костю.

Присутствующие принялись оживленно обсуждать перспективу предстоящей экспедиции по подземному руслу реки.

Река Янгиер, ранее обильно орошавшая край, теперь превратившись в пустыню, прекращала свое течение всего в двухстах километрах от места стоянки поисковой партии. Река уходила вначале в каменное ущелье, а затем скрывалась в узкий подземный тоннель. Нескольким смельчакам с помощью лодок удалось проникнуть на расстояние всего лишь нескольких километров в глубь этого тоннеля, но дальнейшее продвижение оказалось опасным из-за бурного течения и каменных гряд, грозивших опрокинуть лодку. Между тем проследить русло подземной реки сейчас было крайне необходимо. Это значительно помогло бы найти место, где с помощью бурения можно было бы получить воду, необходимую в большом количестве для промывки и флотации руд.

Увлеченные спором, люди не заметили, как в палатке снова появился Горшков.

— Вот что это значит... — глухо проговорил он, стараясь знаками обратить на себя внимание. — Вот посмотрите!..

— Чем вы еще недовольны, Афанасий Кондратьевич? — весело проговорила Люда.

— Да вот... в руке... — Что в руке?

— Песок.

— Вам не нравится, что в пустыне — песок? — не унималась Люда.

— Это вы мне не нравятся! — вспыхнул Афанасий Кондратьевич. — А песок... вот посмотрите...

С этими словами он показал начальнику поисковой партии открытую горсть.

— Где вы нашли? — обеспокоенно спросила Мария Ивановна, ощупывая пальцами слипшийся комочек.

— Рядом с буровой скважиной номер три... Пошел посмотреть, убрали ли трубы, а ноги, чувствую, вязнут иначе...

— Странно... — проговорила Мария Ивановна среди наступившей тишины.

— То-то и дело, что странно! Бурили, бурили в этом месте на полную глубину — и никакой воды нет, а тут — вон какое дело... — И большая площадь?

— Да, в радиусе метров в десять от скважины песок весь такой.

— Посмотрите, какая сейчас влажность воздуха, — отрывисто произнесла Мария Ивановна, обращаясь к одному из сотрудников,

— Очень и очень небольшая, — последовал через несколько секунд ответ человека, склонившегося над гидрометром — прибором, измеряющим влажность воздуха.

— Ничего не понимаю! — продолжала Мария Ивановна. — Влага не могла в таком количестве поступить из воздуха. Что же это значит?... Откуда?

Сгруппировавшиеся вокруг Афанасия Кондратьевича сотрудники с удивлением щупали песок, неожиданно, по неизвестной причине ставший мокрым в этой совершенно безводной пустыне.

3. ПРОФЕССОР НЕНАВИДИТ СОБАК

Раннее утро, когда ласковые солнечные лучи только начинают золотить волнистое песчаное поле, даже в пустыне прекрасно. Пройдет совсем немного времени, и свет солнца превратится в нестерпимый палящий поток, беспокойный и жестокий.

Может быть, поэтому Костя так рано вышел из палатки и направился к своей машине. Сегодня она должна была покинуть лагерь и, преодолев по пустыне значительное расстояние, отправиться в путешествие по руслу подземной реки.

Рядом с Костей шел Джульбарс. Собака часто забегала вперед и с грустью заглядывала в глаза своему хозяину.

Можно было подумать, что собака понимала человеческую речь и уже знала о категорическом решении, вынесенном вчера: не брать ее в экспедицию.

Возможно, именно от этого настроение у Кости было грустное. Однако причина плохого настроения могла быть и другая. Дело в том, что ему не понравился профессор Полозов, прибывший вчера в лагерь.

Безукоризненно одетый, стройный старик, подтянутый и, как показалось Косте, гордый, производил впечатление кабинетного ученого.

Это впечатление значительно усилилось после небольшого скандала с Джульбарсом.

Выйдя из машины, профессор направился к встречавшим твердым шагом много исходившего геолога, опираясь на красивую палку с серебряным набалдашником. Именно это и вызвало неудовольствие Джульбарса, подвернувшегося под ноги профессору. Собака злобно зарычала. Полозов замахнулся палкой. Последовала обычная сцена: крики хозяина, лай собаки, возгласы перепуганного человека.

— Безобразия! — вмешался Афанасий Кондратьевич. — Да... да... Вот именно безобразия! Разве вы не могли бы, молодой человек, держать свою собаку привязанной! — волновался Полозов. — Я вообще не терплю собак, а тут — извольте...

Вот почему робкий намек Кости на то, чтобы взять собаку в путешествие, вызвал грозный и решительный отпор профессора. Костя обратился к механику Горшкову, первому человеку, с которым он встретился по окончании совещания, с просьбой присмотреть за собакой во время его отсутствия и неожиданно получил положительный ответ.

— Это не дело возиться с собакой, — угрюмо сказал Афанасий Кондратьевич. — Да уж ладно... Вот пить нечего. Язык-то, небось, она уже высунула?

— В нашей машине имеется неприкосновенный запас воды, приготовленный для экспедиции. Я вам дам немного, — пробовал Костя задобрить Афанасия Кондратьевича.

Но результат получился совсем обратный.

— Что? — грозно произнес Горшков. — Неприкосновенным запасом поить собаку? Да провались она под землю!

— Тогда, может быть, вам?

— А я что ж, хуже собаки? Так вас понимать, товарищ Уточкин? Что ж, я меньше собаки понимаю, что такое неприкосновенный запас!

— Так не возьмете собаку?

— А кто вам говорит, что не возьму? Чего вы волнуетесь! Известно — возьму. И будьте спокойны. Говорю вам, как механик механику, — понизив голос, гордо закончил Горшков.

Поздно вечером, перед тем как лечь спать, Костя повстречался с радисткой Людой. Они остановились недалеко от входа в палатку и разговаривали вполголоса. Серебряный круг луны находился уже почти посредине неба. Звезды вокруг на большом пространстве совершенно потонули в его ярком свете, и только некоторым из них удавалось пробиться в виде слабых мерцающих точек.

— А отсюда развалины кажутся маленькими, — тихо произнесла Люда. — Вон посмотрите, где мы были.

— Да, действительно, маленькими, — неопределенно ответил Костя.

В соседней палатке кто-то снова завел патефон.

Мы не опустим паруса... —

под аккомпанемент оркестра запел звонкий голос популярную морскую песенку, зовущую к борьбе с бурей, смелости и упорству.

— Все одну и ту же пластинку заводят, — проговорила Люда, качая головой в такт мелодии. — Вы любите музыку?

— Очень. Мне кажется, что музыка часто помогает человеку. А эту песню я люблю в особенности.

Послышался чей-то степенный голос: — Профессор Полозов просит остановить патефон. Он ложится спать.

Мелодия сразу оборвалась. Но она еще долго звучала в голове Люды. Много дней спустя, когда эту же мелодию ей пришлось услышать при самых необычайных обстоятельствах, Люда часто вспоминала эти последние минуты, проведенные с Костей в лагере.

— Собак боится... Музыку не любит... Видно, он всего боится и ничего не любит, — прошептал Костя. — И вот с таким человеком приходится отправляться в опасное путешествие!

— Вы уверены, что профессор Полозов трус?

— Уверен. Кабинетные ученые, вероятно, все такие. И почему это ему взбрело в голову самому отправиться путешествовать по подземной реке!.. Представляете, как с ним будет трудно!

— А вы, Костя, ничего не боитесь?

— Ничего, — хмуро ответил Костя, отвернувшись в сторону, словно стесняясь своего ответа.

Наступило молчание.

— Во всяком опасном деле прежде всего — это товарищи. Если товарищи надежные — бояться нечего, — проговорил Костя. — Вот я помню, как нам приходилось вылезать под обстрелом из горящего танка...

И Костя рассказал о том, как самоотверженный поступок одного из его товарищей спас жизнь всему экипажу.

Заговорившись, Костя и Люда расстались далеко за полночь.

* * *

Несколько месяцев назад известный геолог, специалист по так называемым “подземным” рекам профессор Полозов обратился в научно-исследовательский институт, в котором работал инженер Дорохов, с просьбой оборудовать ему гусеничный и в то же время плавающий, как лодка, автомобиль-амфибию для путешествия по подземной реке.

Эту работу поручили инженеру Дорохову.

Собственно говоря, ничего сложного в ней не было. Автомобили-амфибии, ползающие на гусеницах и плавающие на воде, существуют очень давно в самых разнообразных вариантах. Можно было взять один из них

и, приспособив к нему герметически закрывающуюся кабину, снабженную кислородной установкой, смело отправиться на ней в путешествие.

Но не таков был Андрей Леонидович Дорохов.

Он отнесся к поставленной задаче, как и ко всякой, которую ему доводилось решать, с преувеличенной страстью. В самый короткий срок плавающий автомобиль был снабжен не только бронированной кабиной с удобными отделениями, но и целым рядом сложных и, может быть, даже излишних приборов, которые, по мнению Дорохова, могли пригодиться во время исследования русла подземной реки.

Ко всему примешалось еще упорное стремление Андрея Леонидовича без конца переделывать уже построенный механизм. Инженер Дорохов никогда не был удовлетворен своей работой, и это причиняло много мучений не только ему самому, но и окружающим.

Больше всего доставалось его постоянному механику Косте Уточкину, отправлявшемуся также в путешествие по подземной реке. Механик не имел покоя даже тут, в пустыне, куда машина-амфибия была доставлена несколько дней назад. Дорохову беспрерывно приходили в голову какие-то доделки и переделки, без которых, по его мнению, отправиться в подземное путешествие было нельзя.

С большим трудом, пользуясь взятыми с собой инструментами, Костя мастерил новые детали или переделывал старые.

Машина, как уже говорилось, не представляла какой-либо оригинальной конструкции. Это был обыкновенный вездеход на широких гусеницах, похожий на танк, снабженный герметически закрывающейся стальной кабиной.

Впереди танка, словно короткое дуло орудия, выдавалось бурильное приспособление. Единственно, что было в машине необычным, так это двигатель, приводящий механизм в движение. Двигатель был электрический и питался от специальных легких аккумуляторов, запасавших большое количество электроэнергии. Инженер Дорохов, предполагая, что в подземных галереях может встретиться воздух, негодный для дыхания, а следовательно, и для работы обычного бензинового мотора, который, как известно, тоже “дышит”, построил свою машину с электрической тягой. Такое решение давало много преимуществ. Прежде всего не нужно было везти с собой тяжелые стальные баллоны с сжатым воздухом, необходимые для “дыхания” бензинового мотора, а затем, как известно, электрическая тяга всегда отличается способностью хорошо преодолевать крутые подъемы.

Кроме того, амфибия, снабженная электрической тягой, могла, полностью погрузившись в воду, ползать по дну реки. Правда, получить специальные аккумуляторы, лишь недавно разработанные, было очень трудно, но инженер Дорохов проявил необыкновенное упорство и настоял на своем.

* * *

И вот теперь Костя занимался тем, что тщательно осматривал машину, стоявшую на песке.

— Готовитесь отбыть? — услышал он голос Афанасия Кондратьевича, неожиданно очутившегося рядом. Костя вздрогнул и начал воровато прятать какие-то инструменты в люк машины.

— Да... конечно... — пробормотал он смущенно.

— Волнуетесь, что ли?

— Да... немного...

— Это не годится. Это непорядок, — уныло произнес Афанасий Кондратьевич. — В такое серьезное дело с волнением отправляться нельзя... А чего прячете от меня?

— Да так... ничего...

— Ну-ну... — протянул Афанасий Кондратьевич и замолк, выжидательно глядя на Костю.

— А я вот от буровой вышки номер три, — продолжал он через некоторое время. — Опять песок сухой, а вчера ночью влажным был... Небось, видели? Вот она, загадка какая. Бурим — нет воды. А вчера — пожалуйста! Возле скважины будто кто ведер триста вылил на песок...

Горшков постоял еще некоторое время и угрюмо произнес:

— Ну-ну... — и побрел, щурясь от солнца, светившего ему в лицо.

Проходя мимо одной из палаток, Афанасий Кондратьевич степенно и с чувством собственного достоинства поклонился профессору, стоявшему у открытого полога.

— Здравствуйте, — ответил профессор, застегивая синий комбинезон, в котором он собирался совершать путешествие.

— Чем скорее отсюда уедете, тем будет лучше, — произнес Горшков остановившись.

— Это почему же? — спросил удивленный Полозов, еще не привыкший к манере Горшкова разговаривать с людьми.

— Солнце не так будет печь.

— Ах да... конечно... А я подумал, что вы меня прогоняете... Вы, кажется, механик?

— Механик.

Полозов подошел к Афанасию Кондратьевичу вплотную и заговорил тихо:

— Скажите, пожалуйста: вы знакомились с вездеходом, в котором мне придется путешествовать? Как вы находите: надежная машина? Не случится с ней... чего-либо такого... вы понимаете?

— Авария возможна со всякой машиной.

— Да... — вздохнув, согласился Полозов.

— А еще... взрыв какой-нибудь может произойти. Ну, а больше ничего такого случиться не может.

— То-есть, как взрыв? Какой взрыв?

— Обыкновенный взрыв, — лениво ответил Горшков. — Если, предположим, запас взрывчатки в машине взорвется, то это и будет взрыв.

— Позвольте... Отчего взорвется? Я не понимаю... Горшков насупился и принялся мучительно думать.

— Действительно, с чего бы ей взорваться?... Взорваться-то ей и не с чего, — наконец проговорил он угрюмо, словно недовольный своим умозаключением. — Вот хуже другое... — добавил он через некоторое время.

— Что еще хуже? — растерянно спросил Полозов.

— Механик ваш, Уточкин, волнуется. Сам видел... Боится ехать, что ли. Неуверенно себя как-то чувствует.

— Это плохо, — грустно заметил Полозов, опять глубоко вздохнув.

Постепенно лагерь поисковой партии стал оживать.

Из палаток уже выходили люди, готовые приняться за свое обычное дело.

У входа в одну из палаток стояла Люда.

Она издали наблюдала за Костей, продолжавшим хлопотать у своего вездехода.

Поведение Кости казалось ей странным. Он суетливо возился с каким-то ящиком, поминутно озираясь по сторонам, словно боялся, что его кто-либо увидит.

4. СТРАННЫЕ ЗВУКИ

Постепенно песок стал уступать место каменистому грунту, и стальные гусеницы вездехода громко грохотали по нему, высекая искры. Машина приближалась к тому месту, где многоводная река Янгиер уходила под землю.

За рулем сидел инженер Дорохов; сбоку кабины, перед распределительным щитком и маленькой радиостанцией, — бортмеханик Костя Уточкин. Профессор Полозов расположился в удобном сиденье возле столика, выдвигающегося из стенки, напротив большого овального иллюминатора из толстого броневое стекла.

Внутренность кабины наполнял тихий, монотонный гул двигателя.

— Быстро мы прошли это расстояние... — задумчиво проговорил Полозов, наблюдая через иллюминатор за вараном — почти метровой ящерицей, зарывавшейся в песок при приближении машины.

— Коробку скоростей надо переделать — тогда скорость еще увеличится, — ответил Дорохов. — Немедленно надо переделать, — добавил он решительно через некоторое время.

— Под землей будете переделывать? — тревожно спросил профессор. — Нет, немедленно по возвращении из экспедиции.

Профессор вздохнул.

— Костя! — окликнул Дорохов. — Автогенная установка у нас в полной исправности?

Но ответа не последовало.

— Я вот думаю, что если разрезать восьмимиллиметровый стальной лист, то... понимаешь? — продолжал инженер.

— Все-таки под землей собираетесь? — снова беспокоился Полозов.

— Коробку скоростей мы трогать не будем, а вот защитное приспособление к винту — обязательно, на первой стоянке, — сказал Дорохов.

Профессор перевел взгляд от иллюминатора к месту, где сидел Костя. То, что он заметил, обеспокоило его еще больше. Кости на месте не было. Он успел шмыгнуть в маленькое отделение кабины и там, наклонившись, над чем-то возился.

В сущности говоря, в этом не было ничего такого, что могло бы обеспокоить профессора. Но все дело было в том, как это Костя делал. Он ежесекундно осторожно выглядывал из дверей отделения, и его лицо было взволнованно, словно он производил что-то недозволенное.

“Волнуется и трусит”, мелькнуло в голове у профессора, вспомнившего напутствие Горшкова.

— Костя! Где ты? — прокричал Дорохов, не оборачиваясь к механику.

Костя быстро и воровато возвратился на свое место.

— Я проверял автогенную установку, — проговорил он, усаживаясь за пульт.

Вездеход, карабкаясь по камням, перебрался через перевал и начал спускаться.

В овальные стекла иллюминаторов стала видна протекавшая внизу река, окаймленная редкой и чахлой растительностью.

Профессор поднялся и, облокотившись на выступ иллюминатора, принялся наблюдать.

— Вот она! — проговорил он немного торжественно. — Таинственная река Янгиер! Теперь мы разберемся, куда ты несешь свои воды!

— И вездеход проверим в подземных условиях! — также торжественно добавил Дорохов.

Профессор обеспокоенно посмотрел в сторону инженера.

— Подземные реки существуют на земле в достаточном количестве, — продолжал Полозов. — Большинство из них ушло под землю постепенно. Вода размывала легкорастворимые породы, находившиеся в определенном месте дна реки, и строила себе подземное русло. Эта же река ушла под землю в результате землетрясения. Случай очень редкий и почти не исследованный. Еще не установлено, друзья мои, куда деваются воды реки Янгиер. Обычно подземные реки или снова появляются на поверхности, или подземным путем уходят в море. А в поведении этой реки есть нечто странное...

— Вот и автомат для подачи масла в подшипники ведет себя очень странно, — задумчиво проговорил Дорохов. — Масло уходит много.

Профессор снова подозрительно посмотрел на спину инженера, сидевшего за рулем, и, поджав губы, отвернулся к стеклу.

Вскоре вездеход приблизился к реке и остановился на каменистом берегу. Участники экспедиции вышли из машины и занялись поисками удобного места для спуска вездехода в воду.

Было уже далеко за полдень, и солнце пекло безжалостно. После раскаленного песчаного поля странно было видеть совершенно прозрачную, чуть голубоватую воду, стелющуюся в виде ленты среди каменистого поля. Совсем же далеко виднелись серые горные складки. Туда текла река, постепенно замыкавшаяся ущельем.

Костя вернулся в машину раньше других. Он уселся за пульт и включил радиопередатчик. На распределительной доске вспыхнула красная сигнальная лампочка.

— Люда!.. Люда!.. Вы слышите меня? Люда!.. — заговорил Костя в блестящий пластмассовый микрофон. — Хорошая слышимость? Ну и чудесно! Мы уже на берегу реки... Что? Спасибо... Через несколько минут спускаемся в воду... Да... Да... Ждите меня в условленное время... Что? Не меня, а мою передачу... Всего доброго... Привет всем... До свиданья...

Улыбаясь, Костя снял наушники и повесил их на свое место.

Спуск машины с относительно крутого берега прошел благополучно. Вслед за этим вездеход быстро поплыл вниз по течению, рассекая воду своей стальной грудью.

Все выше и выше становились берега. Наконец они превратились в глубокое и темное ущелье. А еще через некоторое время участники экспедиции увидели в иллюминаторы зияющее черное отверстие. Это была каменная пещера, через которую река уходила под землю.

Костя поднялся и вплотную приблизился к иллюминатору. Прижавшись лбом к стеклу, он смотрел вверх.

— Что вы там увидели? — заинтересовался Полозов.

— Ничего особенного, — ответил Костя. — Просто прощаюсь с солнечным светом.

“Трусит”, опять пронеслась назойливая мысль в голове профессора.

Дневной свет исчез сразу. Вместо него в кабине вспыхнули матовые электрические лампочки, вделанные в стены. Шум работающего винта, доносившийся снаружи, резко изменился и стал громче. Его отражали каменистые стены подземного тоннеля.

Сильный прожектор, установленный на носу машины, посылавший свой пучок света далеко вперед, то скользил по ряби воды, то задевал серые стены, изрезанные мелкими трещинами. Мимо овальных иллюминаторов быстро проносились хорошо освещенные рассеянным светом вспенившиеся волны.

— Кажется, фиксатор рулевого управления закрепляется недостаточно туго, — с досадой произнес Дорохов, всматриваясь в пульт управления, освещенный синим светом маленьких лампочек.

— Настоящему инженеру ничего не должно “казаться”, Андрей Леонидович, — немного иронически заметил Полозов. — Разве нельзя было все это проверить раньше?

— Ну, как вам объяснить... — ответил Дорохов. — Я, например, уверен, что настоящий инженер — это тот, кто беспрерывно стремится усовершенствовать любую, даже самую замечательную машину. А человек, довольствующийся уже существующей, — это не инженер.

— Гм... — произнес Полозов. — Возможно... Только не под землей...

— А вы не беспокойтесь, Валентин Петрович, — вмешался Костя. — Наша машина очень надежная, и бояться чего-либо не нужно: все будет в порядке.

Постепенно подземный тоннель стал сужаться. Одновременно с этим увеличилась и скорость течения воды. Вездеход приближался к порогам. Но стальная гусеничная машина легко преодолела их и вскоре снова понеслась по гладкой воде.

Мимо иллюминаторов все быстрее и быстрее стали мелькать мрачные, серые, камни, причудливо выдававшиеся из стен. Подземное русло реки то и дело меняло направление, и Дорохову, сидевшему за рулем, пришлось сосредоточить все свое внимание, чтобы не наткнуться на каменную стену.

Вдруг профессор насторожился. Он медленно обвел взглядом кабину, снова внимательно посмотрел в иллюминатор и произнес тихо:

— Странная вещь: мне показалось, что я слышу... плач ребенка. Вы ничего не заметили?

— Ученым ничего не должно “казаться”, — заметил Дорохов, усиленно вращая баранку рулевого управления.

— То-есть... Позвольте... Я слышал ясно!

— Это, действительно, вам показалось, — заметил Костя.

Между тем глубина подземной реки значительно уменьшилась, и водный поток забурился еще больше. Вездеход стал испытывать толчки. Видно, его днище снова натыкалось на подводные камни.

Дорохов выключил гребной винт, и машина стала двигаться, лишь увлекаемая течением.

Однако вскоре и этого оказалось недостаточно. Скорость возросла настолько, что появилась опасность при резком повороте разбиться о стену, пришлось включить задний ход. В кабине послышался шум бешено работающего гребного винта, тормозившего вездеход.

Вскоре луч прожектора вырвал из глубины подземного мрака красивую и в то же время страшную картину. Вдалеке виднелся бурлящий фонтан из брызг и водяной пыли. А еще немного дальше тоннель заканчивался глухой отвесной стеной.

Стало ясно, что впереди водопад.

— Серьезное дело, — хмуро проговорил Дорохов.

В это время машина, по-видимому наткнувшись на большой камень, на мгновение приняла почти вертикальное положение.

— Ого!.. — вскрикнул Полозов, судорожно уцепившийся руками за подлокотники своего сиденья.

— Вот где пригодилась бы дополнительная защитная сетка винту, — процедил сквозь зубы Дорохов, выравнивая машину с помощью включения гусениц. — Подготовьте дополнительный мотор, Костя.

Костя передвинул несколько рычагов и, не выпуская из руки один из них, принялся напряженно всматриваться в переднее стекло.

Облако брызг приближалось быстро. Машину резкими рывками бросало из стороны в сторону. Кабину наполнил лязг и скрежет стали, царапающей камни.

Несмотря на серьезность положения, Костя изредка поглядывал на профессора, продолжавшего сидеть у иллюминатора. К его удивлению, “кабинетный” ученый вел себя очень достойно и не проявлял никаких признаков страха. Гордо откинув свою голову, увенчанную густой шапкой седых волос, Полозов сидел спокойно, немного щуря глаза. Костя сообразил, что профессор ради предосторожности снял золотое пенсне.

Посматривал на Костю и Полозов. Лицо юноши приняло суровое и решительное выражение.

“Не очень боится”, решил Полозов.

В это время его внимание снова привлек странный звук. Среди шума кипящей воды и ударов стенок машины о камни было трудно разобрать, что это такое. Во всяком случае, подобный звук не могли издавать какие-либо части машины. Не было никакого сомнения, что этот жалобный, напоминающий вой или плач звук доносится извне.

Профессор, рискуя удариться, приблизился вплотную к стеклу.

Машина проходила под низко нависшими каменными глыбами. Бушующими волнами плескалась о черные стены вода.

Стон снова повторился.

— Я опять слышал! — прокричал Полозов, стараясь перекрыть шум.

Но ни Дорохова, ни Костю уже не могли заинтересовать слова профессора.

Машину неуклонно тянуло к бушующему подземному водопаду.

5. КОСТЯ НАДЕЕТСЯ ВСТРЕТИТЬ ДИНОЗАВРОВ

Представьте себе, что вы находитесь в полной темноте. Совсем рядом бурлит, клоочет вода. Вы прислушиваетесь к этому шуму. Он необычен. Гулко разносится рев воды, словно многократно отраженный от стен огромного помещения. Но вот откуда-то появляется слабый свет. Вы видите, как он постепенно увеличивается. Это начинает светиться пенящаяся вода. Теперь уже виден контур овального отверстия, из которого, с ревом преодолевая каменные гряды, несется освещенная изнутри вода и падает вниз.

Вскоре свет становится ослепительным. Переливаясь всеми цветами радуги, высоко вверх поднимаются миллионы мельчайших брызг.

То вверх, то вниз прыгает приближающийся к вам источник света.

Это прожектор вездехода-амфибии, среди пенистой воды карабкающегося с помощью стальных гусениц по нагромождению камней.

Но вот машина, преодолев последние гряды, вышла в спокойную воду. Она ползет дальше, то появляясь над поверхностью воды, то погружаясь совсем.

Когда был открыт люк и трое путешественников взобрались на стальную спину своей машины, перед ними открылась замечательная картина.

Они находились в огромном сказочной красоты гроте, одном из тех, которые нередко встречаются под землей.

Луч прожектора, упершись в потолок, освещал каменное подземелье мягким, рассеянным светом. Отчетливо было видно, как блестят, переливаясь, прозрачные грани кварца, вкрапленные в черные стены, изрезанные многочисленными ущельями. С потолка свисали вот-вот готовые сорваться каменные глыбы. А посредине грота раскинулось широкое подземное озеро.

— Ничего себе была переделка! — воскликнул Костя, указывая рукой на бушующий поток воды, вырывающийся из продолговатого отверстия.

Именно через это отверстие машина проникла в грот, преодолевая нагромождение огромных и скользких камней. Дальше машина поползла по дну озера и теперь стояла на берегу недалеко от стены, блестящей от влаги.

— Надо будет усовершенствовать буферные выступы, — задумчиво проговорил Дорохов, вспоминая страшную тряску при прохождении через груды камней.

— Явление карстовое, — сухо проговорил Полозов, обращаясь неизвестно к кому.

— И вот защитная сетка... — начал было Дорохов.

— Да, карстовое! — перебил профессор. — Это значит, вода размыва все растворяющиеся породы, а каменные стены остались. А называется карстовым по имени местности, где впервые было обнаружено и изучено это явление. В сущности, оно очень распространенное в природе! — А куда дальше уходит вода? — заинтересовался Костя.

Полозов посмотрел на него недоумевающим взглядом:

— Мы же для этого сюда и прибыли! Немного отдохнем и приступим к исследованиям.

— А скажите, Валентин Петрович, возможна такая вещь, что одна из этих глыб сорвется сама собой? — не унимался Костя, указывая рукой вверх.

— Не поручусь... На всякий случай надо будет ходить осторожно. Это общее правило для подобных подземелий, — ответил Полозов. — Интересно было бы обследовать дно озера, — добавил он через некоторое время.

Вдруг среди равномерного шума воды откуда-то послышался тихо протяжный, жалобный вой. Профессор резко повернулся на месте и стал оглядываться по сторонам.

— Вы слышали? — проговорил Полозов, обращаясь к Косте.

— Да... Действительно... — забормотал Костя. — Тут, наверное, живут какие-то подземные обитатели.

— Вообще встречаются, но, насколько я помню, это рыбы, рачки, черви... слепые и безмолвные, — ответил Полозов.

Некоторое время все трое стояли молча, прислушиваясь. Иногда им казалось, что к шуму воды примешиваются какие-то посторонние звуки, но существовали ли они в действительности, определить было трудно.

— Озеро обмелить можно очень просто, — нарушил Костя молчание.

— Каким образом? — удивился профессор.

— Совсем пустяк!

— Пустяк?

— Конечно! Вы видите каменные глыбы, свисающие над выходом, откуда идет вода? — продолжал Костя. — Они еле держатся. Килограммов пять взрывчатки — и все полетит вниз.

— И частично, а может быть, и совсем закроет доступ воды в грот, — сухо подтвердил Дорохов.

— Для воды — частично, а для нас выход на поверхность — полностью, — спокойно заметил профессор.

Это замечание, как видно, совершенно взбесило инженера Дорохова. С видом явного превосходства он принялся осматривать профессора с ног до головы.

— Для кого закроет доступ на поверхность? Для нас?... Даже как-то странно слышать подобное предположение. Или вы окончательно не верите в могущество советской техники, или просто смеетесь над нами, — горячо, отчеканивая каждое слово, заговорил инженер. — “Посмотрите, как устроен нос у нашей машины, — продолжал он. — Разве вы не видите вот этот выступ? Может быть, вы думаете, что он сделан для украшения? Нет, не для украшения... Отсюда автоматически выдвигается мощный телескопический бур. Также автоматически, в то время как мы будем находиться в бронированной кабине, в просверленное отверстие вставляется заряд взрывчатки. Дальше следует взрыв. Снова работает бур, и снова взрыв. Специальными ковшами вездеход выгребаёт разрушенную породу назад и расчищает, таким образом, путь спереди себя. Эту работу он может производить, даже находясь под водой. А вы говорите — закроет доступ...”

— Все это мне было известно и раньше, — спокойно ответил профессор. — А в настоящее время неизвестно лишь одно: не произойдет ли этой самой... аварии?

Тут настал черед и для Кости принять позу оскорбленного человека.

— Уверю вас, профессор... — волнуясь, начал он, но, видно, не нашел подходящих слов и умолк. — Вот боковые лопасти нужно было бы сделать толще, — продолжал инженер, снова погружившийся в размышления об усовершенствовании своей машины.

— Да... было бы неплохо... — протянул Полозов.

— Лопаста сделать толще?

— Нет, зачем — озеро обмелить...

Оставив профессора и инженера договариваться насчет обмеления озера и улучшения лопастей, Костя быстро спустился в люк. Приближалось время, условленное для радиосвязи.

Через несколько минут из люка послышался его радостный и задорный голос:

— Люда?.. Хорошо слышно?.. Все благополучно. Находимся в гроте... Как в сказке!.. Сказочный грот, говорю... И животные водятся, которые кричат... Да... Еще не видели. Возможно, динозавры. Не знаю... Не знаю...

Костя засмеялся чему-то громко, а затем стал разговаривать тихо. Он сидел перед радиоприемником, прижимая левой рукой один из наушников, а правой поддерживая микрофон.

В палатке поисковой партии, окруженная сотрудниками, перед радиопередатчиком сидела Люда.

— Передайте от меня всем привет и пожелание успехов, — проговорила начальник партии Мария Ивановна.

Люда выполнила поручение.

— И от меня привет, — пробасил стоявший тут же Горшков. — А Косте скажите, чтобы он ничего там не боялся... Я вот видел, как он волновался. Это безобразие.

— Афанасий Кондратьевич передает вам привет! — прокричала Люда, давась от смеха. — И говорит, что с таким смелым человеком, как вы, экспедиции опасаться нечего.

Горшков что-то буркнул и недовольный отошел в сторону.

— Как поживает ваша собака? Сейчас спрошу! — прокричала Люда в микрофон. — Афанасий Кондратьевич! Костя спрашивает вас, как поживает его собака, — обратилась она к Горшкову.

— А чего ей станется... Бегаёт где-то... — обиженно выдавил Горшков, угрюмо поглядывая на радистку.

— Афанасий Кондратьевич говорит, что целый день от нее не отходит. Даже купал ее несколько часов назад! — прокричала Люда, заливаясь смехом.

Но через минуту лицо Люды стало серьезным:

— Мария Ивановна, профессор Полозов хочет говорить с вами.

Мария Ивановна надела наушники.

— Влажность песка?.. Да... Продолжается по-прежнему... Явление необъяснимое... — слышался голос начальника поисковой партии. — Хотите обмелить подземное озеро, завалив вход?.. Поступок очень смелый... Машина проверялась неоднократно... Да... Ручаюсь... Только делайте все очень осмотрительно... Хорошо... Жду сообщения. Всего доброго!

Наушниками и микрофоном снова завладела радистка:

— Костя! Может быть, хотите послушать вашу любимую пластинку?.. Хотите!

Кто-то из сотрудников, сообразив, в чем дело, уже тащил патефон к радиопередатчику. Через минуту из рупора, к которому был прислонен микрофон, послышалась знакомая песня:

Мы не опустим паруса,
Пусть кричат нам альбатросы...

* * *

Вооружившись альпенштоком и веревкой, Костя вылез из машины и тронулся в путь. Ящик со взрывчаткой он нес на спине, прижав его ремнями.

Приходилось идти вдоль берега подземного озера. Прожектор лодки, направленный в сторону отверстия, откуда вырывалась вода, хорошо освещал путь.

Костя шел, насвистывая любимую песенку, только что услышанную по радио.

Вскоре он очутился вблизи бушующего потока и принялся изучать стену, по которой ему предстояло взбираться вверх.

Это была стена, испещренная мелкими трещинами, в разных местах торчали каменные выступы, образующие иногда удобные площадки.

Костя приготовил веревку с петлей и, размахнувшись, удачно набросил ее на один из выступов. Подниматься было легко. Правда, стены, мокрые от брызг, были очень скользкие, но Костя, хорошо тренированный спортсмен, легко преодолевал все трудности.

Вот он уже стоит на довольно широкой площадке. Дальше двигаться было незачем. Именно в этом месте можно установить ящик с толом. Рядом с площадкой находится тонкое основание каменной глыбы, почти готовой самостоятельно свалиться вниз.

Нисколько не торопясь и продолжая насвистывать песенку, Костя принялся прилаживать ящик.

Обратно Костя решил спускаться на веревке. Когда он, перебирая руками мокрую веревку, уже скользил вниз, над его головой, словно бенгальский огонь, рассыпая фиолетово-красные искры, горел бикфордов шнур.

Костя рассчитал время горения шнура с большим запасом. Он прекрасно успеет спуститься, дойти до машины и спрятаться в ее бронированном туловище. Но все же было не очень приятно находиться рядом со взрывчаткой, к которой, хотя и медленно, подбирался огонь, и Костя решил поторопиться.

Однако спуску очень сильно мешали каменные выступы. От раскачивания веревка то и дело терлась и наконец заклинилась в расщелине.

Костя увидел, что висит над самой серединой бурлящего потока.

Он пробовал раскачаться, но еще больше испортил дело. Вережка заклинилась между двумя выступами в другом месте.

Единственный выход — снова подняться наверх...

Костя внимательно осмотрелся и стал подтягиваться на руках.

Словно предупреждая о грозящей опасности, на голову Кости, приближавшегося к взрывчатке, неожиданно посыпался дождь красных искр.

6. ВЗРЫВ

Профессор Полозов и инженер Дорохов сидели за выдвижным столом и внимательно изучали карту.

— Теперь мы находимся вот тут, — проговорил Полозов, указывая карандашом. — Быстро прошли. Это уже под территорией пустыни.

— Если бы немного изменить защитную сетку у гребного винта, то машина двигалась бы по воде еще быстрее, — произнес инженер.

— Не нужно... Ничего не нужно изменять в вашем вездеходе. Он работает прекрасно... Интересно, куда дальше уходит вода?.. Вот смотрите: это схема подземного хода, составленная мною на основании наблюдений и измерений во время пути. Можно предположить, что дальше...

Профессор не договорил фразы. Послышался странный звук, напоминающий чавканье.

— Что такое? — тревожно произнес профессор, подходя к люку.

— Может быть, какой-нибудь мастодонт бродит по пещере?

— Никаких мастодонтов тут не должно быть... Надо хоть немного интересоваться зоологией и геологией,

Андрей Леонидович! — раздраженно ответил профессор.

— Вы же не интересуетесь моей защитной сеткой к винту...

— И очень плохо... очень плохо. Признаюсь, что плохо... Надо выйти и посмотреть. Все эти таинственные звуки начинают меня раздражать...

Через минуту они находились уже на плоской площадке вездехода. Однако самый тщательный осмотр не привел ни к чему. Поблизости никого не оказалось.

— Почему это до сих пор нет Кости? — тревожно проговорил Дорохов, всматриваясь в бурлящий поток воды, виднеющийся вдали. — Жаль, что я не настоял на своем и не отправился вместе с ним.

— Но он ведь опытный подрывник?

— Опытный. Однако...

— Что “однако”?

— Мало ли что может случиться!

— Да... конечно... — задумчиво произнес Полозов. — Знаете что, Андрей Леонидович? Я, пожалуй, пойду посмотрю.

— Теперь это опасно. Давайте попробуем позвать... Ко-о-о-о-остя-а-а!.. — прокричал Дорохов.

Ему ответило необычайно гулкое и продолжительное эхо, возможное по своей продолжительности лишь в огромном каменном подземелье.

— Ко-о-остя-а-а-а!.. — тревожно повторил Дорохов. Ответа не было попрежнему. Но через минуту совершенно отчетливо донесся звук, очень похожий на жалобный вой.

— Опять... Вы слышите?.. — забеспокоился Полозов.

Если бы люди в это время находились не на площадке, а в кабине машины, то они бы увидели странную вещь. В одном из маленьких отделений кабины без всякой видимой причины зашевелился ящик. Его крышка, на которую были навалены разные предметы, стремилась самостоятельно приподняться.

Но люди, продолжавшие звать Костю, ничего этого не видели. Не увидели они также, как из ящика с большим трудом выкарабкалась собака, угадавшая по интонации крика, что ее хозяину грозит опасность.

Собака быстро обнюхала помещение, выпрыгнула из люка и помчалась, опустив голову, по следам Кости.

— Его не следовало бы отпускать одного. Это я виноват, — взволнованно говорил Дорохов, спускаясь по лестнице.

За ним, торопливо перебирая ногами ступени, следовал старый профессор.

Обгоняя друг друга, оба помчались к отверстию, откуда вырывалась вода.

Но вот Дорохов остановился и ухватился за рукав Полозова.

— Посмотрите! — испуганно прошептал Дорохов. — Горит бикфордов шнур...

Несколько секунд оба стояли в нерешительности. Затем профессор, не говоря ни слова, неожиданно сорвался с места и бросился бежать по направлению порогов.

— Взрыв!.. Может произойти взрыв! Каждую секунду! Остановитесь!.. — кричал Дорохов, стараясь догнать профессора.

Но профессор, прыгая с камня на камень, быстро мчался вперед.

— Костя!.. Костя!.. Костя!.. — кричал он срывающимся голосом, стараясь перекрыть шум воды.

Полозов не видел, как в это время вверх карабкалась по каменным уступам большая кудлатая собака. Не видел этого и Дорохов, поскользнувшийся на камне и упавший на землю. Никто также не видел, как Джульбарс, остановившись на площадке, несколько секунд наблюдал за снопом искр, разбрасываемых бикфордовым шнуром, понюхал привязанную веревку, а затем со всего размаху бросился вниз, в воду.

Через две-три секунды раздался взрыв.

Могучая воздушная волна застигла Полозова на берегу озера, столкнула в воду, и он погрузился с головой на значительную глубину.

Возможно, именно это обстоятельство спасло профессора от града камней, вслед за этим посыпавшихся сверху. Однако один из камней все же успел нанести сильный удар в правое плечо.

Барахтаясь в холодной воде, Полозов чувствовал резкую боль. Правая рука оказалась поврежденной, и приходилось работать лишь левой.

Для старого, опытного путешественника, каким был профессор Полозов, не впервые тонувшего на своем веку, вначале положение не показалось опасным. Однако уже спустя минуту он понял, что силы оставляют его.

— Помогите... — прохрипел Полозов и погрузился с головой в воду.

Еще несколько раз удалось профессору поднять голову над водой, но он уже прекрасно понимал, что все это продлится недолго.

Кроме бездействующей руки, плыть к берегу мешали одежда и тяжелые походные сапоги. Течение уносило его все дальше и дальше.

В это мгновение он ощутил совершенно отчетливо, что зубы какого-то животного хватают его сзади за большое плечо. Полозов попытался левой рукой нанести удар врагу, но сделать этого не смог.

Вскрикнув от боли, он потерял сознание.

* * *

Уже давно прошло время, условленное для радиосвязи.

Люда сидела в палатке одна. Она продолжала внимательно вслушиваться в наушники, изредка подкручивая ручки настройки своего радиопередатчика. Время от времени снова повторялся ее монотонный и немного тревожный голос:

— “Амфибия”... Я “Пустыня”... “Амфибия”... Я “Пустыня”...

В палатку вошел Афанасий Кондратьевич.

— Безобразие! — проговорил он, приближаясь к радистке.

— Что такое? — спросила Люда, не поднимая головы.

— Да вот... собака исчезла... словно как в землю провалилась. Наверное, погналась за вездеходом... Нигде нет! Так и передайте Косте.

— Некому передавать, Афанасий Кондратьевич. Вот уже час, как Костя не отвечает.

— Вот еще новость! — проворчал механик.

— Когда вы видели собаку последний раз?

— Да, признаться по-честному, с тех пор как машина уехала, я ее не видел совсем. Товарищ Уточкин сказал, что закрыл ее в третьей палатке. После отправления машины я пришел туда — нету... Ну, подумал, бежит где-нибудь...

Афанасий Кондратьевич постоял еще некоторое время у передатчика, тяжело вздыхая и переминаясь с ноги на ногу, и медленно направился к выходу.

— Вот не знаю... — проговорил он задерживаясь. — Надо сообщить Марии Ивановне... Когда я лежал на песке возле буровой скважины, то... возможно, мне показалось... одним словом, будто из-под земли взрыв был слышен...

* * *

Все случившееся было совершенно невероятно, и Дорохову не хотелось верить.

Несколько раз он уже подходил к радиопередатчику, чтобы сообщить о несчастье на поверхность, но рука, поднятая для того, чтобы включить аппарат, опускалась сама собой.

Бесследно исчез Костя Уточкин.

На раскладной кровати, поставленной у стены кабины, лежал с забинтованным плечом профессор Полозов.

— Я припоминаю, — говорил он с трудом, — что на меня напала какая-то большая рыба или животное. Вот до сих пор отчетливо ощущаю, как она схватила меня за больное плечо. Это невероятно! Согласитесь сами... Ведь больших рыб или животных в подземных озерах не встречается...

— И еще странно то обстоятельство, — задумчиво проговорил Дорохов, — что я нашел вас на берегу сравнительно далеко от того места, где раньше была вода... Вы не помните, не ползли ли вы сами?

— Этого не может быть. Человек, потерявший сознание, как известно, не двигается.

— Странно...

— Очень странно...

Дорохов снова вылез на площадку.

После взрыва грот значительно изменился. Огромное озеро превратилось в маленькую лужицу. Исчез шум воды. Обвалившаяся масса камней засыпала отверстие, откуда в грот поступала вода. Правда, под большим напором она продолжала бить сквозь щели в камнях длинными фонтанирующими струями, но общее количество поступающей воды было ничтожно. Работа Кости не пропала даром. Теперь профессор мог удобно исследовать подземные ходы и расщелины, освобожденные от воды.

Уже два раза осматривал Дорохов место взрыва, но обнаружить тело Кости ему не удалось.

Горький комок подступал к горлу Дорохова, стоявшего на площадке. Быстро сменяясь, пронеслись воспоминания о неразлучном механике, с которым Дорохов работал уже много лет, добром и чутком товарище.

— Искать, искать еще. Искать, пока тело не найдется. А вдруг он живой! — тихо шептал инженер, сжимая кулаки.

Неожиданно Дорохов замер. Ему показалось... Но нет, этого не может быть...

Инженер спустился в кабину.

— Ну как? — озабоченно спросил Полозов, приподнявшись на постели.

Инженер ничего не ответил. Он медленно опустился на сиденье.

— Сколько машин и разных приборов понастроили мы вместе с Костей! — глухо проговорил он. — Вы знаете, как я люблю технику и как близки и дороги мне эти машины. И вот... все эти машины вместе взятые и тысячи других, самых совершенных и самых замечательных, не стоят одной человеческой жизни...

Полозов, стараясь не шуметь, осторожно поправил подушку и уселся еще выше,

— Иногда людям приходится жертвовать собой, Андрей Леонидович, — немного виновато, не глядя на инженера, начал он. — Жертвовать собой ради прогресса науки, ради того, чтобы машины были более совершенны. В капиталистическом обществе, где каждое научное достижение служит для порабощения людей, где каждая новая усовершенствованная машина выбрасывает на улицу новые толпы безработных, — это бессмысленные и жестокие жертвы... В нашей же стране труд стал делом чести и доблести, а самоотверженные поступки ради прогресса науки и техники — делом величайшей чести, доблести и геройства... Но поиски Кости мы еще будем продолжать, — тихо закончил профессор.

— Я хочу немедленно отправиться на поиски, — проговорил инженер поднимаясь.

Во время сборки необходимых вещей инженер неожиданно увидел, как Полозов приподнялся с постели, внимательно к чему-то прислушиваясь.

— Тише... — прошептал профессор. Дорохов замер.

— Мне показалось, что я слышал отдаленный лай собаки... Вот уж поистине таинственная пещера! — проговорил профессор, снова опускаясь.

— И мне показалось.

— Вот видите!

— Мы беспрерывно думаем о Косте, и потому нам кажется... Ведь Костю трудно представить без его собаки.

— Возможно, — пробормотал профессор, закрывая глаза.

Однако в следующую минуту профессор быстро поднялся и свесил ноги с постели.

— Что случилось? — тревожно спросил Дорохов.

— Иду с вами.

— Это невозможно. Лежите.

— Нет, иду. Лежать тут не хочу и не могу. Чувствую себя не так уж плохо, чтобы валяться, когда дело идет о спасении человека.

Увидев непреклонную решимость Полозова, Дорохов перестал возражать. Прихватив с собой сильные электрические фонари, веревку, топоры и разную мелочь, они вылезли из люка и отправились на поиски.

Было решено тщательно обследовать часть грота, противоположную той, где был произведен взрыв. Ведь тело Кости могла унести вода.

Несмотря на то что профессор шел, преодолевая боль, они быстро достигли стены и углубились в одну из расщелин. Свет прожектора машины не достигал сюда. Приходилось идти, освещая дорогу электрическими фонарями.

Глухо разносились шаги в узком каменном коридоре. Иногда ноги попадали в мелкие лужицы, и тогда еще влажные стены отражали звонкий всплеск.

Неожиданно луч света упал на продолговатый белый предмет, совершавший на земле конвульсивные движения.

Путники ускорили шаг. Оказалось, что это небольшая рыба барахтается в лужице.

— Видите! Совсем белая. Все живые существа в подземных озерах — белые. Света тут нет, и краска для организма становится ненужной... Замечательный экземпляр! — проговорил Полозов наклонившись.

Как бы в подтверждение слов профессора в этой же луже оказался плавающий червь длиной около пятидесяти сантиметров, тоже совершенно белый.

— Идемте! — заторопил Дорохов.

— Вы не думайте, что, интересуясь рыбой и червяком, я забыл о Косте, — проговорил профессор, поправляясь с Дороховым. — Присутствие этих существ говорит о том, что тут раньше протекала вода. Следовательно, она именно сюда могла унести Костю.

Вскоре путь преградил широкий колодец. Дальше была стена. Следовательно, вода уходила только в колодец, вниз.

Дорохов ползком приблизился к краю. Свет его прожектора скользнул по совершенно отвесной стене и потерялся в бесконечной глубине.

Впрочем, глубина колодца не была бесконечной. Где-то совсем далеко виднелся слабо фосфоресцирующий голубоватый свет. Погасив свой фонарик, Дорохов убедился в этом окончательно.

— Внизу свет, — прошептал он.

— Не может быть! — Посмотрите.

Профессор с трудом опустился на землю и также подполз к краю.

— Что за чертовщина! — проговорил он. — Откуда это свечение?

— Может быть, фосфор?

— Надо хоть немного знать геологию, Андрей Леонидович... Разве может быть в этом месте фосфор! Он бы давно окислился от воды и перестал светиться. Это не фосфор, это совершенно невероятная вещь!

— Ко-о-о-о-остя-а-а!.. — закричал Дорохов.

Когда утихло раскатистое эхо, где-то совсем далеко, даже трудно было определить — откуда, послышался тихий собачий лай.

— Опять... Вы слышите? — прошептал Дорохов приподнимаясь.

7. СНОВА ЗАГАДОЧНОЕ СВЕЧЕНИЕ

Совершенно разбитые длительными поисками, профессор и инженер вернулись в машину и легли отдохнуть.

Усталость и пережитые волнения сказались немедленно, и оба заснули мертвым сном.

Вскоре Полозову приснился кошмар. Он совершенно отчетливо увидел, что его щеку лижет большая собака. Профессор, не любивший собак, отбивался изо всех сил. Наконец, сделав над собой невероятное усилие, как это часто делают люди, желающие избавиться от неприятного сновидения, Полозов проснулся и увидел... увидел собаку, стоявшую передними лапами на его постели.

Профессор громко сказал “Брысь!” и на всякий случай протер глаза.

Перед ним стоял Джульбарс.

— Андрей Леонидович! Проснитесь! Собака! — закричал Полозов.

— А?.. Что?.. Опять?.. — забормотал Дорохов, вскакивая с постели. — Вот так штука! — продолжал он. — Значит, она действительно была тут! Только подумать... Неужели она бежала и плыла за нами?.. Джульбарс, где Костя?

Собака присела на задние лапы и, быстро виляя хвостом, принялась лаять, поворачивая пасть во все стороны.

— Не понимаю!

Словно поняв человеческую речь, собака вскочила и побежала к открытому люку, указывая этим, что людям необходимо следовать за ней.

Широкая галлерея, по которой пришлось идти вслед за собакой, круто спускалась вниз.

Путешествие было длительным. Временами приходилось карабкаться по грудам камней, громоздившихся в проходе, а иногда спускаться в провалы и подыматься вновь по скользким стенам.

Вскоре Полозов и Дорохов очутились на широкой и почти ровной площадке. Взглянув вверх, Полозов вскрикнул от удивления.

Причудливо и с необычайным капризом проделывает вода под землей свои ходы. И виновата в этом не столько вода, сколько породы, залегающие под землей. Мягкие, растворимые пласты перемежаются с твердыми, каменными, и идут они то строго горизонтально, то наклонно, а иногда и совершенно отвесно. Вот почему широкие подземные галереи часто переходят в почти отвесные колодцы, эти колодцы пересекают другие галереи, и все вместе представляет собой сложный и запутанный лабиринт из широких, узких, вертикальных и горизонтальных проходов.

Наши путники, пройдя по одной из боковых галлерей, оказались на дне широкого каменного колодца.

Но не это обстоятельство вызвало восклицание профессора.

Дело было в том, что высоко над головой виднелось голубоватое свечение, замеченное уже раньше.

— Кажется, это тот самый колодец, в который мы смотрели сверху, — проговорил Полозов.

Между тем собака требовала итти дальше. Она звала в маленькую расщелину в стене колодца.

Сделав всего несколько шагов, люди увидели то, что искали.

На гладком, хорошо отполированном водой каменном полу лежал Костя в комбинезоне, изорванном в клочья.

— Я приведу сюда машину: там медикаменты, — проговорил Дорохов и, прежде чем профессор успел что-либо ответить, бросился бежать назад. Дорохову хотелось верить, что Костя жив.

* * *

Костя, действительно, был жив.

Все, что он рассказал, уже находясь в кабине вездехода, было в высшей степени интересно.

Он помнил, как прыгнул в воду, и, видно, ударившись о камень, сразу потерял сознание. Когда он пришел в себя — почувствовал, что лежит на каменной площадке. Бурный поток прибил его к стене. Его ноги находились в воде, стремительно несущейся мимо. Где-то вдали чуть был виден свет прожектора.

Костя попытался встать, но сделал неверное движение. Его подхватил поток, бороться с которым было трудно.

Вскоре Костя почувствовал, что плавает уже в спокойной воде. Было темно. Его рука коснулась отвесной стены. Он пытался найти выступ, чтобы зацепиться за стену, но ему не удавалось. Он чувствовал, что вода, в которой он плыл, уходит все ниже и ниже.

Неожиданное событие придало ему новые силы и прибавило надежды на спасение. По-видимому, с огромной высоты, если судить по силе всплеска, к нему бросилась в воду собака — его старый фронтовой друг Джильбарс.

Вместе держаться на воде стало легче.

Бесконечно тянулось время. Между тем уровень воды спустился все ниже, и наконец ноги Кости коснулись дна.

Теперь, когда прожектор вездехода освещал колодец, по которому вместе с водой опускался Костя, стало понятно, что произошло. Вода постепенно ушла в боковые галереи и оставила Костю на дне.

Он долго кричал, надеясь, что его могут услышать, и наконец, убедившись в бесплодности этой попытки, улегся, чтобы собраться с силами, на камень рядом с мокрой собакой и сразу уснул.

— Надо же связаться с поверхностью! Я и забыл! — воскликнул Дорохов. — Не беспокойся, Костя, я сам, — добавил он, видя, что механик собирается подняться с постели.

Дорохов подошел к радиопередатчику и принялся его настраивать. Он долго возился, внимательно вслушиваясь в наушники. Наконец Костя не вытерпел и поднялся, чтобы помочь.

— Хороший пес, хороший... Только вот пугал нас, сидя в ящике, — проговорил профессор, глядя рядом лежащую собаку. — Хозяина своего спас... — продолжал он. — А меня спасать бы не стал... не стал... Я на тебя палкой замаяхнулся...

Собака подняла голову и посмотрела на Полозова своими умными глазами. Может быть, ей хотелось сказать, что человек неправ и что его вытащила из воды именно она, а не какое-то неизвестное животное. Но собака не умела говорить и только тряхнула головой перед тем, как снова положить ее на пол.

По приглушенному разговору, происходившему между инженером и механиком, Полозов понял, что случилось что-то неладное. Оба сосредоточенно продолжали возиться у радиоприбора, открывая крышки и заглядывая внутрь. Дорохов вслушивался в наушники. Наконец он поднялся с сиденья и, не снимая с головы телефонных трубок, тихо произнес, обращаясь к Полозову:

— Странно... Полностью потеряна радиосвязь с поверхностью.

— Неужели радиоволны не проходят через толщу земли, отделяющую нас от поверхности? Ведь мы находимся сравнительно неглубоко, — нерешительно добавил Костя.

— Они должны прекрасно проходить, — словно оправдываясь перед профессором, произнес Дорохов. — У нас в машине специально для этого установлен длинноволновый передатчик.

— Это нехорошо... — протянул Полозов.

— Что, длинноволновый?

— Да нет — то, что нет связи... Тут не до шуток, Андрей Леонидович.

Но ни Дорохов, ни Костя не собирались шутить. Работать без связи с поверхностью было очень опасно.

* * *

Много исходила машина, грохоча своими стальными гусеницами в бесконечных подземных тоннелях и гротах. Она то поднималась вверх, то спускалась на значительную глубину. Тщательно зарисовывал профессор ходы и соединения между тоннелями, стараясь найти направление, куда в конечном итоге уходит вода.

Вездеход остановился в довольно обширном гроте. На осмотр широкой боковой галереи отправились только Полозов и Костя в сопровождении собаки. Дорохов же остался у вездехода, чтобы произвести осмотр машины.

Перед тем как углубиться в проход, Костя остановился.

— Не кажется ли вам, что прожектор лодки светит неполным накалом? — обратился он к профессору, указывая рукой на вездеход, видневшийся вдали.

— Возможно... Кажется, да... — пробормотал профессор. — Впрочем, это, может быть, только потому кажется, что потолок тут низкий.

Они постояли несколько секунд, разглядывая пучок света, тянувшийся по подземелью, и тронулись дальше. Вскоре Костя увидел то, что раньше представлялось профессору необъяснимой загадкой. Впереди показался голубой свет. Исследователи ускорили шаг и через несколько минут вышли в новый грот.

Когда были потушены электрические фонари, их глазам предстало, красивое, феерическое зрелище.

Стены и потолок грота были изрезаны тонкими жилками, излучающими фосфоресцирующее сияние. Благодаря этому все подземелье было довольно хорошо освещено бледно-голубым светом.

— Это здорово! — воскликнул Костя. — Жаль, что я не взял с собой фотоаппарат.

— Действительно... Не столько здорово, как непонятно, — пробормотал профессор, приближаясь к стене.

Он вынул нож и принялся отковыривать кусочек светящегося вещества.

— Вы же видите, что это не фосфор!.. А что же это может быть? — продолжал Полозов, разглядывая при свете фонаря белый кусок, легко крошившийся в руках.

— Вернемся в машину — исследуем. Походная химическая лаборатория у нас есть, — проговорил Костя.

— Конечно, исследуем! Только вот я не знаю, стоит ли возвращаться сейчас или закончить намеченный маршрут...

Было решено продолжать изучение подземного хода дальше.

— По-моему, температура тут выше, чем в том месте, где стоит машина... Мне, например, жарко, — заметил Костя, когда они уже находились вдали от светящегося грота.

Он хотел сказать что-то еще, но неожиданно остановился.

— Посмотрите... — прошептал Костя, указывая лучом своего фонаря вперед. — Белое... Двигается и меняет форму... Что это может быть?

Профессор тоже остановился.

— Пар, — проговорил он спокойно.

Смутное воспоминание неожиданно овладело Костей. Он вспомнил почему-то отверстие у каменных развалин. Наблюдая тогда за уползавшей змеей, он видел облако испарений, очень похожее на то, которое поднималось перед ним сейчас.

— А может быть, дело обстоит следующим образом... Случай мало исследованный... — забормотал профессор. Через несколько минут они подошли к огромной трещине, зигзагообразно идущей по каменному полу подземелья. Из нее валили густые клубы горячего пара. Белое облако лишь частично расстиралось внизу. Основная же масса, быстро поднимаясь, уходила вверх, в широкий наклонный проход.

— Много еще тут работы, Костя, — спокойно проговорил Полозов. — Похоже на то, что большая часть воды подземной реки уходит к вулканическому очагу и там испаряется. Нам обязательно нужно проследить, куда дальше девается пар. Теперь для меня становится ясно, отчего иногда ночью песок в пустыне бывает мокрым... Представляете! Люди ищут воду, а она поднимается к ним только в виде пара.

Костя рассказал профессору об облаке пара, виденном им в провале недалеко от лагеря экспедиции.

— Вот видите! — воскликнул профессор. — Так оно и есть... Вероятно, к месту, где сейчас располагалась поисковая партия, должен быть проход под землей. Это не значит, конечно, что весь пар уходит именно туда. Как все-таки хорошо, что мы прекратили доступ воды! Иначе все это трудно было бы исследовать.

Довольные результатами совершенного похода, Полозов и Костя возвращались к машине.

При выходе из ущелья Костя остановился, пораженный. Свет прожектора стал еще более тусклым. Теперь это было очень заметно.

— Нехорошо... — тихо проговорил Костя.

— Может быть, Андрей Леонидович там что-либо переделывает? Он все время стремится что-нибудь усовершенствовать.

— Едва ли, — с беспокойством ответил Костя. Разговаривая таким образом, они быстро приблизились к вездеходу.

В кабине их встретил Дорохов, чем-то явно расстроенный. Он нервно расхаживал, заложив руки назад.

— Что-нибудь случилось? — спросил профессор.

— Да, именно "случилось", — глухо проговорил Дорохов.

Костя молчал. Для него и так было ясно, что произошло. Об этом говорил и уменьшающийся свет прожектора и маленькие лампочки в стене, тоже горевшие неполным накалом.

— Разрядились аккумуляторы? — шопотом произнес Костя.

— Да, именно: аккумуляторы разрядились, — продолжал Дорохов, остановившись перед Костей. — Разрядились, как стартерные у какого-нибудь паршивого грузовика.

— И энергии теперь у нас не хватает... — проговорил Костя, не решаясь закончить фразу.

— ...чтобы продолжать работу, — добавил Дорохов. Теперь все ясно стало и для Полозова.

— Значит, надо бросить все и выбираться на поверхность! — волнуясь, проговорил он. — А как же... выход пара на поверхность?

— Нам нужно думать о собственном благополучном выходе. Энергии не хватит на обратный путь, — мрачно произнес Дорохов. — Голову нужно оторвать директору завода, выпускающему такие аккумуляторы... Позор! Несмываемый позор!

Наступила тягостная тишина. Только ничего не понимавшая собака, продолжая бегать по кабине, шумела своими когтистыми лапами.

— Не выйдем? — удивленно, словно не веря, переспросил Полозов.

— Не выйдем.

— То-есть... позвольте! Как же это...

— А если проходом, по которому поднимается пар? — неожиданно вставил Костя. — Ведь этот проход может нас вывести прямо к тому месту, где расположена экспедиция.

— Каким проходом? — недоверчиво спросил Дорохов.

Ему объяснили, в чем дело.

— Если только этот проход такой же широкий до самой поверхности... что мало вероятно... — удрученно проговорил Дорохов.

Однако ничего другого делать не оставалось, и люди начали готовиться к отъезду.

Случилось так, что, помогая инженеру и механику, Полозов случайно полез в карман и извлек оттуда камень, принесенный из светящейся пещеры.

— Потух!.. Товарищи, что же это такое? Вот посмотрите! — закричал он, вертя в руке белый кусочек.

Но на его восклицание никто не ответил. Сознавая серьезность создавшегося положения, Дорохов и Костя слишком были увлечены своей работой.

Профессор молча подошел к лабораторному шкафчику и стал вытаскивать оттуда пробирки и аналитические весы.

— Постойте!.. Прекратите приготовления! — вдруг закричал профессор.

— Что? — удивленно спросил Дорохов.

— Я уже определил, что это за вещество: это барит!

— Ну и что же такого?

— А то, что если его вынести из кабины, забронированной сталью, он снова начнет светиться,

С этими словами профессор вскочил и, подбежав к люку, просунул в него руку с камнем. При этом маленький белый кусочек, как только вышел за пределы кабины, неожиданно озарился слабым фосфоресцирующим светом.

— Сейчас мы никуда отсюда не тронемся... Я думаю, вы согласитесь со мной, — отчеканивая каждое слово, проговорил профессор.

Дорохов и Костя увидели, как лихорадочно заблестели его глаза и каким необыкновенно суровым и мужественным стало лицо.

8. СОБАКА ВИДИТ УРОДОВ

Первые признаки необъяснимого беспокойства собаки, как это ни странно, заметил профессор Полозов.

— Не находите ли вы, что ваш четвероногий друг все чаще и чаще начинает ворчать и к чему-то прислушиваться? — сказал он Косте.

— Да... Пожалуй, верно, — ответил Костя. — Что это может быть?

В это время собака, как нарочно, резко остановилась и ошетишила шерсть. Ее уши, обычно висевшие, поднялись вверх. Послышалось глухое ворчанье. При свете электрических фонариков было видно, как слегка дрожит ее тело.

— Что с тобой, Джульбарс? — ласково спросил Костя. Собака подошла к хозяину и испуганно прижалась к ногам.

Все это происходило в узкой и душной галлерее, в которой все трое бродили уже много времени, вооруженные геологическими молотками.

Что же заставило людей заниматься геологической разведкой, когда нужно было думать о собственном спасении?

Причина была следующая.

Когда профессор еще несколько раз повторил опыт, вынося барит из машины (при этом снаружи он непременно начинал светиться), инженер Дорохов потребовал, чтобы люк был закрыт. Машина уже могла отправляться в путь. Профессор снова запротестовал:

— Вы понимаете, что происходит?... Не понимаете? Очень жаль... А это уже относится больше к пределам техники, чем к геологии, — возбужденно и немного радостно заговорил Полозов. — У меня в руке окись бария, обладающего способностью светиться под влиянием ультрафиолетовых лучей, рентгеновских лучей и мощного радиоактивного излучения... Для меня совершенно ясно, что мы находимся в зоне мощнейшего радиоактивного излучения. Именно от этого светится камень. Стоит ему очутиться в кабине, забронированной толстым слоем стали, как свечение прекращается. Радиоактивное излучение не попадает в кабину... Теперь для меня понятно, почему разрядилась аккумуляторы. Ведь воздух-то под влиянием радиоактивного излучения

становится необычайно электропроводным, а во время стоянки снаружи было много оголенных проводников. Да кроме того, у нас все время открыт люк, против которого находится распределительный щит с голыми шинами... Это замечательное открытие!

— Чему же вы радуетесь? — растерянно проговорил Дорохов.

— То-есть, позвольте!.. А как же!

— Я знаю, почему потеряна связь с поверхностью земли, — вмешался Костя. — Вы говорите, что воздух и толща земли становятся электропроводными. А всякий электропроводный материал экранирует радиоволны. Даже железные крыши зданий мешают ультракоротковолновой связи.

— Вы правы! — радостно вскрикнул Полозов.

— Чему же вы радуетесь? — теперь уже раздраженно повторил Дорохов. — Связь потеряна... Машина осталась без электроэнергии. Хорошенькое дело!.. Только подумайте! Аккумуляторы разрядились. Значит, конструкция ни к чорту! Значит, я не предусмотрел надежной экранировки от этого самого излучения! Есть чему радоваться!..

Полозов, возбужденный и задыхающийся от волнения, приблизился к Дорохову и взял его под руку.

— Успокойтесь, Андрей Леонидович, — проговорил он отрывисто. — Сейчас я вам все объясню... Ваша машина работала и будет работать прекрасно. Это очень совершенный механизм. Радиоактивного излучения под землей вы, действительно, не предусмотрели... Я говорю, — в такой необычайной интенсивности! Чему я радуюсь? Да ведь объяснение одно — тут где-то вблизи находится огромная, еще неслышанная по своим размерам залежь урановой руды! Иначе чем же объяснить, что излучение настолько сильное, что даже силовые аккумуляторы разрядились... Вы понимаете? Перед нами залежи ценнейшей руды! Двигатели ближайшего будущего, которые заменят паровые, бензиновые, нефтяные и прочие, будут работать на урановой руде, используя заключенный в ней огромный запас внутриатомной энергии.

— Позвольте... позвольте... — смущенно пробормотал Дорохов. — Вы действительно уверены, что тут должна находиться урановая руда?

— Ну, конечно! Притом в огромном количестве. Неслышанный запас! Мы должны обнаружить его.

Все это свалилось на голову подземных путешественников совершенно неожиданно.

Перед ними встал выбор.

Дальше оставаться под землей было опасно. С другой стороны, желание обогатить свою родину открытием нового месторождения урановой руды требовало, чтобы они еще некоторое время находились под землей.

Мучительно обдумывали люди свое окончательное решение. Еще раз проверялся остаток энергии. Немедленно были приняты меры к тому, чтобы не происходил дальнейший разряд аккумуляторов. Снаружи были убраны все провода, растянутые Дороховым при осмотре машины-амфибии. Люк был тщательно завинчен.

И люди решили: они должны еще задержаться под землей, чтобы разыскать залежь урановой руды.

Поиски происходили торопливо. Нельзя были задерживаться ни одной лишней минуты.

Падая от усталости, все трое без конца лазили по длинным подземным ходам.

* * *

В поисках руды сильно помогло очень простое приспособление, тут же придуманное и изготовленное Костей. Он поместил кусочек барита в толстостенную металлическую банку, у которой было одно маленькое отверстие. Поворачивая банку, можно было находить такое положение, когда барит светился сильнее всего. Это указывало, откуда идет радиоизлучение, попадающее в банку только через дырочку.

* * *

Огромную разрушительную силу таит в себе даже очень медленно текущая вода.

Она в дружбе со временем. То, что не может сделать одна вода, она делает в союзе с ним.

Медленно, но непреклонно подтачивает лениво текущий поток огромные гранитные скалы, меняет русло рек.

Подземные воды, разумеется, не составляют исключения.

Маленькие фонтанирующие струйки, образовавшиеся после взрыва, разрастались все больше. Вскоре они превратились в бурлящие лавины.

И хлынула вода в обмелевшее озеро, а затем с ревом — в бесконечные подземные галереи.

Именно шум приближающейся воды встревожил собаку, обладающую, как известно, необыкновенно чутким слухом.

* * *

Лагерь поисковой партии в пустыне Ауэлекиз жил необычной и напряженной жизнью.

Только что прибыл со специальным оборудованием первый отряд спасательной экспедиции. Кроме того, для участия в спасательных работах набиралась команда из числа сотрудников поисковой партии.

Тут же обнаружилось, что из лагеря бесследно исчезли механик Горшков и двое рабочих.

Это не на шутку встревожило Марию Ивановну, начальника партии.

— Как это объяснить? — спрашивала Мария Ивановна, советуясь с Людой.

— Он, наверное, струсил. Боялся, что ему придется ехать в команде спасательной партии, — с негодованием ответила Люда. — Вот теперь окончательно ясно, кто он такой.

— Люда!.. — укоризненно произнесла Мария Ивановна.

— Вместо него поеду я! — горячилась Люда.

— Вас я не отпущу. Лагерь не может остаться без радиста. Да кроме того... Как вы не понимаете! Ведь может случиться так, что еще будут радиосигналы из-под земли.

— Нет, не будут, — тихо ответила Люда и отвернулась. Она не хотела, чтобы Мария Ивановна видела навернувшиеся слезы.

* * *

Наконец случилось то, приближение чего чувствовала собака.

Уже были найдены первые пласты урановой руды.

Черная, невзрачная на вид каменистая масса выходила в ущелье широким слоем. Дальше следовал другой слой. По мере углубления в узкий проход становилось все более ясно, с какими огромными запасами приходится иметь дело. Суммируя свои наблюдения, Полозов уже произвел приблизительный подсчет и называл огромную цифру. Казалось, что на этом можно было остановиться и возвращаться к машине. Но страстное желание обнаружить еще большее толкало людей все дальше и дальше.

На отсутствие собаки первый обратил внимание Костя. Он принялся ее громко звать, но собаки нигде не было.

Спустя некоторое время послышался отдаленный лай, гулко разносившийся по каменному проходу. Лай приближался.

— Что-то случилось, — тревожно проговорил Костя.

— Что может случиться? — удивленно откликнулся Дорохов. — Просто надоело собаке тут с нами бродить.

В то же мгновение из бокового хода выскочил пес. Он бросился к Косте и, часто хватая его зубами за одежду, принялся с остервенением лаять. Прыгая и извиваясь, собака приглашала Костю следовать за ней.

Костя направил на нее луч своего прожектора. Он увидел, что собака была совершенно мокрая.

— Вода! — воскликнул Костя. — Товарищи! К нам приближается вода!

— Откуда? — проговорил Дорохов.

— Могла размыться водой плотина, которую устроил Костя своим взрывом, — беспокоило ответил Полозов.

— За мной! — повелительно закричал Костя. Бросив лопаты и кирки, люди бросились бежать к выходу из ущелья.

К машине приходилось добираться уже по колени в воде.

— Обидно все-таки! — произнес Костя, наблюдая в стеклянный иллюминатор, как увеличивается уровень воды.

— Что вода помешала исследованию залежей руды? — спросил Полозов.

— Это само собой! — продолжал Костя. — А кроме того, обидно, что вода прорвала нашу плотину. Скажите, Валентин Петрович, — проговорил он, повернувшись к профессору, — возможна такая вещь? Что, если бы плотина не прорвалась, то вода в реке Янгиер продолжала бы все подыматься да подыматься, пока наконец не вернулась бы в свое прежнее русло?

— Это было бы возможно, если бы... — в раздумье проговорил Полозов.

— Что “если бы”?

— Если бы эта плотина действительно могла стоять длительное время. Завал камней, как вы видите сами, очень быстро размывается... Хотя, позвольте... позвольте...

Профессор подошел к столику и принялся рассматривать нарисованную им схему подземных лабиринтов.

— Хм... хм... — проговорил он. — Подойдите-ка, Костя, сюда. Может быть, я ошибаюсь.

К столику подошли Костя и Дорохов.

— Видите, какая вещь, друзья... Я знал, что заграждение для воды, устроенное Костей, заграждение временное. Правда, я не предполагал, что вода прорвется так быстро. Но что, если нам как следует завалить вот этот колодец, откуда поднимался пар? Вот посмотрите... тут вода не пройдет. Тут тоже. Колодец очень глубок. И если бы нам удалось его целиком завалить мелкими камнями, то под землю стало бы уходить... ну, процентов десять воды! Я думаю, что воде не удалось бы размыть этот завал.

— И река Янгиер вернется в пустыню?

— Со временем, конечно!

— Это было бы здорово! — прошептал Костя.

Между тем вода прибывала в грот. Уровень ее быстро поднимался. Машина, плавающая на поверхности, начала раскачиваться. Дорохов открыл кран специального резервуара, и он, наполнившись водой, утяжелил машину настолько, что она снова села на дно. Таким образом, вездеход с герметической кабиной превратился в своего рода подводную лодку, ползающую по дну на гусеницах.

* * *

Все, что происходило в кабине, собаке не нравилось.

Она видела на своем веку разных людей, одетых в самые разнообразные костюмы.

Но таких уродливых собаке еще не приходилось видеть. Больше всего Джульбарса смущали головы. Они теперь были блестящими и не с двумя глазами, как у всех людей, а с одним большим и круглым.

Собака не понимала, что люди надели водолазные костюмы с самостоятельным кислородным питанием.

Вскоре трое одноглазых покинули кабину через специальный люк с двойной крышкой, унося на плечах ящики с взрывчаткой.

Собака, жалобно воя, стала царапать лапами толстые стенки иллюминатора, в который ей было видно, как ее друзья, превратившиеся в уродов, медленно передвигались в воде.

Люди возвращались в кабину, снова уходили, унося с собой тяжелые ящики. Так продолжалось несколько раз.

Наконец они вернулись совсем и сняли с себя одежду, пугающую собаку. Машина вздрогнула и тронулась в путь.

— Взрыв произойдет через три часа, — проговорил Кости. — Я думаю, что мы успеем отойти достаточно за это время...

Машина круто шла вверх короткими, своими гусеницами по дну широкой галлерей, наполненной водой.

Вскоре в иллюминаторы стала видна голубоватая блестящая рябь.

Это была поверхность водоема.

Выйдя из воды, машина пошла быстрее. Однако это продолжалось недолго.

Все тише и тише становился звук, издаваемый коллекторами электромоторов. Обороты снижались. В аккумуляторах уже кончился запас электроэнергии.

— Какое мы прошли расстояние? — прошептал Полозов, обращаясь к Косте.

Костя с тревогой смотрел на прибор, отмеряющий пройденный путь.

9. ПЕСНЯ ПОМОГАЕТ ЖИТЬ

Два события произошли в лагере поисковой партии почти одновременно.

К палатке начальника партии подъехала машина, и из нее бережно вывели Афанасия Кондратьевича Горшкова. Он передвигался с трудом. Его голова была забинтована толстым слоем марли.

В это время из-под земли послышался глухой и продолжительный гул.

— Землетрясение! — вскрикнул кто-то.

— Нет, это, кажется, взрыв, — заметил другой. Горшкова бережно уложили в постель.

— Где вы были? — спросила Мария Ивановна, склонившись над раненым.

Но Афанасий Кондратьевич ничего не ответил и начал тихо стонать.

— Безобразие... — наконец протянул он сквозь стон.

— Что случилось?

— Ой... Лодка перевернулась на порогах. Вот меня и головой о камень... Ой... ой...

Люди, привезшие Горшкова, объяснили, что Афанасий Кондратьевич, не дождавшись прибытия спасательной партии и не спросившись начальника, уехал на машине вместе с двумя рабочими. Все трое решили не терять времени и заняться спасением людей самостоятельно. Они достали лодку в ближнем ауле, расположенном на берегу реки, и отправились в ней по подземному руслу.

Спасательной экспедиции пришлось прежде всего спасти трех смельчаков, среди которых Горшков был главный инициатор.

— Действительно “безобразие”! — вспылила Мария Ивановна, выслушав объяснение людей, привезших Горшкова.

— Нет, нет, Мария Ивановна, — тихо произнесла Люда, стоя рядом. — Я ведь думала... Вы понимаете, что я думала? Ему можно простить.

* * *

Пользоваться вездеходом дальше было бессмысленно. Он передвигался уже настолько медленно, что отважные исследователи решили пробиваться на поверхность пешком.

Дорохов долго не хотел расстаться с машиной. Он заглядывал во все углы кабины, прикасался руками к радиоприборам и все время что-то считал. На него было жалко смотреть.

— Идемте, Андрей Леонидович! — торопил Полозов.

Как бы цепляясь за последнюю надежду, Дорохов торопливо включил радиоприемник и, выстучав ключом несколько знаков, стал прислушиваться. Но все было напрасно: поверхность не отвечала. Дорохов не мог знать, что в этот момент радистка Люда находится у постели Горшкова и что у радиопередатчика нет никого.

— Однако сильное это самое излучение, раз до сих пор еще не установилась радиосвязь. Ведь мы прошли уже большое расстояние! — проговорил Дорохов, снимая наушники.

Забыв выключить радиоприемник, Дорохов взял груз, приходившийся на его долю, и присоединился к товарищам, уже вылезавшим из люка.

— Нехорошо... — бормотал Дорохов, с трудом поднимаясь по наклонной поверхности тоннеля. — Оставить машину... Я виноват...

— Совсем вы не виноваты! — успокаивал его профессор. — Ваша машина прекрасно выдержала испытание.

— Но все же не вышла на поверхность!

— Вы же не могли предусмотреть, что встретитесь с радиоактивным излучением, разрядившим аккумуляторы.

— Настоящий инженер все должен предусмотреть, — сокрушался Дорохов.

Где-то далеко раздался приглушенный собачий лай.

— Джульбарс! — крикнул Костя.

Но собака продолжала лаять, видно не трогаясь с места.

— Что там такое? — произнес Полозов. — После всего происшедшего я, признаться, полюбил этого пса... Может быть, с ним что-нибудь случилось?

Люди остановились в нерешительности. Костя еще несколько раз позвал собаку, но она с остервенением лаяла по-прежнему где-то вдали.

— Возможно, захлопнулся люк и она осталась в кабине! — предположил Дорохов.

— Я считаю своим долгом вернуться, — глухо проговорил Полозов. — Собака спасла нас от гибели. Мы должны ей помочь!

И все трое молча тронулись обратно, сгибаясь под тяжестью своих нош.

Но собака не нуждалась в помощи.

Дольше всех задержавшись в кабине, она услышала, что из наушников, лежащих у включенного радиоприемника, неожиданно раздался тихий, дребезжащий голос. Это Люда, вернувшись к своему передатчику, начала монотонно повторять позывные. Собака насторожилась и стала обнюхивать, с ее точки зрения, странный предмет. Она залаяла.

К тому времени, когда Костя заглянул в люк, Люда выключила передатчик и сняла наушники.

Ей показалось, что где-то совсем недалеко от палатки лает собака Кости, и она решила пойти посмотреть.

* * *

Проход становился все уже.

Вскоре каменные стены сменились известковыми. Все чаще и чаще приходилось идти нагибаясь и пускать в ход лопаты.

“Соединяется ли ход с поверхностью? Удастся ли нам выйти?” мучила идущих людей неотвязчивая мысль.

Наконец появился грозный признак: впереди показалась глиняная стена.

Тщательные поиски привели к тому, что было обнаружено отверстие, но настолько маленькое, что в него даже ползком не мог пролезть человек.

— Все... — грустно проговорил Дорохов, усаживаясь на землю.

Его примеру молча последовали Костя и Полозов.

— Дальше будем пробиваться лопатами и кирками, — пробовал подбодрить товарищей Костя. — В оставленной машине много запасов продовольствия. Вода также есть. Я берусь доставлять все необходимое. Правда, Джульбарс? — обратился он к собаке. — Будем ходить к машине?

Собака ответила коротким лаем и стала настороженно смотреть в сторону, откуда они только что пришли,

— Что там такое, Джульбарс?

Собака твякнула еще раз и пошла осторожным шагом, высоко подняв уши.

— Что-то чует... Надо пойти посмотреть, — проговорил Костя и последовал за собакой.

Обратно Костя вернулся бегом.

— Вода! Вода! — закричал он еще издали. — По проходу поднимается вода. Машина давно затоплена... Вода медленно приближается к нам... — продолжал он задыхаясь.

Полозов и Дорохов быстро вскочили и схватились за кирки.

— Действует! — произнес профессор, нанося удар в рассыпчатую глину. — Заграждение работает! — продолжал он, нанося последующие удары.

— Какое заграждение? — растерянно спросил Дорохов.

— То, которое мы устроили завалом колодца с помощью взрыва. Вода не уходит к вулканическому очагу. Поэтому и поднимается к нам. Разве вам теперь непонятно? А я, старый дурак, раньше об этом и не подумал!

— Понятно, — ответил Дорохов и злобно, со всего размаху ударил киркой в стену.

* * *

Походив некоторое время по лагерю и заглянув во все палатки, Люда наконец убедилась, что собаки нигде нет. Ее это мало удивило, так как собака, тосковавшая по своему хозяину, могла снова убежать неизвестно куда. Люда вернулась к радиостанции и просидела возле нее до наступления вечера.

Снова послышался лай собаки, на этот раз совершенно отчетливо, и радистка выбежала из палатки.

Действительно, по лагерю носился Джульбарс, громко лая и подпрыгивая на всех четырех лапах.

— Где ты был? — обратилась девушка к собаке, стараясь поймать ее за ошейник.

Удалось это сделать с большим трудом. Пойманная собака продолжала вырываться и жалобно скулить.

— Джульбарсик, дорогой, успокойся, — шептала девушка. — Ты друг Кости, и я его друг... Понимаешь? Ну, куда ты рвешься?.. Ты голодный? Я накормлю тебя... Пойдем...

Визжащую собаку Люде с трудом удалось затянуть в палатку.

— Ешь, Джульбарс, ешь... — говорила Люда, одной рукой придерживая собаку за ошейник, а другой поднося ко рту кусок хлеба.

Наконец собака смирилась и стала жадно жевать, растянувшись на животе и положив на хлеб обе передние лапы.

Но это продолжалось лишь несколько секунд. Собака оставила хлеб и, подняв голову кверху, неожиданно завyla так жалобно, что у Люды сжалось сердце.

— Джульбарсик, милый... — зашептала девушка, чувствуя, как у нее на глаза набегали слезы. — Мне тоже жаль Костю. Прошу тебя, не плачь...

Собака вскочила на ноги так быстро, что девушка еле успела снова схватить ее за ошейник.

— Ну, я пойду с тобой... Ну, куда ты? — продолжала она шептать, следуя за собакой.

Настойчивость, с которой собака тянула вперед, удивила Люду. Ей показалось, что пес не может так рваться, не имея для этого какой-то причины. И девушка, увязая в песке, покорно пошла за собакой.

Они быстро приближались к каменным руинам, возвышавшимся угрюмой громадой на фоне багряной зарницы.

“Там мы сидели с Костей и мечтали о превращении пустыни в цветущий край, — вспомнила Люда, увидев высоко над собой знакомую площадку. — То были мечты... А сегодня...”

Собака подвела Люду к провалу, остановилась, завиляла хвостом и стала внимательно смотреть девушке в лицо.

Люда узнала провал.

Они вместе с Костей заглядывали в него, видели там змею и еще какое-то белое облако.

Устав от быстрой ходьбы, Люда присела на маленький камень.

— Ты куда, Джульбарс? — закричала она, видя, что собака собирается спускаться в провал.

Но собака, не обращая внимания, поползла вниз. И вот тут-то произошла непонятная вещь. Люде показалось, что она слышит какие-то приглушенные удары. Девушка прислушалась. Но звук осыпающихся камней заглушил все.

Девушка вздрогнула и оглянулась. Нет, это не могла быть пластинка... До лагеря было далеко. Да и после несчастья с экспедицией никто не решался заводить патефон.

Люда услышала далекую, глухо, словно из-под земли, доносившуюся знакомую мелодию: Мы не опустим паруса, Пусть кричат нам альбатросы...

Люда хотела подняться, но не смогла этого сделать. Теперь уже совсем ясно до ее слуха донесся новый куплет.

Наклонившись над отверстием, Люда окончательно убедилась, что приглушенная песня доносится именно оттуда.

— Костя! Товарищи! — дико вскрикнула Люда и испугалась своего голоса, возвратившегося из подземелья рокошующим эхом.

Внизу радостно и звонко залаяла собака. А когда утих ее лай, Люда совершенно отчетливо услышала стук кирок о камень.

— Я здесь! Мы спасем вас! Товарищи!.. — снова, надрываясь, прокричала девушка и, вскочив, помчалась к лагерю, сшибая на своем пути камни, падая и снова поднимаясь.

* * *

Это случилось совершенно неожиданно в тот момент, когда почти все сотрудники поисковой партии, столпившись на небольшом песчаном возвышении, наблюдали, как прибывает вода.

Отверстие, из которого прошлой ночью были извлечены отважные исследователи подземной реки, уже не было видно. Вода, вырывавшаяся из него могучим потоком, разливалась так быстро по песчаной низине, что люди еле успевали убирать палатки.

Вдоль берега маленького недавно образовавшегося озера, вздымая песчаную пыль, носился Джульбарс. Он злобно рычал и лаял на воду.

— Чего лает! — угрюмо заметил Горшков, стоявший с перевязанной головой среди зрителей. — Собака так и останется собакой — существом глупым, — продолжал он, обращаясь к Косте. — Вот чем она недовольна? Воду в пустыне приветствовать надо... А она — лает!

Афанасию Кондратьевичу еще не было известно, сколько неприятностей доставила собаке вода под землей. — Теперь воды хватит даже на десять рудодобывающих предприятий! Как вы думаете? — обратилась Мария Ивановна к профессору Полозову, одетому в безукоризненно опрятный костюм и потому снова производившему вид кабинетного ученого.

— Конечно, конечно... А остальные пути выхода пара на поверхность мы так и не проследили... не проследили... А было бы очень интересно! — ответил Полозов рассеянно.

— Вам, наверно, жалко вездеход, оставшийся под землей? — продолжала Мария Ивановна, обращаясь к Дорохову. — Не следует грустить. Вы думайте о результатах вашего путешествия. Они стоят тысячи ценнейших машин.

Дорохов с удивлением посмотрел на нее.

— Я ведь собирался все равно сломать эту машину и строить новую. Она меня совершенно не удовлетворяла. Возьмите хотя бы коробку скоростей... А упорные лопасти?.. А вы почему-то думаете, что мне жалко, — немного обиженно ответил он.

Костя и Люда стояли немного в стороне от остальных.

— Удастся ли когда-нибудь сделать так, чтобы вместо пустыни тут снова был цветущий край?.. Помните, как восемь веков назад...

— Для наших людей ничего невозможного нет, — гордо ответил Костя. — Люди у нас замечательные... Иногда сразу и не видно, насколько они замечательные. Вот возьмите хотя бы профессора. Помните, я думал, что он белоручка и трус? А что оказалось!..

В этот момент со всего ходу недалеке остановилась гусеничная автомашина. Из нее выскочил человек и бросился бежать к стоящим на песчаном бугре. Это был один из участников спасательной экспедиции, отправлявшейся к тому месту, где река уходила под землю.

Человек не пробежал нескольких шагов до собравшихся, остановился, задыхаясь, и закричал:

— Товарищи! Река Янгьер вышла из берегов... Вода постепенно заполняет прежнее русло... Значит, не далеко то время, когда река вернется сюда, в пустыню!

В воздухе, сухом и удушливом, пронеслось громкое и радостное “ура”.

Люди представили ясно вместо раскаленного песка — зеленеющие берега, покрытые буйной субтропической растительностью.

ПУТИ-ДОРОГИ

Темные, свинцовые тучи, почти касавшиеся земли, поминутно прорезались яркими лентами молнии. А раскаты грома следовали один за другим настолько часто, что иногда все сливалось в сплошной гул.

У открытого окна стояли двое.

— Погода подходящая, — проговорил один.

— Надо следить внимательно, — добавил второй, пристально вглядываясь в густую пелену дождя.

Из окна было видно поле. Где-то вдали смутно вырисовывалась зубчатая стена леса, серая, покрытая полупрозрачной дымкой. Мелкие брызги дождя, заносимые ветром. Врывались в окно.

Вдруг послышался громкий, радостный возглас:

— Есть!.. Вон, за...

Но трескучий удар грома заглушил окончание фразы.

— Вон, за бугром! Чуть в стороне от проселочной дороги! — быстро заговорил один из стоявших у окна, когда утихли последние громовые раскаты. — Ты заметил?

— Идем!

— Немедленно?

— Именно немедленно...

Спустя несколько минут они уже шли под проливным дождем, в открытом поле.

Холодный ветер валил с ног. Поле превратилось в глинистое месиво. Увязали ноги.

— Холодно, Миша! Брр-рр-рр... — проворчал один из путников, высокий, грузный.

— Ер-р-р-р-рунда! — закричал второй бодрясь. — Осталось немного.

Это был маленький, щупленький человечек, закутанный, так же как и его товарищ, в блестящий под дождем черный плащ.

— Открытое поле... Гроза... — продолжал грузный.

— Ер-р-р-р-рунда! — снова отозвался щупленький в промежутке между двумя раскатами грома.

Но тут одновременно с оглушительным грохотом возникла ни с чем не сравнимая по яркости завеса огня. Горячая волна воздуха с силой толкнула в грудь.

— Миша! Жив? — закричал его спутник, поднимаясь с земли.

Рядом послышался тихий, протяжный стон.

Удушливый дым, пропитанный запахом горячей серы, быстро рассеивался...

* * *

Посетителей конструкторского бюро Дорожно-строительного института поначалу обычно удивляло поведение начальника бюро Владимира Александровича Витовского.

Не так было удивительно, что этот не молодой уже человек так бурно и порывисто передвигается по просторной комнате, заставленной чертежными столами. Пожалуй, ничего особенного не было и в том, что при разговоре с сотрудниками он непременно жестикулировал. Не всем же начальникам конструкторских бюро быть степенными и медлительными! Поражала улыбка инженера Витовского, сияющая, неудержимо радостная, добродушно, как и все его круглое ребячески розовое лицо.

Можно было подумать, что именно сейчас произошло что-то удивительно хорошее, радостное, необычайное, и это привело в возбуждение маленького добродушного человека. Вся его чуточку полная фигура и даже небольшая розовая лысина говорили именно об этом.

А ведь ничего особенного не произошло. Владимир Александрович всегда такой...

— Изумительно! — несется по залу его звонкий тенорок. — Вы просто душенька... Этот рычаг!.. Да что тут говорить! Вы рассчитали его чудесно... Еще бы чуточку закруглить... закруглить самую малость, вот в этом месте. Павел Павлович! А Павел Павлович! Ну подойдите же, дорогой, сюда. Вы только взгляните!..

Конструктор Павел Павлович, седой и долговязый, неторопливо приближается.

— Вот здесь также допуска укажите, — сухо говорит он, тыкая карандашом в чертеж соседа.

— Обязательно! Это же само собой разумеется! — радостно продолжает инженер Витовский, быстро поворачивая голову то к одному конструктору, то к другому и необыкновенно быстро потирая руки.

Оставив конструкторов договариваться насчет допусков, Витовский мчится быстрыми и мелкими шажками в противоположный конец зала, к другому столику.

— Как у вас дела, дорогой? Разрешите-ка взглянуть!.. Ничего себе гроза, а! А дождь! Право, чудесный дождь!

Новый собеседник Витовского с явной тоской поворачивает голову к окну и мельком смотрит на потоки воды, омывающие мутные стекла.

— Вот такая же приблизительно погода была, когда мы испытывали в присутствии министра путеекладочную машину “Вперед”, — продолжал Витовский, немного понизив голос. — “Не боитесь простудиться?” говорю я министру, а он, представьте себе, вылезает из машины и отвечает мне...

Инженер Витовский усаживается на стул. Теперь собеседнику не миновать рассказа о железнодорожном путеекладчике — когда-то давно сконструированной Витовским машине, получившей в свое время очень высокую оценку. Он любит вспоминать о ней, в сотый раз рассказывая, по его мнению, “новые” подробности. Это привело к тому, что в институте появилась поговорка: “Пишов голова рассказывать, як вин виз царицу”. Однажды когда Витовский узнал о существовании такого сравнения, то не только не обиделся, а даже обрадовался.

— Да ведь это же Гоголь! — воскликнул он. — Какая прелесть! Неужели я действительно напоминаю голову? Как это мило!

Гроза усиливалась. В просторном помещении конструкторского бюро воцарился полумрак.

— Дорогой мой, — продолжал инженер Витовский после того, как он закончил воспоминания о случае с министром, — я глубоко уверен, что эта машина принесет мне не меньшую славу. Вы только подумайте!.. — Он пододвинул к себе несколько больших рулонов чертежной бумаги и принялся их осторожно разворачивать. — Ну-с... Возьмем хотя бы вот этот узел. Какие могут быть сомнения? Уверяю вас, никаких. В конце концов, ведь это обыкновенная повозка, приводимая в движение мотором. Дизельная электростанция — тоже не в счет. Вращающиеся диски для разрыхления земли? Да разве, дорогой мой, нам впервые приходится строить приспособления для того, чтобы крошить землю! Все это будет работать надежно... О-о-о! Да у вас уже готовы формунки для разбрызгивания жидкости! Только, позвольте... позвольте... не слишком ли редко вы их расположили?

На круглом розовом лице инженера Витовского появилось несколько мелких морщин. Но через мгновение они исчезли.

— Ах, простите меня, пожалуйста! — проговорил он, продолжая лучезарно улыбаться. — Я не обратил внимание, что вы ставите их в два ряда. Тогда понятно... Еще раз прошу вас извинить меня... Кстати: что же это такое? Вот посмотрите в окно...

С последними словами он быстро встал и подошел к окну.

Сквозь большие квадраты стекла, залитые потоками воды, на темном фоне свинцового неба он увидел две фигуры в черных плащах, медленно приближающиеся к институту. Тот, что повыше, почти тащил второго, маленького.

— Да ведь это же наши! — воскликнул Витовский. — Из соседней лаборатории. Баянов и Петров... Что же с ними?

И он торопливо помчался к выходу.

* * *

Свет настольной лампы освещал небольшое пятно на письменном столе.

Маленькая комната было погружена в полумрак.

В окно неустанно барабанил дождь.

На диване лежал человек, укрытый теплым ватным одеялом. Его маленькое бледное лицо было неподвижно. Черный, горящие болезненным блеском глаза смотрели в одну точку на потолке.

Это был инженер Баянов, один из участников странного похода в открытое поле во время грозы.

— Неужели лежать пять дней? — тихо проговорил он, поворачивая голову к своему другу, Петрову, сидевшему рядом.

— Ты благодари судьбу, — ответил Петров, — что у тебя только растяжение связок, а не перелом.

— Я понимаю, что рисковать своей жизнью не следует, — тихо продолжал больной. — Но где же тут был риск? Гроза? Смешно говорить... Случай! Молния может ударить и в комнату, где мы сейчас с тобой находимся. Согласен? Но зато как здорово все вышло! Перед самым носом ударила! Ведь это же замечательный факт! А если бы наблюдали из окна, вряд ли нашли бы мы то место, куда попала молния.

В дверь тихо постучали, и на пороге появилась округлая фигурка Витовского.

— Какое несчастье! А я, понимаете, гляжу в окно... Вижу — идете... “Что же могло случиться?” думаю. И в самом деле, как вы очутились в поле? В такое время! — быстро, немного задыхаясь, затараторил Витовский, обращаясь то к больному, то к сидящему рядом Петрову.

— Совершенно случайно... Это все пустяки, Владимир Александрович, — ответил Баянов, стараясь приветливо улыбнуться.

— Нет, братцы мои, с грозой в открытом поле шутить нельзя! — продолжал Витовский, усаживаясь на стул. — Ну, скажите пожалуйста... Я слышал, что молния ударила совсем рядом. Представьте себе, что приблизительно такая же погода была, когда в присутствии министра испытывался мой путеукладчик “Вперед”. “Смотрите, — говорю я министру, — как бы вам не простудиться”. А он, представьте себе, вылезает из машины и отвечает...

Дальше последовал рассказ, нашедший, правда, на этот раз новых слушателей. Инженер Баянов и инженер Петров приехали на работу в институт совсем недавно, и повествование Витовского для них было ново.

— А машина, которую я строю сейчас, это дело, должен вам сказать, товарищи, имеет еще большее значение для нашей страны, — продолжал Витовский. — Вы, надеюсь, уже в курсе моей работы?

— Немного... Но очень ею интересуемся.

— Ах, вот даже как! — вспыхнул Витовский. — Очень приятно. Очень приятно. Я могу рассказать вам некоторые подробности... Ведь это же будет удивительный дорожный комбайн! Даже не комбайн, а, скорее, нечто другое, — продолжал Витовский, все более и более увлекаясь. — Представьте себе, что по полю движется на гусеницах мой агрегат. Двигается себе машина, а за ней остается совершенно законченная, прочная дорога. Никакого тебе асфальта не нужно, никаких работ по укладке камня! Прочное дорожное полотно получается в результате обработки моей машиной поверхности земли, по которой следует машина. Специальная электролитическая обработка... Поверхность земли немного разрыхляется машиной, затем смачивается специальным раствором и тут же, на ходу, подвергается электролизу. После прохождения тока через почву на ней образуется такая твердая корка, что, скажу вам прямо, асфальт не может идти ни в какое сравнение. Разве мыслимо асфальт стелить непосредственно на грунт! Конечно, нельзя! Корка асфальта непрочная — она вогнется в мягкий грунт и сломается под колесами первого же грузовика. Ведь обычно, прежде чем лить асфальт, на мягкую землю укладывается подстилка из камня... Вы это знаете, конечно... Моя машина оставляет на земле такую твердую поверхность, что о какой-либо каменной подстилке даже говорить смешно. Она же полотно дороги, она же сама себе служит подстилкой!.. Или возьмите канавы вдоль пути, служащие для стока воды, так сказать обязательное оформление дороги. Тоже будут изготавливаться одновременно! С помощью двух канаворежущих агрегатов, непосредственно соединенных с моей машиной...

— А в чем у вас задержка с окончанием машины? — спросил Баянов, стараясь приподнять голову как можно выше.

Такой вопрос явно не понравился инженеру Витовскому. Жизнерадостное лицо его на мгновение помрачнело. Но только на мгновение. А потом сразу озарилось обычной сияющей улыбкой.

— Совершеннейшие пустяки, товарищ Баянов, — сказал он. — Электролиз земли — дело новое, необычное в технике. Немного не ладится... Вот, бьемся, понимаете, меняем форму электродов, тех, что прикасаются к земле. Одним словом — экспериментируем!

— Что-то уж очень долго, — опять тихо заметил Баянов, опуская голову на подушку. — Может быть, в самом принципе электролиза заложен какой-либо дефект?

— Говорят, что вы еще в прошлом году обещали закончить вашу машину, — робко произнес Петров, до сих пор сидевший молча.

Витовский вздрогнул, не теряя, однако, улыбки.

— Вам ли корить меня, товарищи! — воскликнул он. — Ведь у меня опыт какой! Сколько благодарностей получил в своей жизни! Как было с разработкой прошлой машины? Пишу докладную записку министру. Получаю ответ: “Приезжайте, Владимир Александрович, ко мне на прием. Обсудим”. Так и теперь. Когда я представил теоретические обоснования, то в министерстве их признали блестящими. Мало того, я вам скажу... — Витовский придвинулся ближе к больному и понизил голос: — Вы понимаете, какое дело, — продолжал он, немного задыхаясь от волнения. — Заграница признала! Да, да! Представьте себе, раскрываю я вчера “Механик” и что же вижу? Перепечатали мою статью, опубликованную мною еще в прошлом году в журнале “Дорожные машины”. Мало того, что перепечатали, так еще приписка есть: “Известный (заметьте: “известный”) советский инженер Витовский надеется найти способ получения хороших шоссейных дорог путем электролитической обработки почвы специальной, конструируемой им машиной, движущейся со скоростью обычного трактора”. А! Каково?

— Вот как! — заметил Петров. — Значит, интересуются.

— Еще как интересуются! — теперь уже более спокойно продолжал Витовский. — Идея ведь необычайно оригинальная. У них, видно, ничего подобного не существует.

— Вы меня простите, Владимир Александрович, но мне кажется, что вы немного поторопились с публикацией в печати, — вставил Баянов.

Витовскому стало как-то не по себе. Но ничего не выдавало его внутреннего волнения и обиды.

— Товарищи Баянов, вы просто прелесть! — отвечал Витовский, быстро потирая руки. — Уж не думаете ли вы, что у меня с машиной ничего не выйдет? Все проверено-перепроверено! Что же касается публикации, так вы меня уж извините... авторское свидетельство у меня есть. Приоритет, значит, наш, советский. Можно

только радоваться, что заграничный журнал перепечатывает. Это значит — признание нашего, советского приоритета! Ну, а потом, как вы сами понимаете, по авторскому свидетельству или по научной публикации не посмотришь машину. Вот и у меня, вернее в моей разработке, имеются кое-какие тонкости. А об них я — ни слова. Вот оно какое дело...

Ослышался тихий стон. Как видно, Баянов неудачно повернулся и причинил себе боль.

— Владимир Александрович, — проговорил он через некоторое время, — спасибо, что вы пришли навещать меня. Я очень признателен... Вы меня извините, меня клонит ко сну.

— Да, да, конечно, — заволновался Витовский, переходя на шопот, — вам нужен покой. Выздоровляйте скорее!

Он на цыпочках вышел из комнаты.

— Ушел? — тихо спросил Баянов.

— Ну и говорун! — сказал Петров, поправляя больному одеяло. — Да еще и хвастун. А так, в общем, человек милый.

— Очень милый, но...

Баянов поправил подушку и лег повыше.

— Не нравится мне Витовский, — решительно сказал он. — Понимаешь, Ваня... Специалист он, конечно, большой, работник дельный. Но вот, понимаешь, еще существуют у нас люди, опьяненные своей славой. Дали им славу. По заслугам, конечно. На, мол, тебе, твори дальше... А они...

Баянов застонал от нового приступа боли.

— Да ты не волнуйся, Миша. Охота тебе...

— Нет, Ваня, тут не волноваться нельзя. Смотри, сколько прошло времени с тех пор, как Витовский сконструировал свою машину, прославившую его, а что он сделал с тех пор? Ничего... Третий год работает, и думается мне, не в полную силу работает. Славой прикрывается. Ни один шаг его под сомнение взять нельзя. Сам Витовский, мол! — Баянов закрыл на минуту глаза и продолжал уже более спокойно: — Неправильно он пользуется славой! И, может быть, потому, что слишком влюблен в нее. Ты понимаешь: влюблен! Вот сегодня для меня это стало совсем ясно. Заграница перепечатала его статью!.. Подумаешь, велика важность! Пусть лучше его машина пойдет по нашим полям, оставляя за собой хорошую дорогу. Вот тогда будет чем гордиться! Согласен со мной?

— Конечно.

— Да, черт возьми, — продолжал Баянов, — пусть сначала машина пойдет по полям! Конечно, тогда будут писать об этом во всем мире. Славу о нашей стране утаить, как ты знаешь, трудно. Но гордиться самим фактом упоминания своего имени в заграничной печати! Это недостойно советского инженера!

Петров молчал. Он хотел пресечь разговор, чтобы не волновать больного. Но Баянов не умолкал:

— Трудно нам будет с ним, ох как трудно... Просто даже неясно, как такому человеку подступиться. Я имею в виду задуманное нами дело.

— Да-а, — протянул Петров. — Будет трудно...

— А ведь нужна нам машина такого рода, очень нужна, — продолжал Баянов. — Удар молнии был замечательный!.. Просто нам повезло...

Петров заметил, что состояние его друга действительно требует полного покоя. На его маленьком лице выступили мелкие капли пота, несмотря на полумрак хорошо заметные.

— Я пойду, а ты спи, Миша, — тихо проговорил Петров.

На цыпочках он вышел из комнаты, плотно прикрыв за собой немного скрипящую дверь.

* * *

Больным во время высокой температуры часто сняться кошмары. Иногда бывает, что больной видит длинную нить, с монотонным жужжанием удаляющуюся в неведомую бесконечную даль. Больной пытается встать, оборвать нить, чтобы прекратилось томительное жужжание, но сил нет, он не может встать. И нить гудит, гудит без конца...

Баянову чудится лента. Она бесконечно тянется и гудит. Лента стелется по земле. Гудение напоминает отдаленную работу трактора. Баянов понимает, что это не трактор, это машина инженера Витовского. А полоса — это дорога, которую прокладывает машина. Но — странное дело! — машина неподвижно стоит на месте. Дорога же, наоборот, идет не из-под машины, а движется к ней.

“Неправильно, — думает Баянов в бреду, — так не должно быть... Машина должна прокладывать дорогу, а это какая-то нелепость...”

Он пытается сдвинуться с места, но не может, как это часто бывает во сне.

Вдруг перед глазами возникает ярко-синее пламя и раздается гром.

Баянов просыпается.

“Не утихла гроза”, думает он, слыша отдаленные раскаты грома.

И снова, когда он погружается в сон, он видит тот же кошмар. Опять та же дорога, бесконечно ползущая мимо, но она почему-то расплывается, превращается в жидкость и растекается бурным потоком по полю. Мерно и удивительно монотонно что-то гудит.

Растворяется от дождя... мелькает в голове у больного.

Снова рокочущий удар грома, и Баянов просыпается.

Рука тянется к стакану воды. Губы пересохли и потрескались. Вода почему-то кажется соленой.

“Растворяется от дождя... растворяется от дождя...” продолжают звучать слова, слышанные в кошмаре.

“Что растворяется от дождя? — вдруг совершенно сознательно подумал больной. — Ах да, дорога...”

Баянов вытер рукой холодный пот и улегся поудобнее. Он решил больше не спать.

— Дорога растворяется от дождя... — тихо проговорил он. — Так, так... Забавный сон...

Вдруг голова его поднялась над подушкой. Несколько усилий, и больной уселся в постели.

— Ну да, так оно и есть... — тихо прошептал он, продолжая что-то мучительно вспоминать. “Может раствориться, и тогда не останется никаких следов. Надо проверить немедленно”, проносится в голове больного.

Снова тянется рука за стаканом воды. Сделав несколько торопливых глотков, Баянов, преодолевая боль, опускает ноги с постели. Стиснув зубы и тяжело дыша, он начинает одеваться.

Наконец он одет. На нем тот же черный плащ. В руках — суковатая палка. Опираясь на нее, пробирается он по темному коридору к выходным дверям, открывает их, стараясь не произвести лишнего шума, и выходит на лестничную клетку, озаренную слабым светом одинокой электрической лампочки.

Через некоторое время его можно было уже увидеть выходящим из ворот институтской ограды.

Он направлялся в поле.

* * *

Сегодня Инженер Витовский вернулся к себе домой значительно позже обычного.

Наспех поужинав, он сослался на какое-то срочное дело и немедленно заперся в своем рабочем кабинете. На самом же деле никакого срочного дела у него не было. Он принялся ходить из угла в угол, изредка останавливаясь и мучительно размышляя. Обычно жизнерадостное лицо его приняло немного грустное выражение.

Только что ему пришлось отменить небольшое испытание в поле, назначенное на завтра. Собственно говоря, откладывать испытание не было особой необходимости. Оно было подготовлено достаточно солидно. Проверочная аппаратура была выполнена в мастерских с большой тщательностью. Но Витовскому неожиданно показалось, что нужно ко всему подготовленному добавить еще одну, незначительную деталь.

— Давайте проведем испытание с тем, что есть! — уговаривали его сотрудники лаборатории. — После будет яснее, что именно надо добавить.

— Нет, товарищи, вы меня уж простите... — вежливо улыбался Витовский.

Настоящая причина отмены этого испытания лишь очень смутно была ясна для самого инженера Витовского.

“Нельзя выходить больше в поле без полной уверенности в успехе, — мелькало в голове Витовского. — Слишком много неудач подряд. Так нельзя. Это, в конце концов, сказывается на моем авторитете специалиста. На всякий случай необходимо изготовить дополнительную деталь, и тогда вероятность успеха повысится...”

И вспоминал разговор с больным инженером Баяновым, и это воспоминание показалось ему неприятным.

Сильно ли обиделся инженер Витовский? Строит ли он планы, как отомстить человеку, посмевавшему ему Витовскому, всеми признанному, талантливому инженеру, сказать дерзость?

Нет, не сильно обиделся инженер. Даже трудно сказать, в состоянии ли этот человек на кого-нибудь сильно обижаться.

Да, сказанное Баяновым было невероятно. Во всяком случае, Витовский уже давно не слышал ни от кого чего-либо подобного. Он даже перестал подозревать, что кто-нибудь осмелится высказать ему какие-либо сомнения по поводу успеха его работы. Задержка? Сорваны сроки, обещанные им? Да ведь работа-то экспериментальная! Разве можно все предвидеть! И вот какой-то малозаметный молодой инженер, да при том еще не имеющий прямого отношения к строительству машины, осмелился сказать ему... Да еще в то время, когда он, Витовский, пришел к нему, больному, отдать товарищеский долг... Больной человек... Да, больной. И только, может быть, поэтому все простительно... Только потому, что он больной, приходят ему в голову эти дерзкие мысли. Экспансивный... Да, очень экспансивный, такой вот именно и может ни с того ни с сего обидеть... Да, такому, пожалуй, простительно. “Вот закончу машину, тогда прямо ему так и скажу: “Обидели вы меня, товарищ Баянов. Хорошо, что у меня характер такой — кроткий... А то другой бы на моем месте... представляете!...”

Витовский подошел к окну и отдернул штору. Гроза понемногу стихала. Среди быстро гонимых ветром туч кое-где появлялись серебристые проблески лунного света.

“Нет, — продолжал думать Витовский, м я не скажу ему, что он меня обидел. Лучше я сделаю так: как только начнутся первые успешные испытания, я приглашу его. Буду обращаться с ним чрезвычайно любезно, советоваться с ним буду. Он поймет. Парень не дурак. Поймет, и будет ему очень стыдно. Да...”

Витовский отошел от окна и уселся в мягкое кресло перед своим письменным столом. Необходимо было собраться с мыслями, для того чтобы произвести небольшие математические вычисления. Он открыл блокнот и привычным размахом пера вывел на бумаге несколько цифр. Но дальше этого дело не пошло. Какой-то неприятный осадок мешал ему работать.

“В чем дело? — с досадой подумал Витовский, откидываясь на спинку кресла. — Кажется, все ясно! Все случившееся просто пустяк!”

Неожиданно его взгляд упал на глянцевую, попугайно красочную обложку толстого заграничного журнала. Это был тот самый номер, в котором он обнаружил перевод своей статьи.

Витовский улыбнулся и взял в руки тяжелый журнал.

Но вместе с радостью созерцания собственного имени на странице зарубежного журнала откуда-то изда- лека к сердцу подступило странное чувство. Опять вспомнились слова инженера Баянова.

“Это чорт знает что такое! — проносится в голове у Витовского. — И тут он меня упрекал!.. За границей, может быть, завидуют, что именно у нас, в Советском Союзе, ведутся такие работы. Советская техника прославляется... А он говорит: “Зря опубликовали...” Да потом, что ж, я, что ли, посылал материал в заграничный журнал! Сами ведь перепечатали, без моего ведома!”

Инженер с досадой бросил журнал на стол и принялся снова ходить по комнате. Удивительное дело: ка- жется, решительно всюду он прав, все обстоит, по его мнению, хорошо, но почему все-таки так беспокойно на душе?

Снова подходит к окну. Сильный ветер уже очистил половину неба. Яркий свет луны заливают теперь огромные институтские строения, отбрасывающие длинные тени на землю, покрытую блестящими лужами. Совсем недалеко виднеется лес, кое-где прорезанный лунными светлыми прогалинами.

Но что это виднеется у входа в институтский парк? Витовский прикладывает лоб к холодному, влажному оконному стеклу, стараясь рассмотреть странную фигуру.

По полю идет маленький человечек. Он хромает и явно передвигается с трудом. Человек закутан в чер- ный плащ, блестящий от лунного света. Что-то знакомое чудится Витовскому в этой фигуре.

“Баянов? Но почему? Ведь он прикован к постели! Растяжение связок, температура! Куда же он может направляться в такую пору?..”

Витовский отходит от окна. Он стоит некоторое время посреди комнаты в глубоком раздумье. Затем снова приближается к окну и принакает к стеклам.

* * *

Несмотря на поздний час, в кабинете директора института горел свет.

Пожилая женщина с вьющимися волосами, уже тронутыми сединой, расхаживала по кабинету, бесшум- но ступая по мохнатому ковру, покрывавшему почти весь пол комнаты. Это была секретарь парторганизации Лидия Михайловна Конева.

— Конечно, машина Витовского не является центральным местом в работе нашего института, — говори- ла она, обращаясь к человеку с коротко подстриженной бородой, директору института. — Есть дела и поваж- нее... Но тут обстоятельства складываются так, что тянуть с этим; делом дольше не следует. Надо принимать все меры к; быстрейшему окончанию.

— Неужели ты думаешь, что этот вопрос меня мало беспокоит? — ответил директор, протягивая руку к рулону чертежей, лежавших на столе. — Посмотри сюда...

Директор развернул рулон и разложил на столе плотную бумагу, все время стремившуюся свернуться обрат но в трубку.

— Вот здесь, — продолжал он, — наиболее скользко место в машине Витовского. Это электроды, при- жимающиеся к земле. Мне кажется, да и в министерстве многие держатся такого же мнения, что все неудачи Витовского кроются именно тут. Вот, посмотри! В том, что земля, смоченная раствором, превращается под влиянием электрического тока в твердую массу, сомнений никаких нет. Это уже неоднократно подтверждалось опытом. Но вот электроды! Достаточно ли они плотно прилегают к земле во время хода машины? Можно ли при данной конструкции добиться того, чтобы вся поверхность дороги обрабатывалась электрическим током?

— И тебе кажется, что все неудачи Витовского вытекают только лишь из этой технической неясности? — спросила Конева, присаживаясь рядом на стул.

— Ну да! Ведь если бы вопрос с электродами был решен, то что еще могло бы помешать быстрому окон- чанию дорожной машины! Вот несколько дней назад Витовский отменил намеченное по плану испытание в поле. А все из-за чего? Электроды!

— А я уже давно пришла к мысли, что не только электроды... — проговорила Конева.

— Очень интересно! Ну давай, выкладывай свои соображения, в чем тут дело.

Конева снова поднялась со своего места и принялась расхаживать по комнате.

— Дело очень простое и в то же время трудное... — начала она, заложив руки назад. — Кто такой Ви- товский? Огромный технический авторитет. За последнее время с ним не только считаются, но и боятся ему возразить даже в мелочи. Ведь верно же я говорю? Конечно, больших заслуг Витовского никто отрицать не может, никто не может сказать, что Витовский бездарный или мало знающий инженер. Но у нас получается так, что, боясь возразить Витовскому, некоторые наши товарищи оставляют его, таким образом, без товарищеской критики, товарищеской помощи...

— Это, конечно, есть, — сказал директор. — Только ты немного сгущаешь краски...

— Неладное что-то творится с Витовским, — продолжала Конева. — О том, что он самолюбив, — это, конечно, известно тебе прекрасно.

— Он самолюбив и любит бесконечно хвастаться своими заслугами и прошлыми успехами, — вставил директор.

— Все дело в границах этого самолюбия, — продолжала Конева. — Когда самолюбие человека переходит некоторые общественные границы, оно может превратиться в нечто другое...

— Ничего не понимаю, что ты говоришь!

— А вот сейчас поймешь.

С этими словами Конева быстро подошла к столу и, развернув лежавший на краю стола газетный сверток, протянула директору толстую тетрадь в глянцевой красочной обложке. Это был номер заграничного журнала, в котором была перепечатана статья Витовского.

— Вот, поинтересуйся... На тридцать пятой странице... Перепечатали... Тебе, конечно, должно быть ясно, что ежели перепечатали, то неспроста. Эти люди не делают ни одного лишнего движения, которое не обещало бы им новой наживы.

— Так, так... — хмуро произнес директор, внимательно рассматривая страницу. — Перепечатали... Судя по названию, это статья, опубликованная Витовским в прошлом году.

Директор еще некоторое время разглядывал журнал, а затем, положив его на стол, обратился к Коневой:

— В этой статье не открывается никаких, так сказать, производственных секретов. Статья общетеоретическая. По ней не построишь машины при всем желании. Конечно, немного странно, что они перепечатали ее год спустя после того, как она была опубликована в нашей печати...

— А вот тебе другой заграничный журнал, — проговорила Конева, подсовывая директору тоненькую тетрадку с золотистой обложкой. — Тут сказано нечто другое... Вот, в этом месте... Маленькая заметка, но как много она говорит! Информация о том, что известная фирма приступила к конструированию автоматической дорожной машины, как видишь по описанию, очень схожей с нашей.

— Вот оно что... — проговорил директор, подымаясь со своего места.

— Я представляю себе это дело следующим образом, — начала Конева, немного волнуясь. — Предприниматели заинтересовались машиной. Начали строить модель по принципиальным данным, опубликованным в нашем журнале. Встретились с теми же неудачами, что и мы. И вот срочно публикуется перевод статьи инженера Витовского. Все это делается для того, чтобы после мелких видоизменений протрубить на весь мир: "Посмотрите, мол, наша машина совсем другая! Она ничего общего не имеет с советской... Видите ли, советская имеет вот такие детали, она подробно описана в таком-то нашем журнале, а в нашей машине детали совсем другие... Она, видите ли, не походит на советскую или даже мало имеет с ней чего-либо общего..." Это утонченный способ воровства идей, — закончила Конева, приподымаясь и хлопнув ладонью по столу.

— Совершенно верно! — горячо поддержал директор. — Самое настоящее воровство, с которым мы встречались уже неоднократно.

— Удивительное дело! — продолжала Конева, расхаживая по кабинету. — Огромное большинство дореволюционных русских изобретений имело именно такую судьбу. Слабо развитая промышленность не успевает освоить изобретение, а за границей — пожалуйста, все готово. Только уже считается не наше, а какого-нибудь там Маркони или Эдисона... Ну, а теперь я вас спрашиваю, зачем торопиться, когда наша промышленность может освоить немедленно все, что хотите! Зачем публиковать то, что не получило еще применения в нашей стране! Чем можно объяснить поспешность с публикацией, как не желанием прославиться как можно больше и как можно скорее! А ты говоришь — самолюбие, авторитет! Надо принимать самые срочные меры к быстрейшему, окончанию машины. Почему Витовский не хочет слышать о каких-либо других технических решениях, кроме тех, которые он предлагает сам? Тоже самолюбие? Надо экспериментировать как можно шире, как можно больше...

Директор молча нажал кнопку, укрепленную на его письменном столе. В комнате рядом задребезжал электрический звонок. Через несколько секунд в дверях появилась секретарша.

* * *

Баянову приходилось идти против ветра.

Мокрая земля клеилась огромными комьями к просторным резиновым сапогам. Глухой, тянущей болью ныла нога.

— Не растворилась... — тихо шептал про себя Баянов, вытирая с лица капельки пота, охлажденные ветром. — Не должна раствориться... Еще успею...

Вот уже близко знакомое место. Оставалось идти совсем немного.

Станные вещи происходят, когда у человека высокая температура. Иногда мысли путаются, сознание проваливается и все представляется в необычайном, неестественном свете.

Бывает и наоборот. Четко и необыкновенно остро работает мысль. Вспоминаются давно забытые вещи в мельчайших подробностях. Именно это происходило с Баяновым, когда он поднялся с постели.

Мысль, родившаяся только что, казалась такой реальной и ощутимой, что он забыл о своей высокой температуре и боли в ноге.

Ему казалось, что нужно проверить немедленно, и он решил сейчас же отправиться в поле. Именно немедленно! Боль в ноге? О, это пустяк...

Конечно, Баянов не совершал ничего героического, но то, что он делал, было продиктовано благородным порывом — желанием как можно скорее принести пользу своей родине.

Говорят, что люди при высокой температуре очень часто открывают свои сокровенные мысли. На этот раз больной открывал свои сокровенные чувства.

Вскоре Баянов увидел впереди себя черное, как бы обожженное место, заметно выделявшееся среди светлых коротких стеблей, оставшихся от скошенной ржи.

Инженер ускорил шаг и, хромая, приблизился к черному пространству. Он наклонился и, преодолевая боль, начал внимательно присматриваться.

Его внимание остановилось на небольшом каменном слитке, как бы врытом в землю. Вокруг камня чернела земля, опаленная и превращенная в жидкую грязь, от которой сильно пахло гарью пожара.

— Это он! — пробормотал Баянов, наклоняясь над каменным слитком.

Поверхность камня блестела и искрилась в лунном свете тысячами мелких искр. Казалось, что ее посыпали бертолетовой солью, как это часто делается на елочных украшениях.

— Превосходно! — радостно вскрикнул Баянов, ощупывая камень рукой. Затем из кармана был извлечен перочинный ножик, и камень был испробован на прочность. Стальное лезвие беспомощно скользило по твердой поверхности.

— Превосходно! — еще раз закричал Баянов и принялся с ожесточением наносить удары ножом по стекловидной поверхности. Из-под руки инженера замелькали мелкие брызги красных искр. — Вот какие у нас будут дороги! Вот какие!.. — не унимался Баянов, наклоняясь все ниже и ниже. — Каменные будут дороги! Каменные! Вечные!

Дул сильный осенний ветер, подымая мелкую рябь в холодных лужах. Глухо разносились вокруг цокающие удары. Стоя на коленях посреди поля, инженер продолжал бить по камню.

Наконец он поднялся и тихо поплелся по направлению к институту.

Хромая, он прошел через проходную будку мимо удивленного вахтера и направился на территорию, названную почему-то “задним двором”. Тут находилось целое скопление различных дорожных машин, давно прошедших испытания и переделки и большей частью уже негодных. Только некоторые из них хранились под навесом, большинство же лежали под открытым небом, полуразобранные и заржавленные.

Баянов внимательно осмотрел кладбище механизмов, освещенное ярким лунным светом, и наконец остановился перед одной громоздкой и сложной машиной.

Это была одна из последних неудачных моделей инженера Витовского. Баянов долго ходил вокруг машины, разглядывая ее со всех сторон. Иногда он приближался к ней вплотную, прикасался руками к рычагам, пытаясь стронуть их с места.

Он не знал, что из окна рядом стоящего жилого корпуса за ним внимательно наблюдает инженер Витовский.

* * *

Совещание, собранное в просторном кабинете директора, не было многочленным. Тут находились лишь самые необходимые люди. И поэтому странным показалось Витовскому, что среди присутствующих находятся Баянов и Петров — инженеры, не имеющие прямого отношения к разработке его машины.

— Владимир Александрович, прошу вас! — провозгласил директор.

Инженер Витовский обвел присутствующих своим добродушным и лучезарным взглядом и начал доклад:

— Вот уже прошел почти месяц с тех пор, как мы последний раз собирались с вами по поводу моей машины. Что, собственно говоря, изменилось за это время? А изменилось, товарищи, за это время очень многое... Я не буду останавливаться на всех трудностях, с какими мне приходилось сталкиваться. Трудностей много, и вы их отлично понимаете. Они неизмеримо сложнее тех, которые мне приходилось преодолевать при конструировании железнодорожной путеукладывающей машины “Вперед”. Там было совсем другое дело...

— Владимир Александрович, может быть, вы лучше расскажете о трудностях, с которыми вы встречаетесь сегодня? — вежливо прервал его директор.

— Простите, пожалуйста. Меня, представьте себе, все время тянет на сравнение. По правде сказать, оно понятно: ведь работа с машиной “Вперед” считается классической. Да... Так вот, значит, о трудностях... Никак не могу добиться, чтобы электроды равномерно и плотно прилегали к земле. Дорожное полотно, оставляемое

машиной, благодаря этому получается непрочным, пористым и местами весьма рыхлым. Да, именно рыхлым! Вот тут недавно назначалось очередное испытание.

Так я, представьте себе, отменил. Отменил потому, что, подумав внимательно, пришел к заключению — опять получились электроды неудовлетворительной формы! Все это не то... Надо конструировать другие, более обтекаемые. Да... Так вот я и говорю: как только преодолеем все эти мелочи, так сразу дело у нас сдвинется с мертвой точки...

Витовский безмятежным и радостным взглядом еще раз оглядел всех присутствующих, словно говоря: “Милые вы мои, как приятно иметь дело с такими хорошими людьми! И я хороший, и вы хорошие, и все кругом хорошо”.

Однако не очень любезными выглядели на этот раз эти милые и столь хорошо знакомые Витовскому люди. Некоторые отворачивались, встречаясь взглядом с Витовским. Другие смотрели на него холодно.

— Ваш доклад, Владимир Александрович, к сожалению, не носил инженерного характера, — осторожно заметил директор. — Мы ждали от вас технических деталей и подробностей, изучив которые можно было бы оказать вам нужную помощь.

Круглое лицо Витовского поскуничало, правда на одну секунду, а потом оно опять засияло ласковой улыбкой.

— Помощь! — воскликнул он, удивленно всплеснув руками. — Приятно слышать! Но какую, собственно говоря, помощь можете вы оказать в данном случае? Опыта в конструировании подобных машин ни у кого нет. Даже и за граница, как вы знаете, в этом призналась. Кто же, вы меня простите, будет указывать, как изменить ту или другую деталь? Пожалуйста! Я рад! Существуют по этому поводу какие-нибудь предложения?

— Разрешите мне, — раздался громкий голос.

— Пожалуйста!

Баянов поднялся и обвел присутствующих внимательным взглядом.

— Мне кажется... — начал он. — Мне кажется, что инженер Витовский прав...

Сияющее лицо Витовского повернулось к оратору и расплылось в торжествующей улыбке.

— Инженер Витовский прав в том отношении, — продолжал Баянов, — что опыта по конструированию подобных машин нет ни у кого. Это верно. А поэтому нужно расширить опыт работ, привлечь к этому делу как можно больше людей... Я имею в виду людей, желающих вести разработку самостоятельно, быть может даже и другим путем, чем тот, который избрал товарищ Витовский.

— Правильно! — раздался чей-то голос. Витовский, до сих пор внимательно наблюдавший за говорившим, начал обводить присутствующих, недоумевающим взглядом.

— У вас есть конкретные предложения? — спросил директор, обращаясь к Баянову.

— Есть, и я могу их изложить сейчас.

— Прошу вас!

— Метод цементации почвы при помощи электролиза, — начал Баянов, — Не подлежит никакому сомнению. Это неоднократно подтверждалось опытами. Путь, избранный инженером Витовским, правильный. И мне кажется, что, несмотря на все трудности, связанные с отсутствием опыта при строительстве подобных машин, инженер Витовский справится с этой задачей... Но вот что хотели предложить мы... это, значит, инженер Петров и я...

Баянов остановился и немного смущенно посмотрел на сидящего рядом с ним инженера Петрова, как бы ожидая от него подтверждения своих слов.

— Превращать поверхность земли в твердый покров, очень прочный, не размыаемый водой и, конечно, не изменяющийся со временем, можно еще другим способом. Мы предлагаем использовать для этой цели мощные электрические разряды — поток искр, обжигающих землю, благодаря чему глина, всегда находящаяся в почве, будет спекаться, превращаясь в кирпичный покров... Иными словами, спекать землю электрической дугой...

— Очень смело... — неожиданно протянул инженер Витовский.

— Мы беремся с инженером Петровым быстро провести все необходимые опыты, — продолжал Баянов.

— Мы много уже думали над этим вопросом... Почему же, собственно говоря, будучи уверены в блестящем окончании работы Витовского, мы предлагаем вести еще работу, направленную к тем же конечным результатам?

Баянов остановился, как бы подбирая слова, и принялся мять в руках и без того скомканный кусок бумаги.

— Нужно соревнование, товарищи, — наконец произнес он. — Именно соревнование... творческое соревнование... Тогда дело пойдет веселее.

— Разрешите мне сделать несколько замечаний? — воскликнул инженер Витовский, обращаясь к директору. — Творческое соревнование вещь очень хорошая, можно только радоваться. Да, именно радоваться! Но, позвольте, очень трогательно и то обстоятельство, что инженер Баянов, насколько мне известно, только лишь вчера встал с постели, оправившись, так сказать, от тяжелой болезни, и уже сегодня, так сказать... Но, позвольте, ведь он и товарищ Петров не являются непосредственными специалистами в области строительства подобных машин. Ведь верно же я говорю? Вот, я и думаю... Их предложение не является каким-либо абсурдом... Да, именно... Над подобным способом я думал когда-то сам... Но ведь требуется еще математическое обоснование! А есть ли оно у них? Затем необходимо еще опытное подтверждение идеи. Имеется ли на руках у

товарищей хотя бы крохотный кусочек земли, затвердевший под влиянием электрических искр? Ведь от идеи до первых, хотя бы немного обнадеживающих практических результатов — огромное расстояние, товарищи!

Витовский вытер пот с лица и уселся на свое место.

— Товарищ Баянов, продолжайте, — проговорил директор.

— Вот практическое обоснование, вы можете все его видеть, — тихо произнес Баянов, выкладывая на стол какой-то кусочек камня. — Опыт проделан самой природой... Этот камень образовался в результате удара молнии в сырую почву. Это земля, спекшаяся под влиянием электрического разряда...

В комнате наступило молчание. Несколько рук одновременно потянулось к кусочку камня. Его стали рассматривать, пробовать, царапать, взвешивать на ладони.

— Не хотите ли посмотреть? — обратился к Витовскому сосед, протягивая ему остроугольный осколок.

— Да... да... Очень интересно... — пробормотал Витовский.

Он взял камень и начал вертеть его в руках. Многие при этом обратили внимание, что он почти не смотрит на него. Его взгляд блуждал по сторонам и чаще всего останавливался на сидящем напротив Баянове.

— Очень интересно, — продолжал Витовский. — И самое интересное тут, понимаете, не в самом камне... Да, именно не в самом камне. Я имею в виду нечто другое... Поразительная вещь! Просто поразительная!.. Может быть, вы расскажете нам подробно, при каких именно обстоятельствах вам пришлось наблюдать удар молнии? — обратился он к Баянову.

— Никаких особенных обстоятельств при этом не было, — немного смущаясь, ответил Баянов. — Мы шли с Петровым во время грозы в открытом поле. Ну, и молния ударила рядом...

— Да, совсем рядом, — смущенно подтвердил Петров. — Мы ручаемся, что этот кусочек образовался именно в результате удара молнии. Да ведь это и не ново, в сущности ведь это известно давно! Мы не предлагаем ничего оригинального. Просто лежащий перед вами камень дает, так сказать, толчок для исследования и развития технической мысли, так сказать, в этом направлении... — окончательно смутившись, закончил Петров.

— Значит, вы случайно находились в поле, когда молния ударила рядом с вами, — сказал Витовский, как-то особенно внимательно присматриваясь к инженеру Баянову. — Насколько мне известно, вы даже чуть было не заплатились жизнью при этом... А дальше что было? Этой же ночью...

— Я не понимаю вашего вопроса, — тихо ответил Баянов.

— Ага... ясно... Для меня все ясно, товарищи, — потупив глаза, проговорил Витовский. — Я думаю... — продолжал он с некоторым трудом, — ...я думаю, что предложение инженера Баянова и инженера Петрова представляет интерес, при этом ценность его... — Витовский остановился, как бы подбирая слова. — Да... ценность его заключается не столько в технической идее, сколько в самом факте этого предложения, или, вернее, в некоторых поступках, связанных с этим предложением. Да, именно в поступках...

Никто не понял смысла последней фразы, произнесенной Витовским. Многие полагали, что ее бессвязность вызвана взволнованностью признанного специалиста при посягательстве на его авторитет. Сияющую улыбку точно смыло с лица Витовского. Взгляд его стал рассеянным. Он внимательно прислушивался ко всему, что говорилось, вставлял замечания, но делал это как-то вяло, без свойственной ему жизнерадостности и уверенности.

— Мне кажется, что Владимир Александрович устал, — шепотом заметила директору секретарь партийного комитета Конева. — Может быть, сделаем перерыв? Через несколько минут совещание было закончено.

* * *

Витовский шел к себе домой, пересекая институтский двор, не обычной, торопливой походкой, а медленно, рассеянно глядя по сторонам.

С Витовским поровнялась Конева.

— Нам, кажется, по пути! Вы домой?

— Да, Лидия Михайловна. Какая отвратительная погода!

— Пора. Октябрь. Недалеко и до снега. А скажите, когда выпадет снег, можно будет продолжать испытания вашей машины?

— Очень трудно... Очень трудно, Лидия Михайловна... И как это мы затанули работу до глубокой осени? Обидно, прямо...

— Да, затанули, конечно. Очень будет жаль, если придется откладывать до весны.

— Да... да... — сокрушенно пробормотал Витовский.

— Владимир Александрович, — продолжала Конева, — а что, если вам, как говорится, тряхнуть стариной? Как говорится, развернуться во всю свою мощь? Мне известны факты почти героических поступков с вашей стороны, когда вы работали над путеукладчиком “Вперед”. Ведь правда же было! Мне рассказывали, что вы не спали ночами, работали в открытом поле под проливным дождем... Я не хочу сказать, что это нужно делать сейчас... Ну, а если вам просто встряхнуться, взять другой темп?

Витовский остановился и внимательно посмотрел на свою спутницу. Они уже находились перед входом в парадное.

— Героические поступки, говорите? Да, вы правы. Было времечко... замечательное времечко... Теперь другие готовы на подвиг... скромный подвиг... А я...

— О ком вы говорите?

— Да мало ли у нас людей, готовых на трудовые подвиги! Разве их всех перечислишь! Я же, видно, старею...

— Бросьте, Владимир Александрович! — продолжала Конева. — Далеко вам еще до старости! Что вы! Задору у вас — хоть отбавляй... Вот послушайте, что я вам скажу. Вот видите этот журнал. В нем существует заметка о том, что за границей приступили к строительству машины, подобной вашей. Ну, может быть, не совсем такой, это вы уж сами разберетесь. Но, понимаете, обидно! Неужели им удастся осуществить раньше, чем нам?

Витовский нахмурился, взял в руки тонкую тетрадь с золотистой обложкой и принялся ее перелистывать. Капли дождя падали на лоснящуюся бумагу.

Они распрощались, и Витовский медленно стал подниматься по лестнице.

Вот наконец рабочий кабинет. Широкий письменный стол, заваленный книгами и чертежами. Удобное кожаное кресло. На стенах висят все те же картины и фотографии. Одна из них изображает момент окончания сборки путеукладчика “Вперед”.

Витовский подходит к сильно увеличенной фотографии и начинает ее пристально рассматривать.

Он видит себя в окружении нескольких ближайших помощников. Внизу находится четкая, выведенная каллиграфическим почерком надпись: “Владимиру Александровичу Витовскому — на добрую память о нас и о славном дне окончания работы”.

Дальше следуют подписи.

“О славном дне...” — проносится в голове Витовского. — О дне, который принес мне славу... А сегодняшней день? Да только ли сегодняшний?..”

Витовский садится в кресло. Неотвязные, мучительные мысли владеют им.

Да, то был день, принесший ему славу. Но сколько тяжелых дней напряженного труда предшествовало ему! Сколько было неудач, взлетов, падений... Как цеплялся он за малейшую возможность улучшить свою машину, ускорить ее окончание... А что же получилось теперь?

— Какой позор!.. — тихо, почти беззвучно шепчет Витовский.

Он вспоминает, как трудно раньше было ему отстаивать каждый свой шаг. Скольким проверкам в разных комиссиях подвергалось каждое его новое предложение! А в последние годы? Ведь верили каждому его слову.

Блуждающий взгляд Витовского останавливается на другой фотографии, вставленной в массивную дубовую рамку: он и маститый иностранный ученый, стоящий рядом.

Отчетливо проносятся в памяти все подробности посещения гостем научно-исследовательского института. Витовский вспомнил, как он волновался перед приездом, как изысканно вежлив был с ним этот сладко улыбающийся дряхлый старик, сколько лестных слов сказалось инженеру, удивительно остроумных комплиментов пришлось выслушать ему в присутствии многочисленных сотрудников института.

Гость обворожил Витовского.

— Вы необычайно талантливый инженер! О-о!.. Даже более чем талантливый, — говорил старик. — Очень жаль, что я не вправе задавать вам вопросы шире. Я понимаю что это может нарушить секрут вашей фирмы... Будем говорить о мелочах...

“Очень корректный и скромный...” думал Витовский. А жажда похвастаться достижениями, еще более удивить заграничного гостя томила инженера, и он с трудом сдерживал это желание.

Витовский смотрит в окно, туманное от мелких брызг дождя. Ему вспоминается вечер, когда он увидел больного Баянова, идущего в открытом поле.

Только теперь, на совещании, для него стало ясно, что все это значило. Баянов и Петров отправились в сильную грозу, чтобы отыскать место, в которое ударила молния. Они хотели проверить действие молнии на влажную почву.

Теперь у Витовского это не вызвало никакого сомнения. А потом прогулка Баянова в поле ночью...

Витовский отчетливо представляет, как идет, преодолевая боль, хромающий человек... Идет, чтобы найти то место, возле которого он чуть было не погиб... Наверное, он торопился проверить, не размывает ли вода твердый покров, образовавшийся после удара молнии. Витовский все это отчетливо понимает, как никто. Ведь вопросом цементации почвы с помощью электрического пламени он интересовался когда-то сам. Интересовался, но бросил, не довел до самых простых опытов.

“Даже производил какие-то расчеты...” думает Витовский.

Он быстро отодвигает массивное кресло, открывает ящик письменного стола и начинает в нем лихорадочно рыться.

Ну да, так и есть! Вот эти пожелтевшие листы бумаги. Они испещрены цифрами и мелкими заметками на полях.

Усевшись за стол, он внимательно начинает просматривать рукопись.

— Машина получится у них... — тихо, почти беззвучно шепчет Витовский.

Старые, его же собственные расчеты говорили об этом.

“Даже зимой такая машина будет работать, — проносится в голове инженера. — Мощный поток электрических искр, почти всежигающее пламя вольтовой дуги будет разогревать промерзшую землю и плавить снежный покров. Почему же я не применил сам этот принцип на практике? Надо было бы проверить и его, а не возиться беспрерывно с электролитическим...”

Витовский откинулся на спинку кресла, закрыл глаза и погрузился в еще более глубокое раздумье.

“Слишком благодушно и слишком спокойно ты стал относиться к своей работе, — отвечал какой-то внутренний голос. — Нельзя работать без горения, нельзя... Вот. человек с высокой температурой отправляется в поле. Больной, он находит еще силы пойти, чтобы посмотреть старую, выброшенную машину. Ему хочется как можно скорее получить материал для будущих своих творческих размышлений. А ты?.. Откладывал испытание из-за каких-то пустяков! Откладывал неоднократно лишь потому, что в чем-то чуточку сомневался. Ты боялся, что новое неудачное испытание может наложить лишнюю маленькую тень на твою прежнюю славу... А надо было не бояться, экспериментировать как можно шире и больше... Нельзя, дорогой Владимир Александрович, оберегая свою славу, бояться неудач и срывов... Вон за границей стараются нас обогнать...”

Рука Витовского тянется к тонкому журналу с золотистой обложкой. Медленно перелистываются глянцевые меловые страницы. Наконец инженер углубляется в чтение.

Неожиданно глаза Витовского наливаются кровью. Лицо становится сине-багровым. Тяжело и порывисто дышит Витовский.

— Украли... — глухо произносит он. — Мелочи?.. Вот оно что... Негодяи!.. Мерзавцы!..

Тонкий журнал, напечатанный на чудесной меловой бумаге, со свистом рассекая воздух, летит через комнату. Он попадает в фотографию, обрамленную дубовой рамкой, и она, сорвавшись с гвоздя, валится на пол. Слышится приглушенный треск разбитого стекла.

— Мерзавцы!.. — продолжает бормотать инженер, весь трясущийся от злобы. — Так вот зачем тебе нужны были мелочи!.. Негодяй!..

Страшная картина совершенного им преступления, неожиданного и бессознательного, раскрылась перед ним с предельной ясностью.

Его статья, перепечатанная в толстом заграничном журнале, конечно, не выдавала никакой производственной тайны. Но вот информация, только что прочитанная им в тонком журнале, говорила о многом. Пустяковые мелочи, которыми так интересовался заграничный гость, после соответствующих сопоставлений и сравнений с его статьей меняли все дело... И он, инженер Витовский, выбалтывал эти мелочи, конечно сами по себе ничего не значащие, выбалтывал исключительно из-за желания похвастаться, показаться еще более талантливым...

В комнате закружились в диком вихре обрывки глянцевой бумаги: инженер рвал на мелкие клочки оба заграничных журнала, заключавших в себе его “заграничную” славу. Он вкладывал в это занятие огромное физическое усилие.

— Что я наделал!.. — задыхаясь, хрипел инженер, растапывая каблуком груды бумаги, образовавшуюся на полу. — Вот она, слава... Теперь я понимаю, зачем напечатали... Понимаю!..

“Мерзавцы... мерзавцы... мерзавцы!..” продолжал твердить инженер, когда его, трясущегося в нервном ознобе, укладывали на диван.

Врач объяснил болезнь глубоким нервным потрясением и потребовал, чтобы инженер находился в постели.

* * *

В маленькой лабораторной комнате, уставленной электрическими измерительными приборами, тихо. Только изредка раздается монотонное жужжанье индукционной спирали, и тогда на плоский металлический ящик с землей начинает сыпаться широкий поток голубых электрических искр.

У ящика с землей стоит инженер Петров. Он внимательно рассматривает в лупу мелкие глинистые крошки.

Но комочки земли, подвергшиеся испытанию, ничем пока не отличаются от обыкновенных. Они продолжают оставаться такими же мягкими и рыхлыми.

Снова тянется рука Петрова к массивному выключателю, и снова слышится жужжанье индукционного прибора.

За маленьким столом сидит инженер Баянов. Перед ним груды исписанной бумаги: он занимается расчетами.

Сегодня инженер Баянов впервые после болезни пришел в эту маленькую лабораторию, наспех оборудованную его другом Петровым. Они оба явились сюда сразу после окончания совещания у главного инженера.

— До каких же пор придется увеличивать мощность? Просто непонятно, что происходит! Может быть, наоборот, уменьшать?

Баянов отрывается от своих бумаг и смотрит на Петрова.

— Не знаю, Ваня. У меня пока что все еще неясно, — говорит он, глубоко вздохнув. — Пробуй увеличивать! Мне остается совсем немного...

В комнате чувствуется свежесть озона, обязательного спутника сильных электрических разрядов. Озонированный воздух приятно вдыхать, но лишь до известных пределов. Дальше появляется чувство, похожее на опьянение.

— Может быть, на сегодня довольно? — предлагает Петров. — Уже половина одиннадцатого.

— Если ты устал, — отвечает Баянов, продолжая писать, — отдохни, а я должен свести в одну эти две формулы.

Петров садится рядом на стул. Но не надолго. Через некоторое время он вскакивает и направляется к электрической машине.

Снова начинается гудение. Снова скачут голубые искры, на этот раз под другим углом по отношению к земле.

Когда гудение прекратилось и в комнате установилась подчеркнуто глубокая тишина, оба друга обратили внимание, что за дверями слышались чьи-то шаги.

— Кто там? — крикнул Петров.

Но ответа не последовало. Шаги сразу замолкли.

— Надо кончать работу, — проговорил Петров. — У меня кружится голова. Завтра надо попросить, чтобы сделали необходимую вентиляцию. Вот тогда и будем сидеть всю ночь, если захотим. — Ты прав, — ответил Баянов, собирая со стола бумаги. — Наша работа только разворачивается, и мы должны экономно расходовать свои силы.

По установленному в институте правилу, дверь в любую лабораторию должен был запираť вахтер-пожарник. Ему полагалось предварительно осмотреть помещение, убедиться, что выключены все рубильники и нигде не оставлена какая-нибудь раскаленная нагревательная спираль или горелка. Ключ от дверей хранился всегда у дежурного.

Инженеры закончили маленькую уборку и направились, разговаривая вполголоса, вниз за дежурным.

В это время опять слышались нерешительные шаги. По коридору, немного пошатываясь, медленно шел инженер Витовский. Он остановился перед дверью в лабораторию, только что оставленную друзьями, и неуверенно постучал. Не получив ответа, Витовский осторожно толкнул дверь. Она открылась бесшумно.

— Есть тут кто-нибудь? — тихо, немного волнуясь, спросил инженер, осматривая комнату. — Странно... Куда же они девались?

Витовский сделал несколько шагов, еще раз внимательно осмотрел помещение и как-то неопределенно махнул рукой. Затем он направился решительным шагом к письменному столу, открыл средний ящик и сунул туда пачку бумаг.

— Найдут... Завтра найдут... — бормотал он, выходя из комнаты. — Так даже будет лучше...

В лаборатории Баянова и Петрова темпы работы нарастали быстро. В помощь были даны люди — опытные конструкторы, физики, химики.

Маленькая индукционная спираль, служившая инженерам для первых опытов, теперь была заменена большим высоковольтным генератором. Он создавал мощный поток искр, сливающихся в бушующее электрическое пламя.

Но обнадеживающих результатов пока еще не получалось. Иногда земля спекалась, но покров был хрупок и легко рассыпался от слабого удара.

Потекли дни томительных сомнений и неудач.

Математические расчеты, производимые Баяновым, плохо подтверждались опытом. Приходилось без конца экспериментировать, чтобы найти основной ключ к решению тайны прочного спекания грунта.

Были моменты, когда Петрову казалось, что все задуманное ими дело вообще зиждется на слишком зыбком основании. Может быть, камень, найденный ими после удара молнии, получился в результате случайного сочетания неизвестных им физических или химических причин! Может быть, не удастся повторить эти сочетания или они окажутся настолько сложными, что не будет никакого расчета применять их в практике!

На помощь было решено пригласить специалиста-математика.

Вскоре в лаборатории появился новый сотрудник, высокий, сухопарый человек, математик Ольшанский. Он быстро ознакомился с производимой работой и немедленно же уселся за расчеты.

К концу рабочего дня Ольшанский аккуратно сложил свои бумаги и спрятал в письменный стол, за которым раньше работал Баянов.

В этот же день вечером, когда друзья остались в лаборатории одни, Баянову пришло в голову, взглянуть, что успел за день сделать новый сотрудник.

Инженер осторожно стал перебирать бумаги, лежавшие в ящике. Это были черновые наброски, сделанные наспех. Одновременно с этим Баянов решил привести в полный порядок свои собственные записи. Он начал рыться в ящике, извлекая оттуда целые листы и различные обрывки.

Вдруг его внимание остановилось на аккуратной пачке листочков, исписанных цифрами и формулами. После самого беглого ознакомления инженером овладело изумление.

— Пойди-ка сюда! — воскликнул он, обращаясь к своему другу. — Ничего не понимаю!.. Или приглашенный нами математик просто гениальный человек, или тут какая-то чертовщина. На, посмотри... — Он протянул Петрову пачку бумаг, найденную им в столе. — Ведь это же замечательные выкладки! — продолжал Баянов. — Как он мог их так быстро сделать!..

Оба друга принялись внимательно изучать рукопись. Это было краткое обоснование вопроса обжига глины с помощью электрических разрядов.

— Поразительно! — воскликнул Петров. — Ведь тут все, что нам нужно! И даже больше того... Ты только посмотри на эту формулу! Ты понимаешь, в чем дело? Если ее сочетать с наблюдениями, произведенными нами вчера, то понимаешь, что получится?

Оба инженера радовались, как дети. Они без конца перелистывали пачку бумаг, сверяли формулы с записями своих опытов и не переставали беспрерывно восхищаться.

— Ну и человечка нам дали! — не унимался Баянов. — Вот силища, а! Ты только подумай! В течение одного дня произвести такой сложный расчет! Просто какая-то сверхъестественная работа.

— Да... действительно... — соглашался Петров. — А на вид такой тихий.

Прежде всего было решено тут же, не откладывая дела на завтра, проверить одну маленькую вещь, вытекающую из новых математических выкладок.

Инженеры стали лихорадочно готовить опыт.

К их счастью, все нужное для этого оказалось под руками, тут же в лаборатории.

Необходимо было установить электрод, с которого искры прыгают в землю, — не плоский, как применялся до этого раньше, а зубчатый. Таким вполне подходящим электродом могла служить небольшая деталь одного лабораторного измерительного прибора.

Петров быстро заработал разводным ключом, пытаясь отделить нужную деталь от прибора, так кстати оказавшегося тут. Наконец это ему удалось, и зубчатая панель стала прикрепляться к испытательному стенду.

Как нарочно, деталь долго не поддавалась. Она не имела нужного выступа, и ее в конце концов пришлось укрепить, привязав к испытательной установке медной проволокой.

Наступил торжественный и в то же время томительный момент.

Понятно ли многим то чувство, которое охватывает экспериментатора, когда все готово, чтобы включить рубильник или передвинуть пусковой рычаг! Как много мыслей проносится обычно в этот момент! Удачным ли будет опыт?..

Далеко не всегда опыты бывают удачными.

Среди инженеров-исследователей установилось поверье: “То, что сразу получится, позже будет работать ненадежно — испортится...”

Может быть, в этом поверье заложена некоторая истина. Хорошо получиться сразу ведь может случайно! А экспериментатор, не зная этого, успокаивается, начинает строить модель на основании полученных результатов. А затем уже, позже, когда модель построена, выясняются различные недостатки.

Опыты могут быть неудачными. Но бояться неудач не следует. Надо бороться с ними. В этом и есть романтика смелых исследователей, открывателей новых принципов в технике, строителей новых машин...

Раздалось мощное гудение высоковольтного генератора, и на землю, утрамбованную в ящике, полилось всежигающее электрическое пламя.

По внешности это пламя ничем не отличалось от того, что не раз уже обжигало землю. Это был такой же ослепительный огонь, мечущийся по влажной поверхности, распространяющий вокруг себя запах гари и пьянящего озона. Но так было лишь снаружи — то, что было видно человеческому глазу. На самом же деле это был уже не тот электрический разряд, он производил другую работу.

Когда стихло гудение генератора и инженеры приблизили к себе металлический ящик с землей, комната огласилась радостным криком.

Поверхность земли покрывала твердая каменная кора с тысячами вкрапленных мелких блесков, сверкающих от света электрических ламп.

Баянову вспомнилась лунная ночь после грозы, когда он впервые увидел каменную глыбу, образовавшуюся от удара молнии.

— Посмотри на слой... это он, Ваня! Разве ты не видишь по одному блеску песчинок, чего мы достигли! Достигли! Понимаешь? — радостно закричал Баянов.

Но Петров и не пытался возражать. Он сам прекрасно понимал, что поставленный опыт удался на славу.

Каменный покров был извлечен из ящика. Он оказался достаточно толстым.

— Ты только подумай! — воскликнул Петров, измеряя толщину каменного слоя. — Двадцать три миллиметра! И это за какие-нибудь двадцать секунд работы генератора! Разве можно желать чего-нибудь лучшего!..

Инженеры просидели всю ночь, бесконечно повторяя свой опыт.

Одним из первых явился в лабораторию новый сотрудник, только вчера приступивший к работе, математик Ольшанский.

Друзья встретили его восторженными возгласами.

— Спасибо вам, дорогой товарищ! Все в полном порядке! — горячился Петров, крепко пожимая руку вошедшему. — Это поразительно! Вот мы тут обсуждали вопрос... Как это вы могли так быстро произвести нужное нам математическое исследование? Вы просто гениальный человек! Ну право же!

Ничего не понимающий математик долго с удивлением смотрел на ликующих инженеров и только лишь спустя некоторое время решился их спросить:

— Скажите, разве этих приблизительных расчетов, которые я успел произвести, оказалось достаточно? Притом они, кажется, еще не совсем закончены, — смущаясь, закончил он.

— Ничего себе “незаконченные”! — волновался Петров. — Да вы просто скромничаете!.. Ты только подумай, Миша: товарищ считает, что его математические выкладки еще не закончены. А! Каково!

Ольшанский скромно улыбался. Ему было непонятно, каким образом несколько математических набросков смогли так помочь инженерам.

— Вы меня простите... — наконец заявил он. — Вы преувеличиваете мою роль. Я просто еще ничего не успел сделать...

— Оставьте, оставьте! — категорическим тоном говорил Баянов. — Все теперь ясно. Пока, на ближайшее время, нам даже не потребуется ваша помощь. Вы за один день сделали то, над чем другой просидел бы целый месяц. Сегодня же нами будет написан на имя директора соответствующий рапорт... По-прежнему ничего не понимая, но явно довольный, математик поблагодарил друзей за внимание и удалился в свое конструкторское бюро, откуда он был прикомандирован временно.

“Удивительно, как мало им было нужно!” — думал Ольшанский, покидая лабораторию.

* * *

Когда утих угар, вызванный первым успехом, Баянов и Петров убедились, что на этом не кончились трудности, стоящие на пути конструирования новой дорожно-прокладывающей машины. Совсем другие результаты выходили, когда примитивный зубчатый электрод был заменен настоящим, изготовленным специально.

Опять стал получаться недостаточно прочный каменный слой. Опять какая-то мелкая ошибка мешала успешному завершению работ.

Потребовалось произвести множество новых опытов, прежде чем установка заработала устойчиво. Пришлось испытать новые мучения и разочарования, прежде чем инженеры смогли сказать твердо, что перед ними совершенно законченный, проверенный практически принцип, применяя который можно смело строить дорожно-прокладывающую машину.

* * *

В кабинете секретаря партийного комитета Коневой сидят Петров и Баянов.

Они пришли сюда, чтобы посоветоваться с партийным руководителем института по вопросу, касающемуся не столько техники, сколько товарищеской этики.

— Лидия Михайловна! — начинает разговор Петров. — Как вы знаете, наши опытные работы закончены успешно. Кстати, мы должны поблагодарить вас за все заботы, проявленные по отношению к нам...

— Никаких особенных забот я не проявляла. Откуда вы это взяли? — отвечает Конева, сдержанно улыбаясь.

— Знаем! Знаем! — вмешивается Баянов. — Кто уговорил директора снять трансформатор с ответственного участка и передать нам? Благодаря чьим-то хлопотам мгновенно устроили вентиляцию в лаборатории...

— Вы только за этим и пришли? — спрашивает Конева, теперь уже строго глядя на инженеров.

— Нет, не только за этим, — продолжает Петров. — Тут дело у нас получается очень сложное, щекотливое... Видите ли, в чем дело! Спекание земли получается у нас теперь на славу. Но ведь этого еще мало! Теперь нужно строить машину, повозку с электростанцией и разрыхлителем земли, на которой будет установлено искровое оборудование. Только в том случае работу можно будет считать законченной, когда по настоящей земле, в полевых условиях пройдет такая машина. А пока все это только лабораторные опыты.

— Что же вам мешает строить такую повозку?

— Ничто не мешает, — тихо ответил Баянов.

— Ну, так что же вас смущает? Приступайте поскорее!

— Видите ли... — продолжал Петров. — Мы тут думали насчет сроков. Повозка — вещь все-таки не очень простая, ее нельзя изготовить быстро — пройдет месяц или больше... У нас есть другое предложение... Что, если поговорить с инженером Витовским и установить наше приспособление на его уже существующую повозку? Ведь она проходила полевые испытания, вещь проверенная.

— Э-э-э, товарищи... Вот куда вы гнете!.. — оживленно проговорила Конева. — Очень интересно! С Витовским можно поговорить. Ему стало лучше... Но думали ли вы, что в случае, если Витовский согласится на это, в конечном результате получится не целиком ваша конструкция? Вы меня, надеюсь, понимаете? Если вы закажете новую повозку, то в целом будет машина, предложенная и сконструированная вами, машина Баянова и Петрова! А если вы воспользуетесь повозкой Витовского, чьей конструкции будет тогда машина? Вы думали над этим?

— Думали! — в один голос ответили инженеры.

— Ну и что вы решили?

— Видите ли, в чем дело... — смущенно начал Баянов. — Инженер Витовский много работал над дорожной машиной... Надо было бы его привлечь... И время сэкономится... А насчет того, чьей конструкции будет машина, не важно...

— Значит, вы... — Конева сделала паузу, — вы собираетесь именно таким образом ускорить окончание машины?

— Слава не самое главное... — ответил Петров.

— Была бы скорее работающая машина... — добавил Баянов.

— Надо будет вам поговорить с Витовским, — взволнованно проговорила Конева. — Я думаю... Видите ли, как вам известно, он ведь до сих пор лежит больной. Последний раз я навещала его вчера... Ведь он тоже не теряет надежды закончить свою машину. Вот не знаю, согласится ли... — Конева встала и протянула через стол свою руку. — До свидания, товарищи, — теперь уже спокойно проговорила она. — Слава и известность в нашей стране никогда не уйдут от тех, кто ее заслуживает.

Состояние Витовского улучшалось с каждым днем. Его бледное и осунувшееся лицо постепенно приобретало прежнюю, присущую ему свежесть. Полное безразличие ко всему окружающему, вызванное глубоким нервным потрясением, стало постепенно проходить. Снова возрождался прежний Витовский, подвижной, добродушный и непрерывно улыбающийся.

Однако выражение “прежний Витовский” было бы неточно. Резкий духовный перелом произошел в нем за последнее время.

Уже давно, с разрешения врача, его стали посещать не только близкие знакомые, но и совершенно неизвестные ему люди. Сотрудники его лаборатории советовались с ним о работе, приносили ему показывать новые чертежи и даже отдельные мелкие детали машины, изготовленные в его отсутствие.

Витовский живо интересовался ходом работ. Он потребовал в свое распоряжение маленькую чертежную доску и, не вставая с постели, стал пробовать делать различные наброски схем.

Вскоре появилось его новое, очень интересное предложение — оригинальное снегоочищающее устройство, позволяющее будущей машине производить работу зимой.

Это был не просто снегоочиститель, освобождающий от снега путь впереди машины. Его работа была несколько иная. Специальный мощный нагреватель должен был плавить стой снега, одновременно прогревая слой почвы.

Одним словом, Витовский сделал все для того, чтобы окончательное испытание его машины не переносить на весну.

Сотрудники старались ничем не напоминать Витовскому, что теперь параллельно с его машиной строится другая, Баянова и Петрова, не говорили ему также, что разработка новой машины идет успешно.

Однако Витовский сам требовал, чтобы ему рассказывали о последних институтских новостях и, в частности, о работе молодых инженеров.

— Так... так... Молодцы! — говорил он обычно, услышав очередное сообщение о новой разработке, параллельной его собственной.

Сотрудники вежливо при этом отворачивались в сторону: им казалось, что Витовский неискренен.

— Вы думаете, что я не по-настоящему радуюсь их успехам? — как-то с укором спросил он. — Вы ошибаетесь. Да, ошибаетесь... Я знаю, что машину, работающую хорошо, им удастся построить. Это будет неплохая машина... И изобретатели вполне достойны этого, они настоящие энтузиасты. Что же касается нашей машины, то она тоже будет неплохая. В дальнейшем жизнь покажет, на каком грунте будет лучше всего работать их машина, а на каком — наша.

При этом Витовский произнес слово “наша” как-то особо подчеркнуто. Сотрудники вспомнили, что это слово раньше он употреблял крайне редко. Обычно он говорил: “моя” машина.

Однажды сотрудники сообщили, что инженеры Баянов и Петров спрашивают разрешения навестить его.

Витовский попросил передать, что он рад будет их видеть и просит зайти при первом удобном случае.

В этот же вечер оба инженера сидели у постели больного.

— Вот какое к вам дело... — нерешительно начал Петров, когда кончились общие разговоры и воспоминания. — Мы очень ценим вас, Владимир Александрович...

— Так, так! — живо заинтересовался Витовский. — Очень признателен...

— Пришли мы к вам с огромной просьбой, — продолжал Петров. — Мы хотим предложить вам для общего ускорения дела... соединить вашу повозку, которая, как всем известно, работает безупречно, с только что законченной искровой установкой. В этом случае уже через десяток дней можно будет выехать в поле... Как вы на это смотрите?

Лицо Витовского застыло в неопределенной улыбке.

— Ну, конечно, если это только вас полностью устраивает, — добавил Баянов. — При малейшем нежелании с вашей стороны... вы понимаете... Лучше не надо, конечно!

Витовский продолжал молчать. Затем он принялся медленно и внимательно обводить взглядом чертежные наброски, приколотые кнопками на стене рядом с постелью. Это были эскизы его снегоуборочного приспособления.

— Вы видите... — тихо проговорил он, подымая руку к стене. — Это даст возможность работать нашей машине в зимних условиях. Но... — Витовский опустил руку, и она беспомощно скользнула вниз, — потребуется еще время... немного времени. Сравнительно немного, конечно...

— Тогда не стоит даже и думать о нашем предложении! — подчеркнуто весело проговорил Петров. — Ясно, что надо заканчивать вашу машину. Считайте, что разговора и не было, Владимир Александрович!

— Нет, товарищи! — произнес Витовский, немного приподымая голову. — Знаете, что я вам скажу?.. Я согласен с вашим предложением. Да, согласен! Пусть машина будет общая, наша, если это хоть на один день ускорит ее окончание. Надо торопиться...

— Правильно, Владимир Александрович! — облегченно вздохнув, произнес Петров. — Машина должна быть прежде всего наша, советская, и должна быть на ходу как можно скорее!

Остаток вечера инженеры провели, болтая о предстоящем испытании и разных технических мелочах.

— Вам знаком, Владимир Александрович, математик Ольшанский? — спросил, между прочим, Баянов. — Это такой худощавый, в очках...

— Ольшанский? Знаю, знаю прекрасно! — ответил Витовский. — Очень способный и милый человек. А что?

— Вы понимаете, — продолжал Баянов, — он не только способный, но прямо-таки гениальный математик. Вы только подумайте! Утром приходит к нам на работу. Еще даже не вошел как следует в курс дела, а к вечеру — пожалуйста, находим у него в столе математическое обоснование! Просто поразительно! Ровно семь страниц. Ну, и сразу после этого дело у нас пошло на лад. Замечательное математическое обоснование дал!

— Семь страниц, вы говорите? — произнес Витовский, как-то загадочно улыбаясь. — Позвольте... позвольте... И он... не отрицает, что написал именно он?

Оба друга с удивлением смотрели на неизвестно почему взволновавшегося инженера.

— Конечно, не отрицает! — ответил Баянов. — А кто же мог написать, кроме него! Мы рапорт на имя директора подали. Ольшанский получил благодарность в приказе по институту. Теперь он стал у нас известнейшим математиком. Да не только у нас — слава об этом удивительном случае разнеслась дальше.

— Слава... — тихо произнес Витовский. — Слава... — повторил он, безучастно глядя куда-то в сторону.

Некоторое время Витовский был неподвижен, он о чем-то напряженно думал. А затем неожиданно разразился веселым, заразительным смехом:

— Ой, товарищи... Ой, не могу!.. Слава, говорите? Вот так слава!.. Ха-ха-ха! Ой, не могу!..

.....

— Вот видишь, — говорил Петров своему другу, когда они, покинув квартиру Витовского, спускались по лестнице. — Ему нельзя говорить слово “слава”. Он еще не совсем пришел в себя. Ты заметил, как он смеялся? Видно, все-таки болезненно переживает... В этот же вечер оба друга увидели математика Ольшанского.

Резко распахнув дверь, математик вошел в лабораторию. Лицо его было сурово.

— Безобразие, товарищи! Это же чорт знает что такое! Вы меня опозорили! — проговорил он грозно.

— Что с вами? — забеспокоился Баянов. — Кто вас опозорил?

— Вы опозорили! Вы! — продолжал Ольшанский. — Понимаете, что произошло? Вы пользовались расчетами, которые не принадлежат мне. Так почему же, чорт возьми, вы заявили, что их сделал я? Что это за штука?!

Тут только Баянов вспомнил, что несколько часов тому назад послал Ольшанскому расчеты с просьбой изменить некоторые формулы.

— Этими расчетами вы пользовались? Этими? — продолжал волноваться Ольшанский, вынимая из папки хорошо знакомые листы.

— Да, этими, — с удивлением ответил Баянов.

— Так это же не моя работа!.. Понимаете: не моя!

— Так чья же, в таком случае? — забеспокоился Петров.

— Вы хотите знать, чья? Пожалуйста... У меня этот вопрос не вызывает никаких сомнений. Вот, посмотрите... посмотрите на это решение... Разве вы не видите, что тут характерный прием? И вот тут, посмотрите... — Ольшанский принялся лихорадочно перелистывать страницы. — Здесь вот то же самое... Чей этот прием? Ну, вам, конечно трудно определить, а мне известно с абсолютной достоверностью: этот расчет произвел инженер Витовский... и никто больше, кроме него, так не работает... Ясно теперь?

— Не совсем ясно... — ответил Петров. — Во всяком случае, неясно, как и почему эти расчеты очутились у нас на столе.

— Вот это уж меня не касается, — печально улыбаясь, ответил Ольшанский. — Меня больше интересует, как мне реабилитироваться. Вы поймите мое положение!.. Благодарность в приказе... Все на меня тычут пальцами: вот, мол, замечательный математик... Слава какая пошла кругом! А я ко всему этому не имею никакого отношения. У меня нет ни малейшей заслуги в успехах ваших опытов. Хорошо, что премию отказался получить. Позор какой... Вы только подумайте!.. Сейчас же иду к инженеру Витовскому... Я докажу, что выкладки эти принадлежат ему.

* * *

Перед секретарем партийной организации института Коневой сидит начальник главка, пожилой инженер, только что прибывший из центра. Он радостен и возбужден.

— Опоздал! Понимаете, Лидия Михайловна, опоздал всего на несколько часов! Ну, разве это не досадно? — говорил он, жестикулируя руками.

— Ничего, товарищ, еще увидите. Сегодня испытание было первое, но, конечно, не последнее, — успокаивает Конева своего гостя.

— В том-то и дело, что первое! На первое опоздал! — продолжает волноваться инженер. — Ну-ка расскажите своими словами, Лидия Михайловна! Мне просто интересно сравнить то, что рассказывал мне директор, а теперь расскажете вы.

— Пожалуйста! — соглашается Конева. — Картина, должна вам сказать, была действительно захватывающая. Мы собрались все точно в двенадцать часов дня. Ну, тут начался спор, кому вести машину. Баянов категорически настаивает, чтобы машину вел Витовский, по старшинству. Витовский отказывается, ни в какую! Спорили и уговаривали друг друга очень долго. Удивительно слаженный коллектив у них получился! Наконец Петров махнул рукой и уселся за руль... Включает мотор... Машина трогается с места... А погода какая была изумительная! Прямо как нарочно праздничная. Воздух немного морозный, приятный, солнце светит! Снег в поле искрится... Я люблю такую зимнюю погоду. На душе как-то делается радостно...

— Ну, а машина?

— Так что ж машина... движется приблизительно со скоростью трактора. Дорога сзади нее получается очень хорошая. По виду она немного отличается от асфальтированной. Цвет другой — желтоватый... Но прочная! Удары молотка ей нипочем. Удаляется машина, а за ней среди белоснежного поля тянется лента... Вы понимаете, что чувствовали все мы?... Ведь эти пути-дороги теперь начнут расти в нашей стране со сказочной быстротой. Проедет машина — и дорога готова! Эти замечательные дороги скоро подойдут даже к самому маленькому колхозу. А люди... Если бы вы видели, как радовались изобретатели! Как радовались все сотрудники нашего института! Это же ведь победа!

— Как жаль, что я опоздал!

— Ничего, через два дня испытание повторится, — успокаивала Конева сокрушавшегося начальника главка.

— Теперь у меня к вам, Лидия Михайловна, еще один вопрос, — не унимался он. — Скажите, пожалуйста... Вот, Витовского я знаю. Он вообще человек по внешности довольно заметный, можно сказать — единственный в своем роде... А вот как выглядят эти два инженера — Баянов и Петров?

— По внешности, да и по внутренним качествам они ничем особенно не выделяются. Обыкновенные наши советские инженеры-изобретатели, каких вокруг нас тысячи. Одним словом — Баянов, Витовский, Петров, Иванов... — улыбнувшись, ответила Конева. — А другими словами — люди замечательные, — добавила она и улыбнулась еще раз.

В ГЛУБЬ ЗЕМЛИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ ДВИЖУЩИЕСЯ СКЕЛЕТ

Главный инженер, руководитель Института геолого-разведывательной техники Арам Григорьевич Геворкян остановился и замер на месте.

— Не понимаю... — тихо пробормотал он. — В чем дело? Скелет... Что такое? Да, скелет...

Действительно, сквозь мрак ночи в окне противоположного здания можно было различить странную картину...

* * *

Этому удивительному случаю предшествовало самое обычное.

...Кончился рабочий день. Сумерки сгущаются. Главный инженер в раздумье шагает по своему кабинету. Изредка подходит он к открытому окну, вдыхает полной грудью свежий воздух, а затем снова принимается мерить комнату из угла в угол. Глубоко засунув руки в карманы, отчего его высокая, сухопарая фигура кажется немного сутулой, бесшумно скользит он по ковру, покачивая головой в такт шагам.

— Стальные трубы... А если диаметр больше, а? Почему бы не больше? — слышится его монотонное бормотанье.

Главный инженер при этом останавливается и смотрит вопросительно в глубину комнаты, где в полумраке вырисовывается темный силуэт письменного стола.

— Пересчитаем, — говорит он твердо, принимаясь снова ходить по комнате. — Пересчитаем... пересчитаем... Трубы... трубы...

Главный инженер остановился у письменного стола и начал нервно барабанить по нему пальцами.

— На самолете! Пусть доставляют на самолете. Точка. Всё! — говорит он глухо, стремительно отрываясь от стола, как будто отдаляясь от невидимого оппонента. — Всё... Никаких возражений быть не может. Всё...

Геворкян любит рассуждать сам с собой. Бурный темперамент этого человека не выдерживает ни минуты покоя. Оставаясь наедине, он продолжает чувствовать себя в окружении множества воображаемых собеседников. Главный инженер мысленно спорит с ними, доказывает, спрашивает у них совета и сам же за них отвечает. Эта своеобразная форма творческого процесса, присущая некоторым людям, обострена у него до крайности. — Такие возможности!.. А мы? Что делаем мы!.. — продолжает он, ускоряя шаг.

Затем, резко повернувшись, направляется к выходу из кабинета.

Широко распахивается массивная дверь. Она остается открытой — Геворкян часто забывает ее закрыть, точно не желает преграждать дорогу своим воображаемым многочисленным собеседникам. Дверь прикрывает маленькая девушка, секретарь, хорошо знающая привычки своего начальника. Она некоторое время прислушивается к удаляющимся шагам, а затем медленно усаживается за свой столик.

Но вот вскоре из коридора доносятся еще чьи-то шаги. Они резки, уверенны, но не так торопливы, как у главного инженера. Открывается дверь. На пороге появляется приземистый, широкоплечий человек — секретарь парткома Батя.

Собственно, настоящая его фамилия — Хвыля, что по-украински значит “волна”. Григорий Тимофеевич Хвыля. Но дружеская кличка “Батя”, данная ему рабочими, его товарищами, за степенную рассудительность и добродушный вид, укоренилась за Хвылей очень давно.

— Добрый вечер! — говорит Батя, задерживаясь у дверей. — У себя?

— Добрый вечер, Григорий Тимофеевич... Только что вышел, — отвечает секретарша, подымаясь из-за стола.

— И куда же это он?

— Бродить пошел. — А-а-а...

Выражение “бродить пошел” хорошо известно обоим: это означает, что инженер ходит в раздумье по опустевшему институту, заглядывая во все уголки.

— Разыскать его?

— Не надо, — медленно говорит Батя. — Спокойной ночи.

Между тем главный инженер уже проходит по просторному залу, слабо освещенному дежурными лампочками. Он внимательно присматривается к сложным механизмам, расставленным на столах и специальных стендах. Некоторые машины видны лишь как контуры, поблескивающие никелем отдельных деталей. Главинж задерживается почти у каждой машины.

Медленно переходит он от одной машины к другой. Он напоминает полководца, осматривающего ночью расположение позиций и спящих бойцов. Завтра полководец появится среди войск во всем своем величии военного руководителя. А сегодня под покровом темноты он бродит, предаваясь размышлениям и строя планы будущих славных дел.

Пневматический бур... Гидротурбинный бур... Много других механизмов, расположенных в зале, предназначены для того, чтобы сверлить землю, углубляясь в нее как можно дальше.

У одной из машин главинж задерживается особенно долго.

— Корпус расширим... Так... — говорит он, разглядывая машину со всех сторон. — Очень неплохо...

Поднявшись на второй этаж, Геворкян идет по длинному коридору. Двери, ведущие в кабинет и лабораторию, медленно проплывают мимо него, одна за другой.

— Люди... Нужны люди... — бормочет он. — Как работают эти трое? Ребята, видно, неплохие. Может быть, поручить им? Правильно!

* * *

Новое, необыкновенное дело предстоит осуществить институту.

Именно поэтому главинж бродит ночами, не находя себе времени для отдыха.

В общих чертах проект новой машины почти готов в его голове. Это будет мощный турбобур, способный проникнуть на огромную глубину в толщу земли. Но не в этом только его преимущество перед остальными бурами. Он будет снабжен специальным радиолокационным прибором, вмонтированным в головку бура. Вместе со штангой на многие километры в глубь земли потянутся провода, соединяющие радиолокатор с поверхностью. Таким образом, находясь на поверхности, можно будет наблюдать на экране картину подземного мира. На тридцать-пятьдесят метров вокруг буровой скважины разойдутся радиоволны локатора, пронизывая толщу земли. Отраженные от геологических слоев, они вернутся к локатору, и на поверхность земли побегут по проводам электрические сигналы, превращающиеся здесь в видимое на экране изображение...

В конструкторском бюро, большой и хорошо освещенной комнате, главинж медленно обходит все столы. Над некоторыми из них на минуту склоняется, внимательно рассматривая чертежи. Иногда он берет в руки карандаш и делает какие-то пометки на толстой бумаге, приколотой кнопками.

— Где же они сидят?... Ага! — тихо говорит он, направляясь к трем столикам, стоящим несколько в стороне от остальных.

Он усаживается за одним из них и начинает просматривать бумаги.

— Что! — несется по залу его удивленный возглас. — Почему? Нет другого дела?

На бумаге с начатым чертежом он видит странное изображение, не имеющее никакого отношения к технике. Какое-то уродливое животное нарисовано в углу. Внизу, под чертежом, опять то же животное, оскалившее зубы.

У двух соседних столиков он видит опять на чертежах изображения непонятных животных. Как будто все трое сговорились нарисовать одно и то же. Это приводит главного инженера в ярость.

— Безобразие! — бормочет он, выходя из конструкторского бюро. — Возмутительно!

* * *

Вскоре главинж, как и ожидал Батя, действительно вошел в помещение парткома.

— Безобразие! — было его первое слово. — Игрушками у нас народ занимается во время работы!

— Притвори дверь-то сначала, — спокойно проговорил Батя, приподымаясь навстречу своему другу. — Кто, говоришь, занимается игрушками?

— Ты понимаешь, у меня не хватает людей! — продолжал главинж, расхаживая по комнате. — Вот эти трое, что недавно прибыли на практику... я на них надеялся. А они в рабочее время занимаются тем, что рисуют на чертежах каких-то, бегемотов.

— Бегемотов? — удивился Батя.

— Да, бегемотов... В зоологический сад их нужно было бы направить, а не к нам.

— И хорошо нарисованы? — улыбаясь, продолжал Батя.

Геворкян остановился на минуту, внимательно посмотрел на Батю, пожал плечами и начала снова ходить по комнате.

Он принялся излагать Бате все трудности, с какими уже встретился и, наверное, встретится в дальнейшем, при осуществлении нового проекта. Трудностей было так много, что говорить о них можно было бы очень долго. Но неожиданно в дверь постучали, и на пороге появился дежурный вахтер.

— Товарищ главный инженер, — проговорил он, косясь на Батю, — тут вот из окна видно, как движется скелет... В шестой лаборатории... — Что? — удивился Геворкян.

— В неурочное время работают, — продолжал вахтер, хорошо известный всему институту старик Панферыч. — В темноте сидят и этим самым скелетом занижаются.

Геворкян вышел из комнаты вслед за вахтером.

Они проходили по длинному и слабо освещенному коридору. Гулко разносилось по нему эхо, повторяя шарканье шагов и пыхтение Панферыча. Наконец у одного из окон Панферыч остановился.

Остановился и Геворкян.

Напротив была видна темная стена соседнего корпуса, расположенного совсем рядом. В больших квадратных окнах здания кое-где отражались звезды. По-видимому, начинала всходить луна, так как соседняя крыша уже серебрилась слабым, чуть розоватым светом. В одном из окон, внизу, было отчетливо видно зеленоватое фосфоресцирующее сияние. Черные сильно увеличенные тени иногда появлялись в окне и быстро исчезали.

Но не фосфоресцирующее сияние и не тени удивляли главинжа. Его поражало нечто другое. В глубине комнаты виднелся скелет, зеленый, светящийся.

Позвоночник, ряд ребер и маленький череп беспрерывно двигались. Особенно широкими пульсирующими движениями извивался позвоночник. Череп же через равные промежутки времени совершал однообразные повороты. Геворкяну показалось, что он видит даже оскал зубов.

— Что за чертовщина! Пойдем туда, — проговорил он.

Они почти бегом спустились по лестнице. Но ближайшая выходная дверь оказалась закрытой. Пришлось снова подыматься наверх, бежать по коридору и опять спускаться по другой лестнице.

Теперь им осталось пересечь большой институтский двор, чтобы обогнуть корпус, из которого они только что вышли. Вот уже и вход в лабораторию. Главинж резко дергает дверную ручку. Но дверь не подается: она закрыта на ключ!

Через несколько минут, когда на место происшествия прибыл начальник институтской охраны с ключами и Геворкяну наконец удалось проникнуть в закрытое помещение, в нем никого не оказалось.

ГЛАВА ВТОРАЯ “ТРИ МУШКЕТЕРА”

Рано утром перед дверью в приемную главного инженера остановились трое.

— Ты начнешь, Ермолай? — спросил один из них.

— Нет уж! Идея в основном твоя, — ответил второй грубоватым баском, делая ударение на “о”. — Как ты думаешь, Гога? — добавил он через некоторое время.

— Гм... гм... — произнес Гога, внимательно разглядывая потолок.

— Вот видишь, Сашенька! — радостно пробасил Ермолай. — Гога со мной согласен. Придется начинать тебе.

Затем все трое, один за другим, вошли в приемную и, стараясь не шуметь, уселись на диване.

“По ранжиру сидят”, подумал, взглянув на них, ожидавший своей очереди начальник институтской охраны.

Действительно, самый высокий из друзей, Александр Корелин, юноша с голубыми мечтательными глазами, сидел с краю. Посредине находился Ермолай Богдыханов, широкоплечий и грузный, с лицом немного озорным и хитрым. Ниже всех ростом был Гога Шереметьев, юноша очень серьезный и сосредоточенный. Даже теперь, всего только рассматривая потолок, делал он это необычайно внимательно и с глубокомысленным видом.

Все трое были студентами машиностроительного института и недавно прибыли сюда на практику.

— Ну, как нравится вам у нас работать? — спросила секретарша, обращаясь к студентам.

— Ничего, спасибо, — ответил Корелин. — Мы очень довольны. Разве вот...

Корелин запнулся, так как из кабинета послышался голос главинжа. Геворкян, видно, с кем-то спорил и говорил так громко, таким тоном, что практикантам показалось, будто хозяин кабинета чем-то очень недоволен.

Встревоженные студенты переглянулись. Между тем секретарша продолжала сидеть совершенно спокойно, не обращая внимания на крики.

— Десять километров? Что?! Ерунда!.. — неся из-за двери зычный голос руководителя института. — Воз-вр-р-ратится!.. Что?.. Возвр-р-ра-атится!..

— Скажите, пожалуйста... — осторожно спросил Корелин, обращаясь к секретарше, — скажите... что, главный инженер сегодня не в духе?

На лице секретарши появилось строгое выражение, говорившее одновременно о недоумении и легком пренебрежении к новым посетителям.

— Почему не в духе? — спокойно проговорила она. — Наоборот! Разве вы не слышите, как он бодро разговаривает!

— Слышу, — согласился Корелин. — Однако...

Но в это время дверь из кабинета распахнулась и на пороге появилась девушка в синем рабочем халате. К удивлению студентов, девушка приветливо улыбалась.

— Вот, — гордо проговорила она, протягивая какую-то бумажку секретарше, — Арам Григорьевич просил передать вам для приказа. Тут благодарность лаборатории электроразведки и лично мне.

— Гм... — тихо прошептал при этом Богдыханов, обращаясь к Корелину.

Следующим пошел в кабинет к главинжу, грузно стуча сапогами, начальник институтской охраны. Масивная, обитая черной клеенкой дверь с шумом захлопнулась за ним.

Вскоре друзья заметили, что секретарша начала проявлять явные признаки беспокойства. Она стала внимательно прислушиваться к еле слышимым звукам, доносившимся из кабинета. Лицо ее приняло очень серьезное выражение. Наконец она поднялась из-за своего столика и тихонько, почти на цыпочках, приблизилась к черным дверям.

Как ни старались три друга угадать причину, взволновавшую секретаршу, но так и не могли догадаться. Из кабинета слышался тихий и совершенно неразборчивый разговор.

— Это возмутительно... — проговорила секретарша, медленно усаживаясь за свой стол. — Врачи за-прещают Араму Григорьевичу чрезмерно волноваться, а на этой неделе вот. уже третий случай, когда он буквально выходит из себя... Что там произошло?

— Простите... Я вас не понимаю... — скромно заметил Корелин. — Откуда вы знаете, что главный инженер сильно взволнован?

Секретарша опять окинула студентов взглядом, выражающим недоумение. Она еще раз внимательно прислушалась к разговору, доносившемуся из кабинета, подождала немного и лишь затем ответила:

— Вы совершенно не знаете Арама Григорьевича. Разве не слышно, что он молчит! В нормальном состоянии он говорит громко, кричит. А это что?! Вы только прислушайтесь. До чего довели человека!

Проникшись уважением к такому необыкновенному объяснению секретарши, студенты молчали. Только теперь они обратили внимание на то, что из кабинета действительно слышался только голос начальника институтской охраны. Начальник, видно, в чем-то оправдывался. Голоса же главинжа не было слышно совсем.

Неожиданно среди наступившей тишины послышалось какое-то странное пыхтенье. Это Богдыханов, сидевший посредине между своими товарищами, начал ворочаться, почему-то торопливо хватаясь за боковой карман своей куртки.

— Вот дьявол... Вырывается... Ну, что ты будешь делать! — послышалось его приглушенное бормотанье.

— Держи его, Еролай, — тихо прошептал Корелин.

— Что там случилось? — заинтересовалась секретарша.

— Да нет... ничего... — смущенно произнес Корелин. — Это, просто, так... у Богдыханова такая привычка, что ли. Вы не обращайте внимания, с ним это бывает...

Секретарша подозрительно посмотрела на Богдыханова, уже принявшего непринужденную позу, и полсала плечами. Она вспомнила фразу “держи его”, и у нее мелькнула страшная мысль, что Богдыханов, может быть, страдает припадками.

— И часто это у вас бывает? — теперь уже с ужасом глядя на Богдыханова, спросила она.

— Вчера было, — грустно пробасил Богдыханов. — Вот, тоже, засунул руку в карман... Забываешь... А он как хватит!

— Кто хватит? — испуганно спросила секретарша, приподымаясь со своего места. — Я вас не понимаю...

Но ответа не последовало. Дверь из кабинета отворилась, и в приемной появился начальник институтской охраны. Некоторое время он смотрел в какую-то неопределенную точку, как бы что-то вспоминая, окинул студентов немного подозрительным взглядом и медленно направился к выходу из приемной.

— Пойду искать виновников, — тихо проронил он на ходу.

В отделанный под дуб кабинет главинжа студенты вошли в том же порядке, как и в приемную, — гуськом. Впереди шел высокий и стройный Александр Корелин, гордо подняв голову. За ним следовал, немного покачиваясь, широкоплечий Еролай Богдыханов. Гога Шереметев передвигался медленно, уставившись в пол.

— Садитесь. Что за срочное дело? Я вас слушаю, — скороговоркой произнес главинж, подымаясь из-за стола и пожимая вошедшим руки.

— Вы не представляете, Арам Григорьевич, какое необычайное дело привело нас к вам! — произнес Корелин, усаживаясь в кресло.

— Очень интересно. Я вас слушаю, — спокойно ответил главинж, откидываясь на спинку кресла.

“Тихо говорит — значит, не в духе”, мелькнуло в мыслях Корелина.

— Вы, конечно, знаете, какое огромное значение имеет природа в жизни человека, — продолжал Корелин, сильно волнуясь. — Нет... простите, не в жизни человека, поскольку человек есть часть природы, а в науке и технике... Ну да, в науке и технике! Я могу вам привести тысячи примеров. Возьмите птиц, парящих в безбрежных воздушных просторах... Возьмите, наконец, рыб, резвящихся в глубине океана...

Корелин запнулся; он почувствовал, что от волнения говорит что-то не то, а главинж смотрит на него не особенно дружелюбно.

— Предположим, что я возьму птиц и возьму рыб. Дальше что прикажете с ними делать? — вставил главинж, пользуясь паузой Корелина. — Анатомировать, — глухим и не допускающим возражения тоном вставил Гога Шереметев.

Главинж сделал большие глаза и повернулся к Гоге.

— Он вам недостаточно ясно изложил свою мысль, — забеспокоился Корелин. — Хотя Леонардо да Винчи тоже анатомировал голубей...

— Ты не то говоришь, Саша, — вмешался Богдыханов. Ты объясняй проще... Голуби тут ни при чем, Арам Григорьевич. Мы имеем в виду другое животное, так сказать более близкое нашим интересам...

— Что? — произнес главинж, подымаясь из-за стола. — Вы пришли сюда дурачить меня загадками? Вы думаете, что я не видел бегемотов, нарисованных у вас на чертежах!.. Что это за балаган?

— Да, это не бегемоты, Арам Григорьевич! Уверяю вас, что не бегемоты! — забеспокоился Корелин. — Сейчас вы узнаете... Ермолай, прошу тебя...

Главинж увидел, как Богдыханов принялся торопливо ощупывать боковой карман своей куртки. Затем он издал возглас удивления и зачем-то быстро сунул руку в карман своих брюк.

— Да объясните же человеческим языком, в чем дело! — произнес главинж.

— Арам Григорьевич! — продолжал Корелин, все еще не оправившись от смущения. — Ведь разведку земных недр можно вести при помощи животных... то-есть, простите, подобий...

Корелин не смог закончить свою фразу, так как дверь неожиданно с шумом растворилась и в комнату быстро вошел пожилой человек с портфелем.

— Арам! Не ожидал? — закричал он еще с порога. Это был инженер из центра, неожиданно прибывший в институт по срочному делу.

Сразу за ним в кабинет вошел Батя.

— Всё, товарищи! — быстро проговорил главинж, обращаясь к студентам. — Сейчас мне некогда с вами заниматься. Следующий раз приходите с четкой формулировкой того, чего вы хотите... Ничего не понимаю! — весело проговорил главинж, когда за студентами захлопнулась дверь. — Нельзя сказать, чтобы это были слишком робкие ребята, а вот в течение целых десяти минут не смогли толком объяснить, зачем пришли.

— Ты, наверное, отчитывал их за бегемотов? — улыбаясь, заметил Батя. — Вот они и перепугались.

— Кстати, ты знаешь, как они объясняют появление бегемотов на своих чертежах? — продолжал главинж. — Они пришли ко мне с предложением использовать каких-то животных для геологической разведки. Позже придется разобраться.

— Животное для геологической разведки? — удивился гость. — Это теперь, когда в нашем распоряжении имеется столько совершенных приборов! Вы меня простите, но я невольно вспоминаю барона Мюнхгаузена. Тот в свое время предлагал летать на гусях...

— Вообще у нас в институте в последнее время творятся странные вещи, — продолжал главинж, обращаясь к гостю. — Можешь ли себе представить: прошлой ночью, например, я видел собственными глазамидвигающийся скелет! А? Как это тебе нравится?

— Какой, скелет? Что ты говоришь... — забеспокоился гость. — Я приехал сюда говорить о серьезных вещах... Кстати, Арам, я считаю, что тебе необходим отпуск, и в ближайшее время.

— Ладно, ладно, — ответил Геворкян улыбаясь. — Сейчас мне отпуск не нужен. А что касается скелета, то ты не думай, что мне показалось. Ты ведь не знаешь, о каком скелете я говорю. Да я сам толком не знаю, что это было. Сейчас начальник охраны разбирается в этом деле. Вскоре в кабинете наступила нормальная рабочая обстановка. Главинж начал горячо спорить с приехавшим инженером, расхаживая по комнате и сильно жестикулируя.

— Трубы? Да, вы должны их прислать на самолете... А как же иначе! Ты сам посуди... Что!.. — слышался его громкий голос.

Иногда голос главинжа стихал, и его заменяла тоже громкая, но неторопливая и обстоятельная речь Бати. Приехавший из центра говорил тихо.

— Нам нехватает людей! — горячился главинж. — Сейчас будут мобилизованы все... Люди! Понимаете, люди нам нужны! Нехватает людей... Вот, например, эти трое... три мушкетера, как кто-то их у нас назвал... Разве я могу на них надеяться? Что мне прикажете с ними делать?

— Да подожди, Арам, что ты на них раньше времени ополчился! — вставил Батя. — Ребята молодые. Видно, носятся с какой-то новой идеей. Надо разобраться. Завтра воскресенье, а в понедельник, возможно, займусь с ними сам.

— Я же не говорю, что они вообще плохие работники, — продолжал главинж. — Нужно иметь в виду, что они именно носятся с какой-то своей идеей. Бредовой или нет — это мне неизвестно. Но все равно, сейчас

надо выполнять порученное нам задание. — Главинж прекратил хождение по комнате, уселся на свое место. — Бур применим самый обыкновенный. Локационную установку смонтируем вблизи режущего инструмента. Вас интересует радиус обзора? Пожалуйста... Пятьдесят метров уже можно гарантировать... Но это еще не все! Я думаю, что и до семидесяти метров дотянем. Представляете! Сидя вот в этом кабинете, мы будем видеть на экране все, что делается на глубине трех-четырёх километров. Ведь сейчас же мы фактически слепые...

Мы не видим, что делается вот тут, под нами, совсем близко...

Главинж резко взмахнул рукой и направил указательный палец вниз, к полу.

— Действительно, не видим, — подтвердил Батя с загадочной интонацией в голосе. — Вот только посмотрите... — При этом он указал на большой ковер, лежавший посередине комнаты.

Главинж и гость с удивлением принялись рассматривать место, указанное Батей. С ковром происходило нечто непонятное: он вздулся посередине небольшим бугром; бугор перемещался в разные стороны, все время меняя направление.

— Что это может быть? — спросил главинж.

— Я думаю — крыса, — безапелляционно заявил гость.

— Откуда же в моем кабинете может быть крыса? — обиделся главинж. — Нет, это просто интересно...

Надо посмотреть.

С этими словами он вскочил из-за стола, подошел к коврику и принялся его отворачивать ногой.

На обнаженном полу показалось маленькое животное с лоснящейся черной шкуркой.

— Крот! — воскликнул Батя. — Самый настоящий крот! Как же он тут появился?

— Это чорт знает что такое! — грозно прорычал главинж, осторожно носком переворачивая неуклюжее животное на спину. — Что это за шутки?.. Куда его девать?..

— Только не выбрасывать, — вступился Батя, приближаясь к кроту. — Подожди, подожди... Дай-ка мне сообразить... Ну да! Животное очень полезное. В некоторых случаях, конечно. Знаешь что? Я возьму его с собой. А пока пусть тут погуляет. Животное безвредное, не укусит... Вскоре главинж уселся за свой стол и, подперев голову руками, задумался, продолжая следить за кротом, ползающим по комнате.

— А-а-а! Понимаю... — продолжал он через некоторое время. — Начиная, вернее, понимать. На чертежах у них, наверное, были нарисованы кроты, а не бегемоты. Так-так... Это они притащили с собой. То-то Богдыханов что-то долго искал у себя в кармане! Нечаянно выпустил, наверное... Это они мне принесли показать. Так-так... То-то они мямлили! Теперь все ясно. Наши уважаемые практиканты собираются предложить вести геологическую разведку с помощью дрессированных кротов. Как вам это нравится?

— Я же говорил, что ваши практиканты хотят уподобиться барону Мюнхгаузену! — обрадовался гость, до сих пор молча наблюдавший всю сцену. — А потом, — продолжал он, — существует уже не вымышленный, а настоящий пример. Вы, наверно, слышали, что один физик дрессировал тюленей, чтобы они выслеживали неприятельские подводные лодки. Но только ничего из этого не вышло.

— Не вышло-то не вышло, — вставил Батя, — но благодаря этой затее, насколько мне известно, этот физик усовершенствовал приборы для подслушивания шумов под водой — гидрофоны. Он скопировал ушную раковину тюленей, зная, что они очень хорошо слышат под водой.

— То тюлени, а то кроты, — заметил главинж. — Предположим, что мы привяжем к кроту какой-нибудь измерительный или сигнальный прибор. Ну, и на какую глубину может спуститься крот? Пять метров? Десять метров, не более? Кому это нужно! Правда! Никчемная идея... Я предлагаю больше не терять времени на глупости. Давайте лучше заниматься делом.

В кабинете опять воцарилась деловая обстановка.

— Можешь заверить, что телебур мы построим в срок. Так и передай! — волновался главинж. — Но трубы я все-таки требую выслать на самолете, немедленно... Понятно? Все мобилизуем! Все экспериментальные работы приостановим, но к сроку сделаем... Только вот люди. Почему не присылаете пополнение?

Дальше разговор пошел о нефти.

По далекому геологическому прогнозу, в местности, где был расположен институт, у одного из предгорий Кавказа, предполагалось местонахождение нефти. Однако до сих пор нефть еще не была обнаружена. Хотя практическое испытание машин, разрабатываемых институтом, и проводилось с успехом в ближайших нефтяных месторождениях Кавказа, руководству и всем сотрудникам все же хотелось самим видеть результаты своих трудов. Институт конструировал машины не только для поисков и эксплуатации нефти. Задачи были более широкие. Тут создавались машины и для поисков рудных месторождений и для разведки угля и калийных солей. Расположить научно-исследовательский институт в таком месте, где бы сразу находились всевозможные месторождения, было немыслимо, да и не нужно. Но в данном случае, если бы нефть нашлась, первое практическое испытание своих машин сотрудники института могли бы провести сами.

— Телебур поможет нам добраться до нефти, — говорил Батя. — Это будет его первое практическое испытание. Вот если бы...

Батя не успел договорить фразу, так как в кабинет быстро вошел начальник институтской охраны. Он подошел к главному инженеру и что-то тихо сказал ему на ухо.

Главинж стал мрачнее тучи.

— Это возмутительно... — медленно проговорил он, глядя куда-то в сторону.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

КРОТ

Несмотря на воскресный день, три друга проснулись раньше обычного.

— Довольно дрыхнуть! Просыпайтесь! — заорал Богдыханов, стремительно вскакивая с постели.

Он подскочил к кровати, на которой спал Корелин, и принялся его трясти. Такая же участь постигла и Гогу Шереметьева, издававшего чуть слышный храп.

Комната, уже хорошо освещенная ярким весенним солнцем, наполнилась ворчаньем и вздохами людей, разбуженных от сладкого сна. Затем послышался скрип открываемого окна, а за ним разноголосый уличный шум.

— Все-таки ты страшная мямля, Саша, — говорил Богдыханов, натягивая брюки. — Рыбы резвящиеся... Птицы парящие... Леонардо да-Винчи... — продолжал он, подражая певучему голосу Корелина. — Надо было бы говорить просто! Так, мол, и так, для разведки земных недр мы предлагаем...

— Ты тоже хорош, — огрызался Корелин, сонно потягиваясь. — Главинжа обидел? Крота выпустил? Как ты думаешь, Гога, кто из нас больше виновен?

— Гм... гм... — ответил Гога, по своему обыкновению внимательно посмотрев на потолок. — Оба...

— Неужели... — продолжал Корелин, делая гимнастическое движение, — неужели я не должен был начать с объяснения гармонически целого природы и техники, внушить главинжу высокую закономерность нашего предложения... Вот какую задачу я ставил перед собой, — закончил он, приседая и делая “выдох”.

— А я бы начал иначе, — не унимался Богдыханов. — Я бы сказал: “Вот вам, товарищ главинж, крот. Животное невзрачное. А тем не менее обратите внимание на его глупое стремление жить под землей. Что из этого следует?..”

— Это у тебя самого “глупое стремление”... Кто же так говорит! — огрызнулся Корелин, делая “выброс” правой ноги. — Ты лишен не только художественного воображения, но и умения правильно излагать свои мысли...

Слово “художественного” Корелин произнес с особым ударением.

На первый взгляд было трудно объяснить, что объединяет этих трех студентов. Характеры были у них самые различные. Александр Корелин, восторженно, романтически настроенный юноша, любил природу и обо- жал поэзию. Правда, это не мешало ему также любить науку и технику. Но любил он технику как-то по-своему, тоже романтически. Он мог любоваться машиной или сложной конструкцией, любоваться математическим решением, как красивой игрой человеческой мысли. Даже в самой неприятной на вид машине он видел искусство.

Богдыханов был страстный поклонник техники без всякого предположения, что это искусство. Машину он любил только такую, которая давала хорошую производительность. Математическое решение ему нравилось только в том случае, если оно помогало усовершенствовать какие-нибудь механизмы. Любимым его занятием было строить что-либо своими собственными руками. До стихов и природы ему не было решительно никакого дела.

Полной противоположностью им обоим был Гога Шереметьев. Больше всего на свете он любил математику. О Гоге говорили, что на машины и всю технику он смотрел главным образом как на некий повод для построения формул. Гога был на редкость неразговорчивый человек. Но нужно было его видеть, когда речь заходила о математике: он преображался и, переходя на язык формул, становился красноречивым.

Трудно сказать, как завязалась между тремя столь различными по характеру юношами дружба, начавшаяся еще с первого курса. Ясно было одно: каждый из них видел в двух остальных какую-то особенность, недостающую у него самого. Широкий размах Корелина, практицизм Богдыханова и математические способности Гоги, соединенные воедино, представляли могучую силу. Скоро она нашла свое применение.

Началось с того, что три друга встретили в поле возле института ватагу учеников местного ремесленного училища. Ребята с шумом несли какое-то животное, пойманное в поле.

— Что вы тащите? — заинтересовался Корелин.

— Крота, — ответил маленький ремесленник Петя, державший животное в обнимку.

— Вот гадость! — заметил Богдыханов, присматриваясь к зверьку.

— Позвольте! — воскликнул Корелин. — Товарищи! Товарищи! Ведь это же идея! Посмотрите вот на эту парящую птицу, — продолжал он, указывая в небо. — Что она вам напоминает? А?

— Коршуна! — твердо заявил Богдыханов.

— Да нет, Коля, не то! Чудеснейшая идея!.. Замечательная идея!.. Вы только слушайте меня!

Корелин начал говорить, сильно жестикулируя и высоко подняв голову с развевающейся на ветру шевелюрой. Со стороны могло показаться, что он декламирует.

Затем все трое бросились догонять ремесленников.

Ребята отдали крота не сразу. Только убедившись, что с крота не собираются снимать шкуру, они вручили его студентам.

Вчера друзей постигла двойная неудача. Прежде всего неудачным оказалось первое объяснение с главным инженером. Затем пропал крот, оставленный в кабинете главинжа.

— Надо доставать второго, — предложил Корелин.

— Может, обойдемся, Саша? Главинжу и так можно все объяснить, — не совсем уверенно проговорил Богдыханов.

— Нет, нет, что ты! — возмутился Корелин. — Разве можно!

Гога поддержал Корелина кивком головы и неопределенным мычаньем.

Сразу же после завтрака, перед тем как отправиться в поле, друзья решили зайти за ремесленником Петей, из рук которого они получили крота. Мальчик, интересуясь судьбой животного, несколько раз заходил к студентам.

Вскоре друзей уже можно было видеть на одной из улиц маленького институтского поселка, залитого ярким весенним солнцем.

— Нам необходимо видеть Петю, — сказал Корелин, когда после непродолжительного стука приоткрылась входная дверь в маленьком одноэтажном домике.

— Может, зайдете? Прошу вас, — забеспокоился хозяин, пропуская гостей вперед.

Это был уже знакомый нам старик Панферыч, дедушка Пети.

— Убежал от нас твой крот, Петечка! — сказал Корелин, увидев мальчика, который чинно завтракал, сидя за столом. — Поймал бы ты для нас другого, а?

— Извиняюсь, — вмешался Панферыч. — Для какой надобности вам кроты? Я, например, старый охотник, так что меня это сильно интересует.

— Нам никак нельзя без кротов, — пробасил Богдыханов. — Хотим поставить их на службу науке.

— Ишь ты! — удивился Панферыч. — Резать, значит, будете? — Зачем резать! — продолжал Богдыханов. — Это раньше, изучая организм животного, естественно, приходилось его резать. А теперь наука располагает другими, более совершенными средствами.

— Такое дело... — протянул Панферыч, теребя бородку и недоверчиво посматривая на студентов.

Петя, не допив чай, сорвался с места и выскочил из комнаты.

— Товарищей позову! — крикнул он на ходу, скрываясь за дверью.

— Так-так... — продолжал Панферыч, жестом предлагая гостям садиться. — Мудрят теперь очень много, а оно, гляди, и впрямь получается на общую пользу. Иногда такое делают, что и не поймешь, для чего. Вот, например, позавчера... Идем мы, значит, ночью по коридору с главным инженером, товарищем Геворкяном. Все как будто в порядке. Только посмотрел я в окно — батюшки, изображение скелета через стекло виднеется!.. Может, слышали про эту историю? Так это я первый все обнаружил... И говорю товарищу Геворкяну: “Посмотрите, мол! Время, — говорю, — неурочное. В этой лаборатории в настоящее время пусто должно быть”. А товарищ Геворкян пожимает мне руку и говорит: “Спасибо тебе, Панферыч, что заметил. Не полагается тут никаким скелетам находиться. Не для того эта лаборатория существует... Безобразия!” говорит...

Если бы Панферыч был более наблюдательным, то он, наверное, заметил бы, с каким беспокойным вниманием слушают рассказ его гости.

— А еще что говорил главинж? — осторожно спросил Корелин.

— Да что говорил! — продолжал Панферыч. — “Не допускаю мысли, — говорит, — что это простое хулиганство. Пойдем, — говорит, — Панферыч, разобраться надо!” Подошли мы, значит, к лаборатории, в которой все это происходит, а она уже закрыта...

Дверь отворилась, и в комнату вошли несколько ремесленников, запыхавшихся и улыбающихся. Они притащили с собой лопаты и какие-то снасти, похожие на рыболовные.

— Ребята! — обратился к ним Корелин. — Нам для научных опытов опять нужен крот. Согласны ли вы поймать это животное?

— Согласны! — ответили ремесленники хором.

— А что с ним делать будете? Может, объясните? А то помогать неинтересно, — послышался пискливый голос.

— Это, ребята, тайна, — важно ответил Богдыханов. — Считайте, грубо ориентировочно, что мы хотим его приспособить для разведки подземных богатств.

— А потом покажете? — раздался другой голос.

— Обязательно, ребята! — заявил Корелин. — Айда! Выступаем в поход.

Участок пустующего поля, на котором, по уверению мальчиков, можно было поймать крота, находился совсем недалеко от поселка. Студенты и ватага ребят быстро подошли к нему, свернув в сторону от асфальтированного шоссе.

За время сравнительно краткого пути ремесленники уже успели основательно подружиться со своими спутниками. Им очень понравился Корелин, развлекавший их во время дороги рассказами о науке и декламацией стихов. Полюбился и Богдыханов, шутивший все время. Только один лишь Гога Шереметьев отпугивал ребят своей неразговорчивостью. Он, правда, пытался развлечь их тем, что предложил решить небольшую алгебраическую задачу, но эта попытка не увенчалась успехом. Задача оказалась необыкновенно сложной. Первым заметил норку крота Петя.

— Точно, крот! — кричал он.

Все остановились возле небольшого отверстия в земле, близ которого находилась небольшая кучка засохшей земли.

— Наверно, неглубоко ушел, — заметил кто-то из ребят: — мало земли вытащил на поверхность.

— Ну и чудак! — заволновался Петя. — Сразу видно, что ничего не понимаешь. Земли наверху всегда бывает одинаковое количество, хоть бы он ушел и на тысячу метров.

— А куда же он землю деваает? — не унимался ремесленник. — Ест, что ли?

Петя потупился и повернулся к Корелину, как бы ища у него защиты.

— Не ссорьтесь, ребята. Сейчас я вам все объясню, — весело проговорил Корелин, присаживаясь на корточки перед норкой. — Как вы знаете из естественной истории...

— Да зачем ты начинаешь с упоминания “естественной истории”? — перебил его Богдыханов. — Вот ты вечно так. И у главного инженера из-за этого опозорились... Говори проще! Распирает, мол, крот землю, да и все! Понимаете, ребята? Сначала грызет ее зубами, разрыхляет ее, превращает в порошок, а затем распирает лапами по сторонам. Как, вот, если палку пихать в сырую землю. Ведь тоже образуется дырка? А на поверхность кроту землю выбрасывать незачем, разве только в самом начале, немного, когда приступает к работе.

— Крот увеличивает коэффициент уплотнения земли вокруг своей норки, — заявил Гога, обращаясь к ремесленникам.

Ребята принялись за раскопки, звеня лопатами и весело болтая. Одновременно были расставлены дежурные у других норок, расположенных рядом, на тот случай, гели животное появится там.

— Дядя! А как все-таки вы приспособите кротов для разведки? — обратился к Корелину один из ремесленников.

— Позже, ребята, узнаете, — ответил он улыбаясь. — Давайте я лучше вам расскажу о жизни кротов. Может быть, вы и сами догадаетесь.

Корелин уселся на высокую кочку и начал говорить громко, стараясь, чтобы его слышали все:

— Вас интересует, чем питается крот? Пожалуйста, я вам расскажу. В основном — дождевыми червями. Как он может видеть под землей, где находятся черви? Ему совершенно не надо их видеть. Он их чует носом по запаху. У него удивительно тонкое обоняние! Вы представляете: на несколько метров под землей он чувствует запах червей! И вот он начинает проделывать свой ход. Вообще работа у него очень тяжелая. Сколько надо затратить усилий, чтобы двинуться под землей! Я могу вам сообщить, что крот должен съесть в сутки столько червей, сколько весит он сам... Чтобы добыть себе пищу, ему приходится проделывать ходы иногда длиной до сотни метров от своего подземного жилища.

— А я знаю, как вы приспособите крота для разведки! — перебил Корелина один из мальчиков. — Это вроде как собаки ищут на войне мины по запаху. Раз вы говорите, что у крота обоняние очень хорошее, так это так и будет...

— Не мешай! Потом будешь догадываться, — ответил Корелин. — Ты слушай дальше. Знаешь ли ты, как кроты дерутся?

— Царапаются лапами, — уверенно заметил тот же мальчик.

— Царапаются-то царапаются и даже грызутся, а вот где это происходит? — продолжал Корелин. — Представьте себе, под землей! Предположим, два крота решили подраться. И вот они начинают вместе выгрызать под землей круглое пространство, так сказать устраивают себе ринг. Когда работу закончат, отдохнут немного и начинают драться! А! Каково?

Вы думаете, что крот спит зимой, как некоторые животные? Ничего подобного, не спит! Охотится за червями, глубоко зарывшимися в землю. Правда, охотиться ему уже труднее. Но крот хитрый. Он на всякий случай, если, предположим, будет мало добычи, устраивает себе консервный завод. Лишних, пойманных летом, червей он прессует лапами в круглые шарики и хранит их всю зиму... Как видите, ребята, почти вся жизнь у крота проходит под землей.

Солнце уже поднялось высоко, и в воздухе стало душно. Многие ребята поснимали одежду и остались в одних трусах. Последовал их примеру и Корелин.

Однако, несмотря на то что вот уже третий раз ремесленники принимались за раскопки, найти крота не удавалось. Вымощенные сухой травой подземные жилища крота оказывались пустыми. Или он успевал уходить в один из своих бесчисленных подземных ходов, сложно расположенных вокруг, или ребята нападали на пустующие жилища. Наконец им, видимо, надоело это занятие, и они стали относиться к нему с прохладцем.

Студенты принялись копать сами, но тоже безрезультатно.

К обеду друзья возвращались домой усталые и недовольные. Недовольны были и ребята. Им искренне хотелось помочь, хотя они толком и не понимали, зачем все-таки нужен крот.

Вечером, когда уже была пора зажигать свет, студенты сидели у себя в комнате и совещались.

— В неудачное время приходим мы со своим предложением, — сказал Богдыханов, развалившись на кровати.

— Да, действительно, — согласился Корелин. — Сейчас институт будет занят целиком выполнением срочного задания по телевизионному буру. Эх, чорт... неужели придется ждать?

Когда стало совершенно темно, в дверь постучали. Пришел Петя с товарищами. Они сообщили, что повторные поиски крота также оказались неудачными. Вскоре снова послышался стук, на этот раз громкий и уверенный.

— Вы что тут, в жмурки играете? — раздался басистый голос. — О, да тут, кажется, целое собрание! Все узнали по голосу Батю.

Он был не один. Вместе с ним в комнату вошел еще кто-то

— Можете не зажигать свет, раз вам нравится сидеть в темноте, — продолжал Батя. — Так даже уютнее... Ну, товарищи изобретатели-естествоиспытатели, — заговорил он, поудобнее усаживаясь на стуле, предложенном Корелиным, — как ваши успехи? Много наловили кротов?

— Ни одного не поймали сегодня, — грустно ответил один из ремесленников. — Трудно ловить их... Вот, может быть, завтра, после учебы...

— Да-а... — произнес Батя. — Трудности всюду бывают. Без них ни одно дело не обходится... А сколько вам нужно кротов? Или, вернее, расскажите сначала, что вы задумали с ними делать.

— Григорий Тимофеевич! — взволнованно заговорил Корелин. — Мы подходим к вопросу с точки зрения естественной истории... Наше предложение связано с зоологией... и с точки зрения возможности...

Он сбился и замолчал. Этот юноша, хорошо владеющий языком, робел, когда дело касалось решительного объяснения.

— Не совсем ясно вы говорите, но кое-что мне уже понятно, — заметил Батя. — Так сколько кротов вам требуется на первое время?

— Григорий Тимофеевич! — вмешался Богдыханов. — Корелин когда говорит перед начальством, то очень волнуется и ничего толком объяснить не может. А так, обычно, говорит очень хорошо.

— Какое же я для вас начальство, товарищи! — тихо проговорил Батя. — Считайте меня тоже любителем природы и... всяких новых выдумок. Что вы собираетесь делать с кротами?

Корелин вскочил с места и принялся говорить с жаром. На этот раз его речь потекла плавно и связно. Говорил он уверенно и легко излагал свои мысли. Внимательно слушали его ремесленники. Они просто этого не ожидали. Не ожидал и Батя. Не наивная и беспомощная фантазия излагалась перед ним, а совершенно зрелая техническая идея.

— Как тебе это нравится? — обратился Батя к своему спутнику.

— Здорово! — ответил тот. — Чего же вы раньше молчали? Вот странный народ!

По голосу узнали секретаря комсомольской организации института Семенова.

— Хорошо бы к главному инженеру пойти вместе! — предложил Корелин.

— Подождите, подождите... — сказал Батя. — Говорите, пойти к главному инженеру с этим предложением... Так... Одну минутку...

Батя задумался, а затем неожиданно для всех заявил решительно:

— Не выйдет! Ничего не выйдет... Сейчас с этим делом к главинжу итти нельзя. Вы знаете, что институт перегружен срочным заданием. Вот... А работать по этому делу тоже надо немедленно. Вот тут и сообразжайте...

— Товарищ Батя, разве наше предложение не имеет общегосударственного значения?

— А разве я возражаю? — спокойно сказал Батя. Послышалось чирканье спичкой и лицо Бати озарилось мигающим огоньком: он закуривал трубку.

— Товарищ Семенов, — снова раздался его голос, — какие у тебя будут предложения?

— Разрешите мне сказать, — обратился к присутствующим Петя, до сих пор тихо сидевший в углу.

— Ну-ка, давай. Интересно! — ответил Семенов.

— Мы вот тут слышали, что вначале нужно изготовить маленькую модель, так сказать для проверки... Так вот, мы, ученики ремесленного училища, беремся это сделать. Обязуемся все детали делать точно.

— Ну вот и чудесно! — воскликнул Семенов. — Замечательная инициатива! Комсомольцы придут на помощь, когда вам будет трудно справляться. Как, Григорий Тимофеевич?

— Правильно! Я так и ожидал. Модель-то ведь нужно построить, действительно, маленькую. Ребята справятся вполне. А вот когда будут первые результаты, тогда, я так думаю, весь институт переключится на это дело. К тому времени, наверное, с телебуром уже все будет кончено... Конструкторы вам нужны для помощи или расчетчики?

— Расчетчик?... Гм... а я? — пробурчал Гога.

— Все замечательно у нас складывается! — продолжал Батя. — Только у меня будет к вам маленькая просьба. Главного инженера на это дело, как я уже говорил, отвлекать сейчас не следует. Так что давайте все делать пока секретно... Ты договорись по этому поводу, товарищ Семенов, с начальником ремесленного училища... Слышите, ребята? Язык за зубами держите! — закончил Батя, обращаясь к ремесленникам.

— Ваську еще привлечем, — тихо шептались ремесленники. — У него удар сильный... Если что надо будет клепать, так он ка-а-ак трахнет!

— Не надо Ваську, — слышался другой голос: — разболтает...

Никто не мог видеть в полумраке, как Батя развязал маленький мешочек и что-то вынул оттуда.

— Что это у вас тут лазит по ногам? — вдруг серьезно проговорил он. — Крысы, что ли...

Немедленно зажгли свет.

Удивленные студенты увидели своего крота, ползающего по полу.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ ГОСТЬ ИЗ-ПОД ЗЕМЛИ

Бурно кипела работа в институте. Главинж, осунувшийся от бессонных ночей, носился из цеха в цех, разговаривал с рабочими, всюду успевал пощупать собственными руками каждую только что родившуюся деталь. Приближалось окончание работы, которой он был поглощен всецело. Уже через несколько дней должны состояться первые испытания телевизионного турбобура.

Коллектив института работал превосходно. “Три мушкетера” проявили столько рвения, что Геворкян проникся к ним уважением.

Но ему не было известно, что рядом с институтскими корпусами, в местном ремесленном училище, кипела другая, не менее напряженная работа. Восемь учеников мастерили маленькую и совсем непримечательную на вид, но замысловатую машину. Неизвестно было главинжу и то, что как только кончался рабочий день в конструкторском бюро, “три мушкетера” появлялись в мастерских ремесленного училища. Вместе с учениками они работали над маленькой машиной.

Частенько можно было видеть в мастерских секретаря комсомольской организации института Семенова. Иногда на помощь к ремесленникам приходили молодые ребята-комсомольцы — опытные слесари и токари. Они переделывали детали, недостаточно точно сделанные ребятами, и обучали их сборке.

Официально эта работа числилась в номенклатуре ремесленного училища под словом “Кот”. Дело в том, что Корелин предложил назвать ее “Крот”, но Семенов запротестовал, так как это рассекречивало все дело. Пришлось из слова “Крот” выбросить букву “р”.

Когда любопытные спрашивали заведующего мастерскими, что такое “Кот” и для чего он изготавливается, то он обычно отвечал так:

— Чего же тут непонятного! Раз называется кот, то уж ясно, что это новый, усовершенствованный прибор для ловли мышей. Мышеловка, одним словом...

Любопытствующие качали головами и скептически улыбались. Трудно было поверить, что изготавливаемая модель предназначалась для уничтожения грызунов.

Действительно, стоило только посмотреть на маленькую машину, чтобы окончательно убедиться в этом. Стальной цилиндр длиной около полуметра был окружен спиральной трубой. Впереди цилиндра, у его части, суживающейся на конус, торчал ряд острых резцов, напоминающих зубы какого-то животного. Сзади цилиндра располагались пластинки, похожие на плавники рыбы. В центральной части механизма находился электромотор. Для подачи электроэнергии внутри механизма была укреплена катушка с проводом. Многие видели, как из машины ребята часто вытягивали очень длинный шнур перед тем, как присоединить его к аккумулятору.

Маленькая машина, строившаяся по чертежам, разработанным студентами, без конца переделывалась и видоизменялась в процессе работы.

С некоторых пор, особенно по выходным дням, студенты вместе с ребятами стали вывозить свою машину в поле. Обычно они возвращались страшно перепачканные землей, но веселые и довольные.

Были дни, когда на всех участников строительства непонятной машины нападало унылое настроение. Тогда неизменно среди них появлялся Батя. Он ободрял и успокаивал юных строителей “Кота”.

— Не торопитесь особенно, — говорил он им. — Необязательно, чтобы ваша машина была готова именно к началу испытания телевизионного бура. Не беда, если она будет готова и позже.

Но строители “Кота” не хотели соглашаться с Батей. Они клялись, что во что бы то ни стало закончат постройку машины именно к началу испытания телевизионного бура. На этот счет у них был задуман свой план...

Наконец, наступил долгожданный и торжественный для всего института день.

С самого утра на испытательной площадке, расположенной недалеко от института, закипела подготовительная работа. Устанавливались разборные металлические сооружения. В широкой походной палатке монтировалась аппаратура.

К середине дня площадка стала наполняться народом.

Сотрудники института приходили празднично разодетые. Только лишь один главинж, метавшийся по площадке, был хотя и в новом костюме, но изрядно измятом и перепачканном машинным маслом. Судя по тому, как он громко кричал, отдавая приказания, можно было думать, что он находится в прекрасном расположении духа.

При входе на испытательную площадку, огороженную высоким дощатым забором, стоял вахтер Панфёрыч и проверял пропуск.

— Праздник нынче большой! — обратился он к проходившему мимо Корелину. — Как у вас там, все будет исправно?

— Все, дедушка, будет в порядке, — буркнул Корелин.

Он был необычайно чем-то озабочен.

Затем Панферыч, к своему удивлению, увидел что Корелин о чем-то разговаривает с его внуком Петей недалеко от проходной будки. Увидел он также, как Петя вскоре бросился бежать со всех ног и скрылся за ближайшим холмом, покрытым мелким зеленым кустарником.

Еще больше удивился Панферыч, когда услышал, как Батя, подойдя к проходной, повидимому специально для того, чтобы встретить возвращавшегося Корелина, тихо спросил:

— О сигнале условились?

— Да. Петя — связным, — ответил Корелин еще тише, оглядываясь по сторонам.

Последние приготовления подходили к концу.

Металлическая конструкция, расположенная посредине площадки, отражавшая своими никелированными деталями бесчисленные солнечные блики, уже слабо дрожала от работающего мотора, издававшего глухое гуденье. Наконец после взмаха руки главинжа послышалось ворчанье турбобура.

Длинный стальной цилиндр стал быстро погружаться в землю. Рядом образовалась лужа воды. Это грязевой раствор, поступивший в турбобур под давлением, совершил свою работу — привел во вращение турбину и теперь, смачивая землю, выступает наружу.

Но не тем, как погружается бур, интересуется большинство собравшихся. Это все они видели неоднократно. Часть сотрудников столпились у палатки, завидуя тем, кто находится внутри. Там расположен телевизионный экран. На нем сейчас появится необычайное изображение. Радиолокационный прибор, заключенный в коробке турбобура, уже пронизывает землю радиоволнами. Отражаясь от толщи земли, они снова воспринимаются радиолокатором, и к телевизору поступают по проводам электрические сигналы, несущие на себе изображение подземного мира.

Из палатки уже слышится радостные возгласы:

— Глина! Вот вам глина... А теперь известняк! Вот справа...

Собравшиеся напевают к входу палатки.

— Арам Григорьевич, как работает дальномер? — кричит кто-то, стараясь проникнуть поближе к входу.

Всем становится ясно, что это конструктор, работавший над дальномером.

— Чорт бы вас забрал, всех телевизионщиков! — раздается чей-то голос. — Не могли сделать такой экран, чтобы всем было видно...

— А вы сами попробуйте! — откликается кто-то. — Ведь не так просто сделать экран большого размера!

Постепенно из палатки стали выходить сотрудники, с тем чтобы уступить место товарищам, еще не видевшим работу телевизора.

Бур уже погрузился на значительную глубину, и ворчанья машины, грызущей землю, не стало слышно. Только тихо продолжала журчать вода, выходящая из-под земли через просверленное отверстие и выносившая с собой частицы разрыхленной породы. Главинж сидел на стуле перед экраном и смотрел на него, как казалось некоторым, немного безучастным взглядом. Слишком большое напряжение пришлось перенести ему за последнее время. Испытание будет продолжаться долго. За это время телевизионный бур достигнет огромной глубины — около пяти километров. Но уже теперь было ясно, что работает он хорошо, и ожидать осложнений не приходилось. Главинж устало отвечал на поздравления и рукопожатия сотрудников.

— Подбодрись, Арам, еще немного осталось, — тихо говорил ему Батя. — Пойдем на воздух.

Появление главного инженера и Бати было встречено овацией всех сотрудников. Они окружили их с явным намерением качать.

Именно в этот момент старик Панферыч заметил вдали беспорядок. Самое возмутительное было то, что принимал в этом участие не кто иной, как его собственный внук.

Несколько ремесленников приблизились к забору, огораживающему испытательную площадку. Среди них был и Петя. Он подозрительно осматривался и, как показалось Панферычу, собирался залезть на забор.

Понимая, что его окрик все равно не достигнет цели, Панферыч, выйдя из своей будки, энергично погрозил кулаком и произнес при этом вполголоса: “И-я-а-а тебе!..”

— Обрати, Арам, внимание на шум под землей, — сказал Батя. — Слышишь?

Несмотря на многоголосый говор собравшихся, было отчетливо слышно, как из-под земли доносится своеобразное ворчанье. Оно постепенно увеличивалось и становилось все более отчетливым.

— Что это? — спросил главинж, обращаясь к присутствующим.

Все замерли.

Теперь ворчанье стало совсем отчетливым. Несколько человек, наклонясь поближе к земле, принялись искать место, откуда шум слышался громче всего. Оно оказалось почти рядом с палаткой.

Явление казалось всем совершенно необъяснимым. Люди окружили таинственное место плотным кольцом и разговаривали вполголоса, тераясь в догадках.

Между тем на телевизионном экране, находившемся в палатке, картина подземного мира становилась все более сказочной. Бур успел опуститься на значительную глубину.

Два геолога, приглашенных на первое испытание телевизионного бура, быстро записывали в блокноты свои наблюдения.

— Нельзя ли потише пустить вашу машину? — взмолился один из них, обращаясь к дежурному инженеру.

— Вот когда передадим бур вам на эксплуатацию, тогда и будете пускать его с любой скоростью, — ответил тот, вежливо улыбаясь. — Сейчас мы должны достичь наибольшей глубины в кратчайший срок. У нас такое задание. Надо же проверить машину!

Недовольные геологи принялись еще быстрее черкать карандашами.

Тем временем странный шум из-под земли становился все явственней. Наконец он стал слышен совсем близко.

— Земля приподымается, товарищи!.. — закричал кто-то, отступая немного назад.

А через несколько секунд зашевелилась земля, как бы вздымаясь под влиянием невидимой подземной силы. И вдруг на поверхности показались блестящие части какого-то механизма...

Как зачарованные, наблюдали люди появление из-под земли необыкновенного гостя.

Вскоре машина целиком выползла на поверхность и беспомощно, словно рыба, вынутая из воды, продолжала шевелить своими металлическими лопастями. Острые металлические зубы, расположенные впереди цилиндра, блестящего, как лемех плуга, только что бывший в работе, также продолжали вращаться. Машина ерзала по земле, натягивая при этом электрический провод, выходивший из образовавшейся норы.

— Ты понимаешь что-нибудь? — обратился к Бате главинж, хватая его за руку.

— Понимаю, — спокойно ответил Батя, отводя главинжу в сторону.

— Тогда объясни мне, пожалуйста, откуда? В чем дело?

— Все очень просто, — продолжал Батя. — Ты помнишь предложение трех практикантов? Они хотели применить для разведки крота. Ну, так вот он, крот! Только механический...

— Почему же мне ничего не было известно раньше? Батя, улыбаясь, взял главинжу за руку.

— Дорогой мой Арам, — продолжал он, — да разве можно было тебе сообщать о такой вещи! Ты бы увлекся немедленно, а это помешало бы тебе работать над телевизионным буром. Разве мы тебя не знаем! Ты же сам всегда говоришь, что работать нужно сосредоточенно, только над осуществлением одной идеи, не разбрасываться... Ну вот! Эту первую маленькую модель сделали ученики ремесленного училища. Теперь предстоит строить большую. Вот тут-то и нужен будет твой опыт, твоя энергия. Видишь, все получилось как раз вовремя...

Но Геворкян уже не слушал Батю. Усталость его сменилась бодростью и оживлением. Ярким блеском загорелись глаза. Он быстро подошел к механическому кроту и для того, чтобы его лучше рассмотреть, опустился перед ним на колени. Еще теснее сомкнулось кольцо изумленных зрителей. Главинж сразу же вспомнил странное

и путаное объяснение студентов, происходившее у него в кабинете. “Птицы парящие... Рыбы резвящиеся...” мелькнуло у него в голове. Теперь стало ясно, что хотели сказать студенты. Их предложение родилось из знания зоологии. Да, первый ли это случай? Нет, не первый. Действительно, Леонардо да-Винчи анатомировал голубей, чтобы изучить механизм их полета. Действительно, принцип погружения и всплывания подводной лодки позаимствован от рыб. Плавающий пузырь рыбы, меняющий ее удельный вес, имеется у подводной лодки и выполняет те же функции. Даже внешняя форма современной подводной лодки напоминает рыбу.

Нет, это не первый случай, когда природа подсказывает человеку решение технической задачи...

Геворкян вспомнил, как много лет назад изобретатель Игнатов придумал нож, который никогда не тупится. Автора даже нельзя было назвать изобретателем — он был просто зоолог. Его занимала проблема, почему у животных-грызунов не тупятся зубы и как они их точат. Оказалось, что зуб грызуна устроен особым образом. Он состоит из слоев различной крепости. Более крепкий слой находится в сердцевине и со всех сторон обложен слоями помягче. Быстрее срабатыва-

ются наружные, мягкие слои, а крепкая сердцевина все время возвышается над ними, как горный пик, и зуб всегда остается острым. Изобретатель сделал резец из слоев тончайшей стали. В середине он расположил самую крепкую сталь, а по бокам помягче. Таким образом, резец, находясь в работе, всегда бывает острым. Он тупится лишь тогда, когда лежит без дела.

И вот теперь перед ним машина, которая почти точно копирует работу крота под землей. Зубы, расположенные впереди, разрыхляют породу. Своим корпусом машина распирает землю по сторонам. Для движения вперед у машины, словно у крота, имеются “задние лапы”, которыми она упирается в землю.

Геворкян, опытный практик, сразу понял, какое огромное значение имеют для техники бурения земли новые принципы, примененные в машине. Ведь до сих пор все почти инструменты для проходки земли только разрыхляли, крошили ее. Затем разрыхленную породу приходилось удалять, подымать наверх при помощи самых различных приспособлений. Эта же машина распирает землю по бокам точно так, как это делает крот. Она может передвигаться свободно в толще мягкой земли. Это уже настоящая подземная лодка!

— Ур-ра-а-а-а! — слышались из-за забора звенящие голоса мальчиков.
А вслед за тем грозный и хриплый голос Панферыча:
— Подождите! И-и-я-а-а... вам!.. Ишь!..
— Это юные строители механического крота получили сообщение об удачном испытании своей машины, — заметил Батя. — Ну, Арам, правильно я поступил, что не отвлек тебя от строительства телебура?
— Согласен с тобой, правильно! — громко ответил главинж, приподымаясь с колен и крепко пожимая руку Бате. — Откуда они ее запустили?
— А вон из-за того холма, — ответил Батя, протягивая руку.
— Значит, она у них управлялась по проводам. Точно прицелились! Надо же так!.. — заметил кто-то из окружающих.
— Товарищи! — взволнованно обратился Геворкян к присутствующим. — Перед нами пример, говорящий о том, как неисчерпаемы наши возможности, когда люди проявляют инициативу и борются за ее осуществление. Вы знаете, как был перегружен наш институт работой над телевизионным буром. Строителей моделей не остановило это обстоятельство. Они использовали те мелкие ресурсы, о которых мы иногда забываем. Сейчас мы поздравим их... Где же они? — проговорил он растерянно.
— Авторов!.. Авторов!.. — взревела толпа.
Многие бросились разыскивать практикантов. Но они как будто провалились сквозь землю.
— Пойдем, пока их ищут, посмотрим, как работает телебур, — предложил Батя, беря своего взволнованного друга под руку.
В палатке, где находилась телевизионная установка, царила торжественная, напряженная тишина. Два геолога, впишись глазами в экран, казалось, кроме изображений, появляющихся на нем, ничего не замечали. Они продолжали быстро писать, лишь изредка обмениваясь отрывистыми фразами.
Рядом с ними на стульях уселись Геворкян и Батя.
Вдруг лицо главинжа резко изменилось.
— Посмотри... — прошептал он, обращаясь к Бате. — Что это значит? Нет, это очень знакомо...
— Тут виднеется скелет какого-то доисторического животного, находящегося в поле зрения телебура, — сухо заметил один из геологов.
— Ты понимаешь, в чем дело? — продолжал главинж, подсаживаясь поближе к Бате. — Помнишь, ночью я видел в шестой лаборатории... Ведь так и осталось невыясненным!

ГЛАВА ПЯТАЯ К ПОДВИГУ

Заседание комиссии на этот раз происходило в шестой лаборатории — лаборатории дефектоскопии.
Полукругом возле большого рентгеноскопического аппарата расположились члены комиссии и сотрудники института.
Обычно этот аппарат применялся в институте для того, чтобы просвечивать металлические детали или отливки. Таким способом обнаруживались раковины в толще металла или невидимые на глаз трещины. Но на этот раз мощная рентгеновская установка должна была совершить другую работу.
В длинном деревянном ящике, наполненном землей, двигался крот. Он проделывал в земле свой обычный ход, пробираясь к зарытому кусочку мяса. И вот на флюоресцирующем экране собравшиеся видят сильно увеличенный скелет крота. На смутном силуэте тела животного отчетливо выделяются двигающиеся кости и челюсти.
— Знакомая картина! — улыбаясь, говорит Геворкян, обращаясь к Бате. — Ловко вы тогда от меня скрыли все это!
— Да тут и скрывать было нечего, — отвечает Батя, поудобнее усаживаясь в кресло. — Практиканты проделали этот опыт ночью с разрешения начальника лаборатории. Они покинули лабораторию как раз перед твоим приходом. Затем, как ты знаешь, начальник уехал на следующий день в командировку. Кроме него, никто не знал. А затем я уже попросил его не тревожить тебя таким пустяком. Да ты и сам забыл про этот случай!
— Здорово было задумано! — продолжал главинж, обращаясь к одному из членов комиссии. — Вы только посмотрите! Ведь кости — это прямо готовые рычаги машин! Сразу видно, из чего исходить при конструировании. Да, в живом организме редко бывает что-либо лишнее...
Конструирование будущей “подземной лодки” вызвало горячие споры. Однако в основном намечалось два решения. Первое состояло в том, чтобы построить лодку наподобие уже изготовленной модели, управляемой по проводам телемеханически. Предлагалось снабдить ее радиолокационной установкой, уже успешно применяемой в телевизионном буре. Таким образом, с поверхности земли можно будет не только управлять лодкой, но и видеть все, что творится под землей.
По второму предложению предполагалось строить лодку, управляемую людьми, находящимися внутри нее. Конечно, радиолокационная установка тоже должна была находиться в лодке, чтобы люди могли видеть свой путь и производить геологическую разведку.

Сторонники последнего предложения ссылались на то, что изготовление телемеханически управляемого снаряда, работающего на большой глубине, очень сложно и отнимает много времени. Гораздо проще и скорее построить лодку, управляемую людьми.

Сторонники первого предложения соглашались, что постройка телемеханической лодки действительно потребует очень много времени, но указывали на большую опасность, которой будут подвергаться люди внутри лодки. Действительно, как спасать людей в случае, если лодка испортится под землей?

— Кто будет отвечать за жизнь первых путешественников? — волновался председательствующий главинж.

Однако его самого также смущали сроки изготовления лодки, управляемой по радио. Земля очень плохо проводит радиоволны. Достаточно ли четкие будут сигналы управления? Сколько еще придется проделывать опытов, чтобы получить надежные результаты? Что касается провода, тянущегося из лодки, как это было у маленькой модели, то тут было все ясно. Если применить толстый и надежный провод, то не хватит места в лодке, чтобы поместить катушку. Ведь для того, чтобы кабель не заклинивался в земле, он должен разматываться обязательно из лодки. А лодка должна путешествовать на десятки километров! Да потом, что это будет за лодка! Ведь она не сможет свободно передвигаться в подземных глубинах...

При голосовании мнение членов комиссии разделилось пополам. Даже после продолжительных дебатов ничто не изменилось.

— В нехорошее положение вы меня поставили, товарищи, — грустно проговорил Геворкян, — за мной решающий перевес... Выходит, что мне одному приходится решать этот вопрос. Это не по-товарищески, — закончил он, опускаясь на стул.

...Снова бессонные ночи проводит главинж.

— Люди... Автоматы... Сколько людей... — тихо бормочет он, расхаживая в темноте по своему кабинету.

Главинж выходит из кабинета, как всегда забывая закрыть за собой дверь. Через несколько минут он уже в комнате Бати.

— Затвори-ка дверь за собой, — встречает его Батя словами, ставшими обычными при его появлении.

— Я больше не могу, — говорит главинж, усаживаясь в кресло. — Давай решать вместе. Раз и навсегда. Люди или автоматы? А? Отвечай!

— Думай, Арам. Учти все, — отвечает ему Батя. — Только помни: людьми рисковать нельзя... На то у тебя и светлая голова, чтобы решить, можно ли построить совершенно надежно работающую машину. А может быть, лучше телемеханическую? Время терять тоже не следует. Такая машина нужна нашей стране как можно скорее...

— Ведь существуют же подводные лодки! — говорит Геворкян страстно, жестикулируя при этом руками. — Существуют! Люди в них плавают? Так в чем же дело? При современном высоком развитии техники возможность порчи подземного механизма в сотни раз меньше, чем у первых подводных лодок. Ты понимаешь? Главинж снова усаживается в кресло и начинает барабанить пальцами по столу.

— Все! — неожиданно сказал он, хлопнув при этом кулаком по столу. — Все! — повторил он поднимаясь. — Лодку строим, управляемую непосредственно людьми... Я сам поведу ее в первое подземное путешествие! — добавил он. — Сам! Один испытаю ее! И буду испытывать до тех пор один, пока не станет ясно, что она работает абсолютно надежно и совершенно безопасна для находящихся в ней пассажиров...

Батя подошел к своему другу и крепко пожал ему руку.

* * *

Спустя несколько месяцев после начала работ в механическом цехе находилось красивое и своеобразное металлическое сооружение.

Оно значительно отличалось от первой модели механического крота и больше походило на маленькую подводную лодку. Но тем не менее по принципу машина продолжала оставаться большим механическим кротом.

Как и в первой модели, впереди яйцевидного стального корпуса были расположены “зубы” — острый ряд резцов. Корпус обвивала стальная спираль, предназначенная для распираания и утрамбовывания по сторонам разрыхленной породы. Сзади находились “плавники” для движения и управления лодкой под землей.

Это была уже настоящая подземная лодка. Через люки, отвинчивающиеся в корпусе, в лодку будут садиться люди. Во время путешествия они будут находиться в уютной кабине. В их распоряжении — целый ряд замечательных приборов. Среди них и подземный радиолокатор, позволяющий путешественникам видеть впереди себя толщу земли.

Правда, не всюду позволит земля беспрепятственно бороздить свои недра этой машине. Существуют твердые каменные массивы, в которых лодка не в состоянии двигаться. Ей нужен сравнительно мягкий грунт, поддающийся уплотнению. Но и в этом случае подземно движущаяся машина представляет огромный интерес для геологической разведки. Твердые массивы и крупные камни, вкрапленные в мягкий грунт, подземная лодка сможет обходить так же, как подводная лодка обходит подводные рифы и камни.

Самым слабым местом в оборудовании лодки была аппаратура для связи с поверхностью земли. Как известно, радиоволны не распространяются в воде и земле достаточно далеко. Правда, на лодке устанавливался

очень мощный радиопередатчик, работающий на специальной волне (при которой радиосигналы лучше всего пронизывают землю), но полной гарантии это еще не давало. В земле могли встретиться пласты, которые будут работать как экран для радиоволн, и связь будет нарушена.

* * *

Усталыми, но счастливыми возвращались к себе домой с работы три неразлучных друга. Кроме конструкторской работы, они теперь непосредственно занимались монтажом подземной лодки. Вместе с главным инженером они проводили в кабине подземно движущейся машины целые часы, стараясь прощупать и проверить каждую деталь.

Вечерами к студентам часто заходил Петя вместе со своими товарищами, участниками первой работы над механическим кротом. Иногда вместе с Петей появлялся и старый Панферыч.

Как-то раз в один из таких вечеров зашел разговор о последнем событии, взволновавшем весь институт. Дело в том, что недавно телевизионный бур, продолжавший работать поочередно в разных местах, наконец обнаружил признаки нефти. Нефтеносный пласт появился как смутное изображение на телевизионном экране. Пласт был сравнительно далеко от скважины, и потому радиолокатор с трудом определял его настоящее местоположение. Решено было бурить другую скважину в надежде попасть на глубоко залегающий нефтеносный пласт или хотя бы к нему приблизиться.

Неожиданно в разговор вмешался Панферыч.

— Вот, не знаю, — начал он, — можно ли верить преданиям или нет, да только я хорошо помню, как мне рассказывал еще мой дедушка. Если вы знаете опушку леса на склоне горы в том месте, где заворачивает речка, так там раньше был вход в пещеру...

Ремесленники пододвинулись ближе к рассказчику в ожидании чего-то интересного. В уютной комнате, освещенной только светом настольной лампы, наступила тишина.

— Так вот, — продолжал Панферыч. — Глубокая была пещера. Идут по ней с факелами, а она опускается все ниже, ниже, как будто бы и конца у ней нет. Однако нашлись смельчаки и решили проникнуть в нее как можно глубже — дойти до упора, одним словом. Сказано — сделано. Запаслись провизией, взяли оружие, факелы и пошли...

— Сколько же человек их было? — нетерпеливо спросил кто-то.

— Да подожди, не мешай! — огрызнулся Панферыч. — Откуда я знаю! Не сказывал про это мне дед, да и все... Идут, одним словом, спускаются все ниже и ниже... Змеи тут, конечно, всякие и прочие гады, но они не смущаются. Идут, значит, дальше... Долго ли они шли или мало, мне тоже ничего не известно, да только выйдут они в большую пещеру... Высокая! Даже потолка не видно... Крикнули тут ребята: “Эге-ге-е-е-е!” Гром пошел по пещере продолжительный: большая она.

— Эх, значит, — опять не утерпел кто-то из ребят.

— Вот не буду рассказывать. Чего мешаете! — обиделся Панферыч.

— Продолжай, Панферыч... это так интересно! — забеспокоился Корелин.

— Да чего тут продолжать, — начал опять Панферыч. — Тут и продолжать особенно нечего... Идут дальше. Слышат какой-то запах, все увеличивается да увеличивается. Смотрят под ноги: батюшки, жидкость плескается под сапогами! Вода, что ли? Нет, не вода... уж очень пахнет неприятно. Вроде керосином отдает... Вот тут-то “это” самое и произошло. Как они выбрались живыми, так просто никому не понятно. — Рассказчик остановился и внимательно оглядел своих слушателей. — Ну, как вы думаете? — продолжал он. — Не нефть ли была под землей? По-моему, она самая, нефть. Наверное, ребята, по своему незнанию, подожгли ее факелами, ну вот она и вспыхнула...

— Не могла же она гореть без доступа воздуха, — скептически заметил Богдыханов.

— Почему не могла! — горячо вступился Корелин. — Ведь Панферыч говорит, что подземный грот был очень большою. Там ведь был запас кислорода, раз люди могли дышать. Надо обязательно разыскать вход в пещеру!

— Не найдете! — уверенно заявил Панферыч. — Уже искали. Когда я еще был мальчишкой, все следы исчезли. Как вы ее найдете? Завалилась! Во время подземного пожара завалилась... Да-а-а... — продолжал Панферыч через некоторое время. — Двух человек из тех, что спускались под землю, так и недосчитались. Под землей остались, значит...

* * *

Последние приготовления уже подходили к концу.

На испытательной площадке возле подземной лодки, уже упиравшейся своим носом в землю и потому стоявшей немного наклонно, хлопотали люди.

Богдыханов, ответственный за снаряжение лодки, проверял каждую мелочь, то и дело залезая в открытый овальный люк.

Особенно тщательно занимался Богдыханов проверкой аккумуляторов, в которых хранился запас электроэнергии, необходимый для движения лодки. Это были новые, совсем недавно разработанные советскими учеными, необыкновенные аккумуляторы, в которых, несмотря на их маленький объем, запасалось огромное

количество энергии. В эксплуатации они показали себя с самой лучшей стороны. Но под землю, да еще при таких необычных условиях, они опускались впервые.

Завтра рано утром на площадку соберутся все сотрудники института, чтобы проводить своего главного инженера в первое рискованное испытание. Некоторые считали это испытание настолько опасным, что приходили прощаться с научным руководителем института как с человеком, наполовину “приговоренным к смерти”.

Действительно, опыт с машиной подобного рода, отправляющейся с человеком под землю, на глубину многих километров, был первым в истории техники.

* * *

Вечер накануне испытания три Друга провели в квартире главного инженера. Поведение студентов после их возвращения к себе домой стало несколько необычным.

— Гога, милый, — говорил Корелин, стараясь обнять

Шереметьева, — отчего ты такой грустный? Мне бы хотелось видеть тебя веселым. Ты понимаешь, вот я смотрю на тебя, и почему-то мне вспоминается, как мы впервые познакомились с тобой на первом курсе... Хорошее было время!

— Ты тоже немного грустный, — говорил Богдыханов, обращаясь к Корелину. — Эх, товарищи!.. Много хорошего нам пришлось пережить вместе. Жалко будет, если...

Что именно “если”, Богдыханов не договорил. Да его и никто не спрашивал. Каждый был занят какой-то своей неотвязчивой мыслью. Друзья проявляли друг к другу совсем необычные для них нелепости.

— Вы меня простите, товарищи, — наконец заявил Корелин: — мне нужно отлучиться на часок. Не дожидайтесь меня и ложитесь спать.

Корелин внимательно посмотрел на своих друзей и вышел из комнаты.

Богдыханов, проводив его печальным взглядом, уселся за стол и принялся писать письмо, изредка поглядывая на молчаливого Гогу, сидящего на диване.

В это время Корелин уже шагал в темноте по направлению к испытательной площадке.

В проходной будке он встретил дежурившего Панферыча. Корелин объяснил ему, что забыл проверить в лодке какую-то мелочь и не желает откладывать это дело до утра. При этом он тут же попросил у Панферыча листок бумаги и конверт.

“Дорогие товарищи! — писал Корелин, сидя в проходной будке. — Я решился на этот шаг, чтобы избавить Арама Григорьевича от риска. Прошу не считать мой поступок за высокий и героический. Он продиктован мне только моей совестью. Ваш Александр Корелин”.

Затем Корелин запечатал конверт и попросил Панферыча передать его рано утром, когда кончится дежурство, в канцелярию института. Неожиданно он обнял Панферыча и поцеловал его в щеку.

— Чего это с тобой? — удивился Панферыч.

Но Корелин ничего не ответил и скрылся за дверью.

Через несколько минут в проходной появился Богдыханов. Щурясь от яркого света лампы, он принялся перечитывать письмо, написанное им дома:

“Товарищи! Зачем главному инженеру рисковать жизнью! Это было бы неверно. Надеюсь провести испытание хорошо. До скорого свидания! Н.Богдыханов”.

— Забыл посмотреть одну вещь, — объяснил он Панферычу, передавая конверт. — Отдашь в канцелярию после дежурства.

“Волнуются ребята, — решил Панферыч, вспоминая о предстоящем испытании. — Это хорошо. И на них ответственность лежит большая...”

Однако когда в проходной появился Шереметьев и стал предлагать ему для передачи письмо, то в голове Панферыча зародилось смутное подозрение.

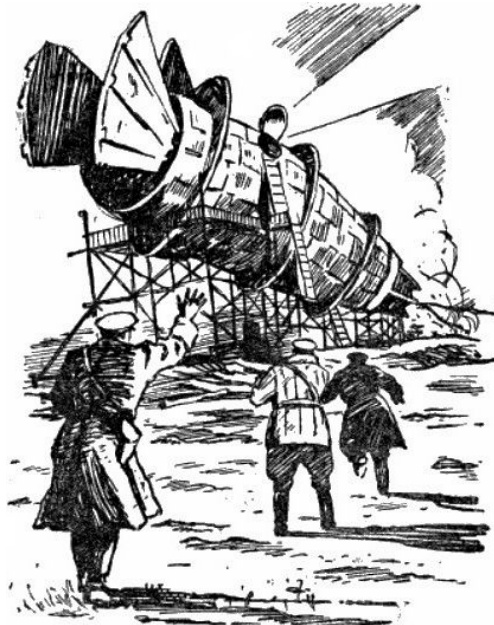
“С одной стороны, студенты строили и собирали лодку, — думал Панферыч. — Допуск у них имеется на площадку для любого времени... Препятствовать их входу не имею права... А вдруг они собираются сами уехать вместо главного инженера? Надо на всякий случай пойти посмотреть”, решил он через некоторое время.

Панферыч окликнул других вахтеров и направился с ними на площадку.

Но было уже поздно.

Когда они приближались к черной громаде лодки, яркий пучок света становился все меньше и меньше. Наконец он исчез совсем.

Это окончательно закрылся люк. Затем сразу послышалось глухое ворчанье мотора, и подбегающих людей обдал вихрь пыли и комьев сырой земли.

ГЛАВА ШЕСТАЯ ДВЕ ЗЕМЛИ

Глухое монотонное жужжание наполняло кабину подземной лодки. Изредка корпус вздрагивал и слышался скрежет металла. Это острые стальные резцы, вгрызающиеся в землю, попадали на мелкие камни. Иногда эти камни терлись о наружные стенки, и в кабине слышался далекий протяжный визг.

Внутренность лодки была слабо освещена маленькими электрическими лампочками, вделанными в стены. Они озаряли мягким, рассеянным светом небольшое немного овальное помещение.

Первые несколько минут путешествия под землей друзья не разговаривали совершенно. По-видимому, каждый считал себя в чем-то виноватым перед остальными. Действительно, ведь каждый из них в отдельности намеревался уехать один...

Кабина была рассчитана на двух путешественников (хотя лодкой мог свободно управлять и один человек). Присутствие третьего создавало в помещении значительную тесноту. Поэтому Гоге, попавшему в лодку последним, пришлось расположиться на аккумуляторных ящиках в почти согнутом положении.

— Надо включить радиоприемник, — наконец сухо проговорил Богдыханов.

Но Корелин, сидевший за управлением, ничего не ответил. Он боялся разговора с “поверхностью”. Он представлял тот переполох, который наверное царит “там”. Уже давно летят вниз, под землю, бешеные радиосигналы с призывом вернуться. Что он на них будет отвечать? Неужели действительно возвращаться? Нет, это теперь невозможно. Еще подумают, что они трусили...

Корелин молча передал Богдыханову толстую тетрадь, лежавшую перед ним, и знаком предложил вести записи.

— Надо прорадиировать, что у нас все благополучно, — предложил Гога.

С этим Корелин сразу же согласился, и через несколько секунд на поверхность земли была направлена короткая радиোগрамма: “Все благополучно”.

Такие радиোগраммы стали посылаться затем уже через определенные промежутки времени.

* * *

Медленно плывут перед экраном странные пейзажи. Сменяются причудливые геологические наслоения. Изредка лодка натывается на крупные камни, и тогда глухим ударом сотрясается весь корпус.

Согласно геологическому прогнозу, мягкая порода, в которой лодка может передвигаться свободно, должна простираться на значительную глубину. Но неожиданно на экране появляется темная завеса — массив мелкокристаллического гранита. Корелин в надежде найти проход направляет луч радиолокатора вниз. Но стена уходит слишком глубоко. Приходится опускаться параллельно гранитной преграде.

Быстро течет время. Занятые наблюдениями, путешественники не ощущают его. Корелин с удивлением замечает, что они находятся под землей уже более четырех часов.

— Надо послушать, что говорит земля, — решительно заявляет Богдыханов.

Это была первая фраза, произнесенная громко. Никто не заметил, как Богдыханов, по-видимому бессознательно, назвал поверхность “землей”. Видно, крепко сидит в сознании людей уверенность, что со словом “земля” связано представление об ее поверхности. Никому не пришло в голову, что они сами находятся в “земле”, и теперь уже на значительной глубине. Корелин включил радиоприемник.

“...вам запятая желаем успеха точка”, послышалось из трубки попискивание морзянки, и на этом передача прервалась.

— Нам желают успеха! — радостно закричал Корелин. — Все в порядке, товарищи!

На экране появился просвет. Впереди уже было легко проходимое лодкой отложение известняка.

Однако радость друзей была кратковременна. Все чаще и чаще стали попадаться по пути тонкие мраморные жилки.

— Наверное, будет базальт, — угрюмо заметил Корелин. — Мрамор образовался при нагревании базальта с известняком во время вулканического периода.

И действительно, скоро волнистая стена базальта появилась впереди лодки. Однако она не преграждала путь полностью — кое-где в различных местах виднелись ущелья известняка.

— Попробуем пробраться через ущелье, — предложил Богдыханов. — Ведь надо же испытать лодку как следует

— Уг-гу-у... — подтвердил Гога.

Лодка, вздрагивая от столкновения с твердыми жилами, углубилась в узкий проход.

В кабине заметно увеличивался шум. Твердые каменные стены сильнее отражали звук, и даже без радиолокационного прибора можно было легко угадать, что лодка движется в ущелье. Так пассажиры поезда даже с закрытыми глазами узнают о проезде в тоннеле.

Все уже становится ущелье. Все чаще и чаще трутся борта лодки о каменные стены.

— Надо вернуться, — успел произнести Гога именно в тот момент, когда послышался пронзительный скрипящий звук.

Лодка остановилась, зажата в каменных тисках.

* * *

В кабинет главного инженера почти бегом входит радист.

— Плохи дела, Арам Григорьевич... — говорит он еще на ходу.

— Что-о-о?

— Сигналы стали еле слышны... Последнее, что мне удалось разобрать: "...зажаты... скале... координаты..." И это все...

Геворкян медленно приподымается из-за стола и твердой походкой направляется к выходу. Он тщательно прикрывает за собой дверь кабинета.

* * *

Затихло жужжание мотора, и в кабине подземной лодки наступила напряженная тишина.

Корелин включает радиоприемник и начинает настраиваться. Он внимательно прислушивается. Лицо его становится бледным от напряжения, на широком лбу выступают капельки пота.

Но все усилия были напрасны. До лодки теперь достигали лишь необыкновенно слабые, совершенно неразборчивые сигналы. Одно время Корелину казалось, что он разобрал несколько слов, но еле слышимое попискивание морзянки вскоре совсем потонуло среди монотонного шипения радиоприемника.

— Всё, товарищи... нас не слышат, — совсем тихо проговорил Корелин, снимая наушники.

— Может быть, мы их не слышим, а они нас слышат? — осторожно заметил Богдыханов.

— Гм-м... — произнес Гога таким тоном, из которого следовало, что этого не может быть.

Снова включается мотор, и кабина наполняется гулом. Судорожно дергается лодка, своим корпусом пытаясь вырваться из каменных объятий. Бесконечно долгим кажется это время. Хрустящим треском отдается в кабине борьба крепчайшей стали с камнем.

Останавливается мотор.

По предложению Гоги, отвинчиваются маленькие люки, предназначенные для взятия проб. В кабину врывается едкая известковая пыль, нагретая трением стенок.

В отверстие выставляются перфораторы — отбойные электрические молотки. Кабина наполняется оглушительным пулеметным треском. В мелкий щебень и пыль постепенно превращается твердая стена, зажавшая лодку.

Снова завинчиваются люки, и лодка начинает дрожать от вращения мотора, работающего на полных оборотах.

— Паники не должно быть, — тихо, но твердо говорит главинж, обращаясь к собравшимся. — Мы спасем их при любых обстоятельствах. Давайте рассуждать просто!.. Запасов провизии и воды у них хватит надолго. Кислород тоже в избытке. Значит... — Он делает паузу и внимательно смотрит на присутствующих. — Значит, нам остается точно установить — я повторяю: точно — их местонахождение. А дальше скоростной турбобур сделает свое дело.

— А потом что? — беспокоится кто-то.

— Прежде всего, через отверстие мы сможем им подавать провизию и кислород. И это будет продолжаться до тех пор, пока отверстие не будет расширено до нужной величины. Я имею в виду широко радиусный бур, продельвающий отверстие в полтора метра диаметром... Только бы уточнить местоположение! Местоположение! — закончил он, делая ударение на последнем слове.

Наблюдение через радиолокационный экран говорило о том, что впереди лодки было пространство, совершенно свободное от твердой породы. Следовательно, лодке нужно было вырваться вперед. Никто и не думал о возвращении назад через узкое ущелье, чуть было не ставшее могилой для первых подземных путешественников.

— По-моему, лодка выдержала самое тяжелое испытание, — весело говорил Корелин, когда они уже двигались в мягком, глинистом грунте. — Прочная машина...

— Подожди еще, — мрачно заметил Богдыханов. — Судить будем, когда выйдем на поверхность. Хотя, впрочем, я с тобой согласен: такой проверки не придумаешь и нарочно.

Корелин снова занялся радиоприемником. Он долго настраивался, тщательно вслушиваясь в наушники.

— Ничего не слышно, — наконец проговорил он тихо. — Надо возвращаться, ребята...

После небольшого совета решили возвращаться на поверхность с заходом в то место, где проходил телевизионный турбобур. Ведь можно будет исследовать заодно участок под землей, где предполагалось нахождение нефти.

Лодка взяла соответствующий курс и начала быстро двигаться в сравнительно мягком и удобном для передвижения грунте.

Изредка Корелин включал радиопередатчик и выстукивал на ключе стандартную фразу: "Все благополучно". Однако никакого ответа с "земли" так и не было.

Но что это виднеется впереди? Картина всем немного знакома. Друзья вспоминают свои первые опыты с кротом, когда его приходилось просвечивать на рентгеновском аппарате. Да, это кости. Только не маленькие, как у крота. Перед ними проплывает мимо огромный скелет какого-то доисторического животного.

Вскоре скелеты стали попадаться все чаще и чаще. Лодке пришлось проходить через целое доисторическое кладбище. Стало слышно, как хрустят окаменелые кости под стальными зубами механического крота.

— Нефть должна быть близко! — торжественно заявил Корелин. — Остатки животных очень часто сопутствуют богатым нефтяным месторождениям.

— Еще бы! — заметил Гога. — Нефть ведь и произошла от гниения животных. Это еще не вполне доказано, но в общем, конечно...

Вот уже виднеется труба телебура, испытание которого продолжалось в различных местах и по сие время. Труба вырисовывается на экране в виде строго прямой вертикальной линии.

Лодка огибает трубу, рыская по прилегающим пластам. Но поиски безрезультатны. Все шире делаются круги, описываемые лодкой. Уже на экране радиолокатора не видно трубы турбобура. Лодка удалилась от него на слишком большое расстояние.

Корелин заметил, что по направлению к северо-западу от буровой скважины скелеты животных встречаются чаще всего.

— Нефть надо искать в этом направлении, — уверенно заявил он, налегая на рулевое управление.

Снова слышатся звуки перемалываемых костей. Вновь лодка попадает на доисторическое кладбище.

* * *

Первым заметил признаки нефти Богдыханов. Он увидел, что в левом углу на экране появилось странное очертание. Это мог быть лишь нефтеносный песчаный слой.

— Нефть!.. — закричал он радостно. — Александр, Поворачивай!

Но радость их была охлаждена коротким и скептическим замечанием Гоги.

— Посмотри на дальномер, — буркнул он, указывая рукой на никелированный прибор, установленный на стене.

Действительно, до видневшегося впереди нефтеносного пласта было очень далеко. Так вот почему так безуспешно проходит бурение! Надо было сверлить скважину значительно южнее того места, где она находится в настоящее время.

— Мы проверили еще одно преимущество подземной Лодки перед бурильными инструментами! — радостно проговорил Корелин. — Смотрите, как просто тут можно разбираться в подземной обстановке!

— Давайте соединим месторождение с существующей бурильной скважиной, — спокойно проговорил Гога. — Грунт подходящий. В нем после прохода лодки остается широкий канал.

Это предложение было встречено громким “ура”, глухо прозвучавшим в маленькой овальной кабине.

Друзья представили радость людей, находящихся там, на поверхности. Когда они увидят, как из скважины начнет выступать нефть. Может быть, она даже забьет фонтаном... Новые, многие тонны черного золота, так необходимые стране...

— Но надо сначала проверить, хватит ли нам энергии в аккумуляторах, чтобы выбраться на землю, — спохватившись, проговорил Богдыханов.

Корелин остановил лодку, и в полной тишине друзья принялись производить расчеты и измерения.

— Не густо... — грустно проговорил Богдыханов, когда Гога закончил свои подсчеты на листке бумаги. — Только-только... Может, не стоит рисковать? Действительно, месторождение находилось сравнительно далеко. Еще не совсем ясна была картина, какие именно препятствия могут встретиться на пути лодке. Но желание “подать нефть наверх” было сильнее всего.

— Попробуем еще связаться с землей, — сказал Корелин и принялся настраивать радиопередатчик.

Послышался дробный стук телеграфного ключа. Затем последовало напряженное ожидание. Но, кроме мелодичного звона ламп, ничего не было слышно.

— Рисуем, товарищи? — громко спросил Корелин, снимая наушники.

— Да, — тихо ответил Богдыханов.

— Угу-гу, — так же тихо подтвердил Гога.

Огибая мелкие камни, лодка быстро пошла к нефтеносному пласту.

* * *

Путь оказался необыкновенно трудным.

Несколько раз машину приходилось возвращать назад, с тем чтобы обойти непреодолимые препятствия. Но самое неприятное случилось, когда лодка уткнулась носом в песчаный слой, пропитанный нефтью. Видно, черная жидкость хранилась в нем, как это обычно бывает, под огромным давлением. Нефть ринулась в проход, проделанный лодкой во время своего движения, и в кабине стало слышно, как хлопочет могучая струя, несущая в себе мелкие и крупные камни. Их барабанная дробь о стенки машины почти полностью заглушила шум мотора. Разговаривать стало трудно.

Лодку стало сильно качать, её поворачивало из стороны в сторону. Иногда она принимала совершенно вертикальное положение, и путешественники скатывались вниз, к хвосту.

С большим трудом удалось друзьям вывести свой подземный корабль из мощного подземного бурана. Но и обратный путь оказался не таким, как этого можно было ожидать. За лодкой следовал напор нефти. Он давил на хвост и делал управление весьма затруднительным. Только огромными усилиями друзьям удавалось спасти подземный корабль от столкновения с каменными массивами.

Когда лодка подошла к буровой скважине, ее несколько раз ударило о стальную трубу. Но дело уже было сделано: по свободному пространству между трубой и скважиной проходила нефть, подымаясь наверх.

Долго пришлось уходить от разбушевавшегося напора нефти. Лодка спасалась от него, разыскивая сыпучий грунт. Наконец послышался хруст размалываемого песка, и управление стало более легким. Песок засыпал проход, оставляемый лодкой, и подземная буря постепенно стала утихать.

Когда наконец лодка вышла в толщу “спокойной” земли, путешественники поняли, во что обошлось задуманное ими дело.

В аккумуляторах оставалось ничтожное количество электроэнергии. Она была израсходована на борьбу машины с разбушевавшейся подземной стихией.

Снова Корелин берется за радиоприемник. Снова лишь тихие трески и шорохи раздаются в наушниках. Не отвечает “земля”. И, надо думать, их также не слышат...

* * *

В кабинете главного инженера, превращенном в штаб спасательных работ, находилось много народу. То и дело входили новые люди, раздавались телефонные звонки.

Главинж, возглавивший спасательную экспедицию, тоже не сидел на месте. Он часто выходил из своего кабинета и лично проверял производящиеся работы.

Вот он вместе с Батей входит в помещение, где расположена радиостанция.— Есть что-либо новое?

Радист отрицательно качает головой. Батя надевает наушники и сосредоточенно вслушивается.

Глухо шумят радиолампы. Иногда слышится слабый треск далеких грозовых разрядов. И только совсем тихо, изредка прорываются какие-то очень слабые радиосигналы. Может быть, это с противоположного конца земли, огибая ее, пришли волны, схожие по длине с волнами передатчика лодки. А может быть, эти сигналы и принадлежат лодке. Но слишком они уж слабы, что-либо разобрать трудно...

Главинж и Батя садятся в машину и направляются в поле. Здесь организована акустическая слежка за шумами в толще земли. Несколько очень чувствительных микрофонов, глубоко зарытых в землю в самых различных местах, ловят малейшие шорохи, какие только порождает земля. Таким способом можно будет уловить шум, издаваемый лодкой, и даже определить ориентировочно ее местоположение. Но не слышно нигде характерного шума подземно движущейся машины. Микрофоны улавливают лишь звуки, родившиеся на поверхности. И чтобы уменьшить эти помехи, уже давно отдано распоряжение прекратить работу всех механических станков. Приостановлено и бурение во всех опытных скважинах. Даже люди стараются ходить тихо, на цыпочках.

Около полудня, когда в кабинете главинжа происходило очередное совещание участников спасательных работ, неожиданно в комнату вошел начальник институтской охраны.

— Появилась! Только что появилась! — проговорил он, задыхаясь от волнения.

Все присутствующие вскочили со своих мест.

— Где?! Где?! — послышались радостные возгласы.

— Из буровой скважины номер три... Только что появилась... Бурлит полным ходом!

Только теперь все поняли, что появилась не лодка, а нефть.

Случись такое событие в другое время, это был бы огромный праздник. Но теперь, когда под землей погибали люди, полученное сообщение прозвучало как-то обидно и не вовремя.

Вскоре всех сотрудников института взволновало еще одно очень странное обстоятельство. Оказывается, люди, дежурившие у скважины номер три, отчетливо услышали металлический стук: как будто кто-то колотил молотком о стальную трубу, глубоко опущенную в землю. Все знали, как хорошо распространяется звук по металлу. Быть может, это и были сигналы людей, погибающих под землей.

К скважине номер три был срочно доставлен чувствительный микрофон. Его присоединили к стальной трубе, опущенной в землю. Но ничего, кроме мощного рева просачивающейся нефти, в телефонные наушники не было слышно.

Поздно вечером кто-то робко постучал в дверь кабинета Бати. А затем на пороге появился смуглый и черноволосый мальчик — ученик ремесленного училища Петя. Его сопровождали товарищи.

— У нас есть предложение, — неуверенно проговорил Петя, переминаясь с ноги на ногу.

— Это насчет чего? — тихо спросил Батя, оглядывая мальчиков.

— Вот все мы радиолюбители, — продолжал Петя, теперь уже смело выступая вперед. — Мы понимаем, что чем выше антенна, тем всегда лучше слышно передачу. Так вот, мы и думаем: раз металлическая труба глубоко уходит в землю, так она и может служить антенной, чтобы, значит, радиосвязь поддерживать с лодкой... Труба, конечно, не выше, а ниже, но это в данном случае все равно — ближе находится к лодке...— Ишь ты, шустрые какие! — удивился Батя, быстро приподымаясь со своего места. — А ну-ка, пойдемте к радисту, что он на это скажет!

Через несколько минут Батя и мальчики входили в будку радиста.

— Вот тут ребята предлагают для улучшения связи с землей воспользоваться металлической трубой турбобура как антенной. Как вы думаете?

Вместо ответа радист, как-то остоленело посмотрев на мальчиков, бросился к большому металлическому ящику. Это была переносная радиостанция.

— Скорее! — закричал он на ходу. — Ребята, тащите за мной аккумуляторы! Скорее!

Радиоаппаратура была установлена на земле рядом со скважиной номер три. От нее потянулись провода, которые ремесленники торопливо прикручивали к толстой стальной трубе.

А еще через несколько минут из телефонных наушников слышались настолько громкие радиосигналы, что их было слышно на расстоянии нескольких шагов.

“...запас энергии кончается точка привет всем”.

— Ура! — закричал радист. — Связь установлена! Он уцепился за ключ и начал быстро выстукивать ответ.

“...Перехожу на прием”, — закончил радист свою передачу.

Но ответа не последовало. Молчала “земля”. Вместо морзянки слышался лишь громкий и монотонный треск.

— Здорово работает подземная антенна, — проговорил радист, немного хмурясь. — Даже помехи от электромотора в лодке слышны прекрасно. Но почему они не отвечают? Неужели выключили приемник?

Все тише и тише становился шум электромотора удаляющейся лодки.

* * *

Часа через три в штаб спасательных работ поступило новое, на этот раз совершенно загадочное сообщение. Звукометрическая станция, установленная для подслушивания шумов, доносившихся из-под земли, услышала какие-то странные звуки. Они напоминали удары кайл о мягкую землю.

Прибывшие на место Геворкян и Батя вскоре сами убедились в правильности этого сообщения. Далеко под землей действительно производились какие-то непонятные работы.

* * *

Почему именно Корелин выбрал направление для движения лодки на северо-запад, для остальных оставалось долго загадкой. Но, в конечном итоге, было совершенно безразлично, в каком направлении двигаться. Лодка не могла подниматься вверх совершенно вертикально. Она должна была постепенно “набирать высоту” — так же, как это делают самолеты.

Все попытки связаться с землей по радио оказывались безрезультатными. Корелин протелеграфировал последний раз о местонахождении лодки, о том, что у них кончился запас электроэнергии, и решил больше не включать аппарат. Именно поэтому он не знал, что его последние слова радиограммы были прекрасно услышаны на поверхности.

Было ясно, что все равно не хватит электроэнергии, чтобы добраться до поверхности. Но оставаться на месте было также нелепо. И вот подземно движущаяся машина тронулась в направлении, выбранном Корелиным.

Чем же руководился Корелин, очень твердо настаивая на движении лодки именно на северо-запад? Он внимательно изучал подземную карту, составленную для путешествия. Правда, карта была неполная, на ней оставалось много так называемых “белых мест”. И вот он требует направить лодку именно к одному из таких не отмеченных на карте пространств. Может быть там встретятся непроходимые каменные массивы. Может быть, они столкнутся с сыпучей почвой, в которой движение лодки будет очень затруднено. Но Корелин настаивал на своем.

И только после нескольких часов пути товарищи поняли, чем именно руководствовался Корелин. На телевизионном экране они увидели впереди лодки огромное пустое пространство...

— Подземный грот! — радостно закричал Корелин. — Вот он!

Тут только друзья вспомнили о легенде, рассказанной им Панферычем.

Так вот в чем дело! Их товарищ, любитель природы, поэзии и народных преданий, и на этот раз, может быть случайно, но все-таки оказался прав. Они приближались к большому пустому пространству под землей.

— Есть тут чем дышать или нечем? — глухо проговорил Богдыханов, отвинчивая люк, после того как лодка высунула свой нос в пустое пространство.

Вслед за этим в лодку проник спертый, удушливый воздух.

Богдыханов высунулся из люка и осветил подземелье электрическим фонариком.

Внизу — хаос каменных глыб, свалившихся с потолка. Черные стены мрачно высятся и замыкаются дугообразной аркой, с которой свисают вот-вот готовые оторваться камни. Сыростью и холодом веет от этого огромного подземелья.

— Выход должен быть! — уверенно говорит Корелин, усматривающий, в свою очередь, подземное царство. — Ведь легенда оправдывается! Мы раскопаем завал и выйдем...

Друзья принялись энергично готовиться к путешествию по подземелью. На веревке было спущено вниз все необходимое. И, наконец, один за другим они спустились сами.

Необъятны размеры грота. Свет электрического фонарика теряется в густой темноте. Но все-таки друзьям удастся обнаружить несколько пещер. Они внимательно осматривают каждую из них, карабкаясь по скользким и острым камням.

Вдруг луч фонарика неожиданно натывается на что-то белеющее среди темной породы.

— Скелет, — тихо говорит Гога, находящийся ближе всех от освещенного предмета, и его голос, отраженный тысячекратно от каменных стен, превращается в гулкое эхо.

Это действительно был человеческий скелет, лежавший у начала пещеры.

— Обратите внимание... — продолжает Корелин. — Вы видите, что он лежит головой внутрь пещеры? Человек бежал в нее, споткнулся и потому погиб от огня. Я думаю, что мы находимся на правильном пути. Идемте в эту пещеру.

Предположение Корелина подтвердилось. Минут через десять ходьбы друзья увидели еще один человеческий скелет.

Передвижение становилось с каждым шагом все более трудным. Проход начал круто подыматься кверху. Местами потолок опускался настолько низко, что приходилось становиться на четвереньки и даже ползти по земле. Но друзья не унывали.

Приблизительно через три часа непрерывного передвижения они достигли конца пещеры. По всему было ясно, что тут действительно произошел когда-то обвал. Богдыханов даже обнаружил полусгнившие ветки растений. Значит, поверхность была совсем недалеко.

Немного отдохнув, студенты принялись работать лопатами и кирками.

Именно этот стук и слышали на поверхности земли...

* * *

Огромная буровая машина, сверлящая в земле не узкое отверстие, а широкое, в несколько метров в диаметре, быстро сделала свое дело. Уже через час после начала работ в шахту спустились люди, а еще через несколько минут три подземных путешественника были подняты наверх.

К удивлению многих, они находились в прекрасном состоянии. Попад на свежий воздух, друзья еще более повеселели.

— Ну, товарищи, — обратился к ним Геворкян, обнимая по очереди каждого, — не буду утомлять вас вопросами. Скажите только: машина сломалась?

— Что вы, Арам Григорьевич! — ответил Корелин, вырываясь из бурных объятий главного инженера. — В полной исправности. Испытание выдержала замечательно. Находится в подземном гроте...

— Насчет грота не говорите, — перебил его Геворкян. — Мы так и решили, что вы именно попали в него. Панферыч рассказал про легенду и помог нам разыскать это место.

— Вот только связь подкачала, Арам Григорьевич, — продолжал Корелин, отряхиваясь от пыли. — Вы были правы, когда сомневались, могут ли пройти радиоволны через значительную толщу земли.

— Скажите, а как давно не пользовались вы радиоприемником? — вмешался радист.

Корелин задумчиво посмотрел на часы и назвал время, когда он отправил последнюю радиограмму.

— Эх, вы! — воскликнул после этого Геворкян. — Тут ваш закадычный друг Петя вместе со своими товарищами предложил такую штуку, что всем крупнейшим радиотехникам будет завидно... Теперь мы радиосвязью с подземными лодками будем обеспечены полностью, — закончил он, подтягивая за рукав к Корелину упирающегося смуглого мальчугана.

— Сердится на нас главный инженер? — тихо спросил Богдыханов, обнимаясь с Батей.

— Дело прошлое... — еще тише ответил Батя. — Ночью, когда вы отправились путешествовать, была получена телеграмма, запрещающая Геворкяну первому проводить испытание, а желающих, как вы знаете, было много...

* * *

В эту же ночь лодка, находившаяся в гроте, была снабжена свежезаряженными аккумуляторами и запасом кислорода. А наутро она вышла на поверхность земли в условленном месте при огромном стечении народа.

ИСТОРИЯ ОДНОГО ВЗРЫВА

— Хотите, расскажу вам одну историю? Можно сказать, необыкновенный случай, — как-то предложил лейтенант Воронов.

Это было в тот период, когда мы, работники исследовательского института, находились еще на казарменном положении. Перед тем как ложиться спать, мы часто собирались в маленькой уютной комнате, чтобы побеседовать на самые разнообразные темы.

— Ну что ж, давайте! — ответил я. — Только что-нибудь посмешнее.

Долговязый лейтенант, большой шутник и балагур, полез за портсигаром в карман и, стараясь быть серьезным, начал свой рассказ приблизительно так:

— Территорию научно-исследовательского института, к которому я был прикомандирован в начале войны, вы, может быть, знаете...

Так вот, вам только трудно будет себе представить, насколько уныло она выглядела после эвакуации. Всюду пусто. Валяется хлам. Полное впечатление разоренного гнезда.

Оборудование уже отправлено. Люди тоже уехали. Оставались временно только я и механик Петя Янин — простой такой парнишка и замечательный товарищ.

В то время мы уже не были сильно заняты. Упаковывали кое-какую мелочь, бродили по опустевшим корпусам, чтобы посмотреть, не осталось ли чего нужного, и ждали самолет для отправки. В общем, свободного времени у нас было много.

Появилась у Пети в то время одна забава, если так можно выразиться. Собственно, из-за нее все это и произошло...

Находился у нас неотправленным обыкновенный аппарат для записи звука на граммофонные пластинки. Сколько раз я говорил: “Петя, упаковывай аппарат в ящик. Придет неожиданно машина — удержишь ты меня с этим делом!” А он возражал, клялся, что не задержит, и продолжал свое.

Что же он с ним делал? Да очень простую вещь. Как только бывало услышит сигнал воздушной тревоги, так сразу микрофон вытаскивает на двор или высовывает в окно. Ну, а в это время, как вам известно, что обычно творится в атмосфере? Самолеты гудят, зенитки палят, бомбы воют и рвутся, можно сказать иногда даже очень близко от нас. А он сидит себе у прибора и все эти звуки записывает на пластинку.

Проделявал он это довольно часто.

“Хочу, — говорит, — оставить нашему потомству звуковую память об этих днях”. Вообще, конечно, вещь интересная! Но только уж очень надоел он мне с этим. Воздушных налетов в то время было много, и чуть ли не после каждого из них показывает мне Петя пластинку. Это такой прозрачный диск.

“Вот, — говорит, — замечательная звуковая картина запечатлелась, товарищ Воронов, Кто здесь не оставался, будет иметь полное представление. Хочешь прослушать?”

Ну, я обычно начинаю сердиться и опять напоминаю, чтобы аппарат был немедленно упакован.

Особенно же надоел он мне по вечерам, когда заставлял прослушать свою коллекцию на электрическом граммофоне, с большим, очень мощным репродуктором. Звук получался настолько громкий, что в комнате создавалось впечатление настоящей бомбежки.

Жили мы тогда в одной из комнат нижнего этажа корпуса “Б”. Это очень старинное здание с бесконечными узкими коридорами, в которых можно даже заблудиться.

Так вот, вся эта история начала разворачиваться на моих глазах именно там...

Рассказ лейтенанта о происшествии на территории известного научно-исследовательского института заинтересовал нас, хотя ничего необыкновенного в нем пока не было.

Мы пытались представить себе ленинградскую блокаду, пустующее здание института, расположенного на окраине города, и всю ту обстановку, о которой говорил Воронов.

Убедившись в достаточном внимании к своему рассказу, лейтенант явно приободрился.

— Как-то раз во время воздушной тревоги, днем, — продолжал он, — я находился в одной из комнат на втором этаже этого самого корпуса “Б” и смотрел в окно. Тревога, должен сказать, была какая-то несерьезная. Вообще, конечно, слышно было, как немецкий самолет гудит наверху своим характерным тоном. Но был он, возможно, очень высоко и из-за сплошной облачности не виден совсем. Зенитки молчат. Бомбы тоже не падают. В общем, не налет, а так себе, пустяк...

Вдруг, слышу, раздается издали громкий, но очень уж странный взрыв. Даже не знаю, можно ли это назвать взрывом.

Вообще различных взрывов и разрывов я слышал очень много. Все их хорошо знаю и отличаю друг от друга. А здесь что-то совершенно необычное: непрерывные раскаты с воем и очень резким свистом. Одновременно замечаю, что где-то у нас в здании зазвенели осколки стекол.

Должен сказать, что последнее обстоятельство меня даже расстроило. “С чего бы это? — думаю. — Фугасные бомбы падали совсем близко — и ни одного лопнувшего стекла во всем корпусе. А здесь — отдаленный взрыв, и вдруг лопнули...”

Только хотел я пойти посмотреть, где это произошло, как в поле моего зрения появилось нечто новое.

Представьте себе: полным ходом кувыркается сверху вниз германский самолет. Падает совсем недалеко от нас. Прекрасно видно, что это бомбардировщик “Юнкерс-88”. И понятно, отчего он свалился. От одного крыла у него осталось только воспоминание, или, точнее выражаясь, небольшой кусок. “Так, — думаю я, — значит, оторвали тебе крылышко. Ну что ж, туда тебе и дорога...”

Отошел я от окна немножко в сторону — на случай, если при падении взорвется бомбовый груз. Только нет, слышу, самолет упал тихо. Посмотрел я опять в окно. Вижу, лежит, голубчик, в поле. Народ уже к нему бежит, как полагается при таких обстоятельствах, и все такое прочее. “Тут, — думаю, — все протекает нормально. Пойду лучше посмотрю, где это у меня пострадали окна”.

Начал я ходить по комнатам и вижу, что всюду окна закрыты плотно и стекла в полной исправности. Так я мог бы искать еще долго, если бы не обратил внимания на то, что кое-где на полу валяются черепки от стеклянных матовых плафонов, прикрывавших электрические лампочки под потолком. Тут я вспомнил, что только что видел их совершенно целыми. “Как это они так сразу разлетелись?” думаю. При этом, представьте себе, непохоже, что они упали и от этого именно разбились. Кое-где на железной арматуре еще болтаются остатки, из чего можно заключить, что плафоны полопались наверху.

Я, конечно, плохо разбираюсь в тонких физических явлениях, но тем не менее должен вам сказать, что для меня было очевидно одно обстоятельство. Не должны были от взрыва лопнуть эти самые плафоны, раз оконные стекла в комнатах оказались целыми. Они ведь соприкасаются с наружным воздухом и даже служат ему преградой, поскольку окна закрыты.

“Удивительное дело, — думаю, — даже не верится что-то”.

Еще раз посмотрел: окна совершенно целы.

Я насчитал семь лопнувших плафонов в различных комнатах. Непонятным в этом деле казалось еще и то, что потрескались плафоны только определенной формы. Это такие плоские, с закругленными краями. А вот рядом шары висят как ни в чем не бывало.

Постоял я немного, подумал... и решил, что все это весьма забавно, но никакого серьезного значения, конечно, не имеет. Пошевелил осколки слегка сапогом, плюнул даже на них, затем потихонечку направляюсь вниз.

Прихожу в нашу комнату, где мы жили. Только открываю дверь, как — пожалуйста! Навстречу мне — Петя. Опять с новой граммофонной пластинкой!

“Вот, — говорит, — совершенно своеобразный взрыв записался”.

“Да ну тебя! — отвечаю. — Слышал я этот взрыв. У нас от него даже несколько плафонов лопнуло. А вот как немецкий самолет падал, ты, наверное, и не видел. Вот это было зрелище! Если бы ты не занимался своей дурацкой звукозаписью, тогда, может быть, тоже был бы свидетелем...”

В общем, начался наш обычный спор.

В этот день вечером мы занимались у себя в комнате самыми обыкновенными делами.

Освещение у нас было тогда довольно примитивное: в виде автомобильной фары с полуразряженным аккумулятором.

Конечно, при таком тусклом свете ничего замечательного не сделаешь. Приходилось ложиться поэтому очень рано.

Однако в этот вечер, представьте себе, как нарочно, спать совершенно не хотелось. Даже завидно мне стало, когда я услышал, как храпит Петя.

Ничего больше не оставалось, как только прислушиваться к громкому постукиванию “городского сердца” — ну, иначе говоря, метронома, — всегда раздававшемуся из уличных репродукторов, когда отсутствовала радиопередача.

Ох, уж это ленинградское сердце! Как хорошо оно мне запомнилось: можно сказать, на всю жизнь. Да и кто его не запомнил из тех, кто находился в то время в Ленинграде!

В обычное время, когда нет тревоги, постукивал этот метроном очень медленно. Когда же объявлялась воздушная тревога, сразу начинал колотиться быстрее, как бы предупреждая: “Не зевай!”

А тут еще эту тоскливую картину дополняет вой ветра. Дело, как вы знаете, было глубокой осенью. Вдруг мне показалось, что наверху кто-то ходит.

“В чем дело? — думаю. — Охраны у нас в этом корпусе нет никакой. Двери все заперты. Кто же, в таком случае, туда мог забраться?”

Прислушиваюсь... Опять подозрительный шорох.

“Э-э-э, — думаю я, — здесь что-то неладно. Придется пойти посмотреть...”

Поднимаюсь. Беру с собой наган. Начинаю подвигаться к дверям на цыпочках, помахивая руками для равновесия.

Иду по совершенно темному коридору. Только изредка, когда луна выйдет из облаков, на полу появляются квадратные светлые пятна от окон.

Зацепился за какой-то ящик. Гул пошел необыкновенный. Знаете, как это всегда бывает в пустых помещениях. Пришлось остановиться. Прислушиваюсь... Ничего не слышу, кроме собственного сопения, тоже отраженного многократно от стен и потому представляющегося мне сверхъестественно громким.

Через некоторое время вдали что-то звякнуло.

Ориентируясь на доносящиеся звуки шагов, постепенно добираюсь до второго этажа. Осторожно притаившись за углом коридора, вижу фигуру, на секунду появившуюся в лунном свете. Какой-то шупленький и сутулый субъект в черном пальто и роговых очках на носу. Кратковременный лунный проблеск не позволил мне рассмотреть его более детально.

Вижу: вошел в одну из комнат и там копошится.

Вы, конечно, прекрасно понимаете, что все это меня сильно заинтересовало. Кто такой? Что ему тут нужно?

Через некоторое время выходит...

Теперь для меня стало ясно, что он определенно что-то утащил. Замечаю: несет бережно в руках какой-то белый предмет, которого я не видал у него раньше.

“Ну, — думаю, — это тебе не удастся!..”

“Гражданин! Ни с места!” кричу я зычным голосом и бросаюсь вперед.

Он — от меня. Я — за ним.

Погоня, должен вам сказать, была очень своеобразная. Гул от топота наших ног стоял невероятный... Темно... Рук своих не видно; только изредка замечаю, как что-то черное мелькает перед окнами. Он — по лестнице вниз. Я — за ним. Расстояние между нами постепенно сокращается. Теперь я от него уже сравнительно близко.

В этот момент оба мы попадаем в длинную полосу лунного света. И мне удастся наконец рассмотреть предмет, находившийся у него в руках. Удивило это меня совершенно невероятно. Ну, как вы думаете, что это оказалось?

Лейтенант посмотрел на нас загадочно и принялся закуривать новую папиросу.

Никто не отвечал на его вопрос. Все с любопытством глядели на рассказчика, погруженного в облако табачного дыма. Не дождавшись ответа, лейтенант продолжал:

— “Удивительное дело, — думаю: — зачем ему это нужно? Почему бы не бросить? Ведь бежать-то ему весьма неудобно”.

К сожалению, долго думать мне не пришлось: на повороте я поскользнулся — и падаю на пол.

Поднимаюсь. Злоба нарастает ужасная. Стрелять нужно было, что ли?... Эх, чорт!

А тут, слышу, хлопнула выходная дверь. Это, значит, убегающий выскочил наружу. Ну, я, конечно, за ним. Только какое там может быть преследование! Очень мало эффективное!.. Сразу начинается густой пар. Луну окончательно заволочло тучами. В общем — удрал!

Постоял я немного. Послушал. Ничего не слышно, кроме шума деревьев и тиканья метронома... Оставалось только выругаться и запереть дверь с помощью подпорки из найденной тут же деревянной доски.

Да, неужели я не рассказал вам, что за предмет утащил этот тип? Представьте себе... несколько кусков стекла от разбитых плафонов!

“Что такое? — думаю. — Зачем они ему?..”

Слушатели, улыбаясь, переглянулись.

— Да... — продолжал лейтенант. — Просыпаемся мы, значит, утром и идем с Петей, чтобы осмотреть, так сказать, место ночного происшествия. Поднимаемся на второй этаж.

“Может быть, он целый плафон украл?” — говорит мне Петя, разглядывая черепки, лежащие на полу.

Нужно сказать, что я именно здесь впервые заметил, каким необыкновенно серьезным стал мой Петя. Стоит, разглядывает осколки с явно глубокомысленным видом.

“Умозаключения строит, — думаю я. — Вроде Шерлока Холмса. Ну что же, дело интересное. Я и сам, признаться, люблю такие вещи. Пускай себе...”

Однако Пете, видно, скоро надоело копаться в мусоре. Мы подошли с ним к окну, откуда был виден упавший накануне самолет.

“Знаешь что? — говорит мне Петя неожиданно. — Я, пожалуй, пойду посмотреть на подбитый “Юнкерс” вблизи. Не хочешь ли со мной пройти?”

“Да ну его! — отвечаю я. — Зачем он мне нужен! Иди, если хочешь...”

Петя уходит, а я остаюсь один. Продолжаю смотреть в окно. Стою и вначале ничего особенного не замечаю. Проходит некоторое время; по моим расчетам, Петя должен был уже подойти к самолету. Присматриваюсь... и не верю своим глазам. Ошибки никакой быть не может. У самолета находится тот самый тип, за которым я гнался сегодня ночью. Узнаю его по фигуре, по манерам. Ходит очень торопливо вокруг самолета и как будто что-то высматривает.

Вот, вижу, поворачивается ко мне боком и тычет пальцем в хвостовое оперение... Что тут будешь делать!

Дальнейшее поведение этого субъекта стало уж совсем подозрительным. То ли он увидел приближающегося Петю или по каким-либо другим побуждениям — только, вижу, заметался от хвоста к винтомоторной группе и обратно. Я даже не сразу сообразил, что он делает. Оказывается... понимаете!.. меряет, подлец, самолет рулеткой. Торопливо как-то тянет ленту вдоль фюзеляжа.

Вот странное дело!

Ну, а Петя, естественно, показался наконец на виду и идет к самолету.

“Эх, чорт! Чем бы его предупредить?” — думаю.

Вы легко поймете мое беспокойство, если вспомните, что диверсантов и шпионов засылали к нам в то время в изрядном количестве.

Бежать к Пете на помощь, что ли?

Но вот вижу: Петя уже совсем близко у самолета. Остановился. Смотрит на манипуляции, производимые этим типом. Последний, заметив Петю, тоже остановился. Некоторое время глядят друг на друга. Затем...

В соседней комнате резко зазвонил телефон. Лейтенант извинился и поспешил к аппарату.

— Ну, и что дальше? — нетерпеливо спросил один из присутствующих, когда лейтенант возвратился.

Рассказчик медленно уселся на свое место и неторопливо осмотрел слушателей.

— Пока что ничего страшного и не произошло, — продолжал он спокойно. — Этот самый субъект неожиданно и очень быстро удалился. А Петя еще некоторое время походил вокруг самолета и возвратился в институт.

“Знаешь ли ты, кто это был? — спрашиваю я его. — Это ведь тот самый, за которым я гнался сегодня ночью!”

“Не может быть!” — отвечает Петя. Вижу, что мое сообщение произвело на него сильное впечатление.

“Что ты на меня с таким удивлением смотришь?” — спрашиваю.

“Да так, знаешь, все это очень странно... Мне кажется, что...”

Вижу, мой Петя запнулся и чего-то недоговаривает.

“Опять строит умозаключения”, — думаю.

“Ты что-нибудь заметил?” — спрашиваю.

Молчит, представьте себе, и смотрит уныло.

“Ну и чорт с тобой! — думаю. — Тоже сыщик!”

В этот день вечером, когда уже стемнело, но зажигать нашу фару было еще рано, Петя неожиданно с очень серьезным видом обратился ко мне.

“Не думаешь ли ты, — спрашивает он, — что между аварией фашистского самолета и порчей наших плафонов существует какая-то связь?”

“Очень возможно, — отвечаю, — что плафоны лопнули от взрыва, произошедшего на самолете”.

“В том-то и дело, — продолжает Петя, — что на самолете никакого взрыва не было. Я это точно установил. Весь запас его бомб был израсходован, по-видимому, раньше, или бомб у него вообще не было, а зенитный огонь, как ты помнишь, перед его падением отсутствовал”.

“Ну, так отчего он мог погибнуть? — спрашиваю. — Наших самолетов в воздухе тоже не было — я их прекрасно узнаю по звуку, — один немецкий летал”.

“Знаю, — говорит Петя, — что не было. Я много думал и все взвешивал и наконец пришел к совершенно твердому убеждению”.

Он посмотрел на меня внимательно и говорит: “Здесь существует какая-то тайна... Все это не просто так: и этот необыкновенный взрыв, слышанный нами, когда полопались плафоны, и гибель немецкого самолета, и появление человека, интересующегося даже осколками этих плафонов”.

Этот разговор оставил у меня тогда тягостное впечатление.

Стою и думаю: “Что это он за несурзные вещи говорит?” А у самого какое-то беспокойство появляется...

Лейтенант задумался, как бы что-то вспоминая.

— Обстановка сильно влияет, — продолжал он, зажигая потухшую папиросу. — Представьте себе... Находимся мы только вдвоем в огромном пустующем здании. Темнота и мрак кругом. Ветер на дворе продол-

жают быть... Мне начинает казаться, что наверху опять кто-то ходит. Я, конечно, ничего не боюсь, но, безусловно, подвержен влиянию внешней обстановки, как всякий живой человек. Помню, что тогда от всего этого, хотя, в сущности, были пустяки, стало мне как-то очень не по себе. Однако не надолго. “Надо, — думаю, — перебить настроение”.

“Знаешь что? — говорю я Пете. — Что это ты мне голову морочишь? Ничего таинственного здесь нет. Все это ерунда. Если человек и украл черепки, так просто в силу обыкновенного хулиганства!”

В общем, принялся его отчитывать.

Кончилось это дело тем, что Петя обиделся и перестал со мной разговаривать.

Однако, представьте себе, немного позже произошел опять подозрительный случай! Ну, конечно, если принять во внимание все то, что было у нас раньше.

Дело было вот как.

Запускает Петя свой электрограммофон, видно от скуки, и давай прослушивать коллекцию пластинок с этими самыми взрывами. Особенно он нажимает на последнюю запись и гоняет ее, можно сказать, беспрерывно.

Слушать все это мне было безусловно противно. Но чтобы окончательно не рассориться с Петей, я все это терплю и делаю вид, что отношусь безразлично.

Немного погодя решил я подойти к окну и посмотреть, какая на дворе погода — в смысле возможности налета. С этой целью отодвинул чуть-чуть светомаскировку и выглядываю осторожно в образовавшуюся щель, так, чтобы свет из комнаты не проникал наружу.

К своему удивлению, вижу: торчат у окна три каких-то силуэта. Прислушиваются. Когда я пригляделся, то, представьте себе, в числе прислушивающихся узнал опять этого самого сутулого типа. А главное — интересуется он, видно, больше остальных тем, что происходит у нас в комнате, так как ближе всех пододвинул к окну свою физиономию.

“Эге, голубчик! — думаю. — Опять появился!”

Выхватываю из кармана электрический фонарик и направляю на него луч света.

И вот на черном, ночном фоне вижу я это самое знакомое мне лицо, показавшееся в то время, ввиду моего нервного состояния, страшным и неприятно как-то оскалившим зубы. Смотрит на меня в упор неподвижным взглядом сквозь свои большие роговые очки.

Все это, конечно, продолжалось одно мгновение. Лицо сразу исчезло.

Выскакиваем мы с Петей наружу. Тщательно обыскиваем все кругом — никого нет. Да, собственно говоря, в этом нет ничего удивительного. В таком парке, как у нас, каждый легко может спрятаться даже днем.

В общем, в эту ночь мы не спали. Я вызвал несколько человек охраны и расположил их в засаде у разных дверей здания. Сам же караулил в коридоре, поглядывая то и дело в окно. Но все это оказалось совершенно напрасным. Никто не появлялся, и ничего особенного в эту ночь не произошло.

Но вот по прошествии нескольких дней начинаю я замечать, что с Петей творится что-то неладное.

Стал он мрачный, как чорт. Куда-то надолго исчезает и даже иногда не ночует дома. Сразу видно, что чем-то весьма озабочен.

“Все продолжает изображать из себя сыщика, — думаю. — Вот чудак!”

Однако свои обязанности он несет исправно. Придаться не к чему.

Просыпаюсь я как-то ночью по неизвестной причине. Прислушиваюсь... Тревоги, кажется, нет — метроном стучит медленно. Но за последнее время у меня уже выработалась привычка: прислушиваться ночью к различным шорохам. И вот слышу: откуда-то издали доносятся знакомые звуки. Начинаю соображать, что это через репродуктор передается граммофонная пластинка. Даже шипение иголки иногда слышно — видно, старая.

Но что же это за пластинка? “Неужели, — думаю, — еще кто-нибудь, кроме Пети, занимается тем, что записывает звуки бомбежки?” Слышу — запись точно как у Пети. Кончилась одна пластинка. Поставили вторую такого же содержания. Ветер доносит звуки порывами — то тише, то громче. Начинаю будить Петю.

“Послушай, — говорю я ему, — какую музыку передают”.

Но здесь, как нарочно, все стало затихать.

“Ничего особенного”, — отвечает мне Петя.

“Звукозапись, — говорю я ему, — точно такая же, как у тебя. Только что доносилась издали”.

Приподнялся Петя, протер глаза руками и говорит мне встревоженным голосом:

“Не может быть! Откуда такая, как у меня? Тебе, наверно, слышалось”.

Сидели мы с ним еще некоторое время и ждали, но больше так ничего и не услышали.

Наутро — не помню, по какому случаю — ищу я глазами Петин чемоданчик для хранения граммофонных пластинок и не нахожу его нигде. А раньше он стоял всегда на видном месте.

Это меня заинтересовало. Принялся я искать чемоданчик и скоро убедился в том, что его решительно нигде нет!

“Куда он мог деваться?” — спрашиваю Петю.

“Вот уж не знаю. Непонятное дело!..” — отвечает он.

Нужно вам сказать, постепенно стал я не на шутку беспокоиться.

Петя ушел по своим делам, а я остался один.

Первый раз за все это время я тут по серьезному задумался о всех этих событиях. Внутренне начал соглашаться с Петей, что во всем этом существует действительно какая-то тайна. Охватило меня беспокойство. Тут погода еще мерзкая, осенняя. Туман на дворе такой, что в десяти шагах ничего не видно.

Хожу один по коридору — так себе, просто безо всякого дела. Все теперь кажется мне подозрительным. Даже в гуле собственных шагов, отдающемся по коридору, слышится мне что-то неестественное.

“Что все это значит? — думаю. — Кому понадобились ерундовые Петины пластинки и кто это вздумал заводить их ночью? Что это за шутки?..”

Хожу я, значит, часто останавливаюсь, прислушиваюсь, присматриваюсь к разным предметам. Одним словом, нервы стали не совсем в порядке.

А вот вечером, представьте себе, напало на меня, наоборот, боевое настроение.

“Обязательно разберусь с этим делом, — думаю я. — Разберусь, если даже для этого придется задержаться с отлетом. Может быть, здесь действительно серьезное вредительство какое-нибудь готовится. Но сейчас даже неудобно обратиться куда-либо за помощью. Еще засмеют. Надо собрать более серьезные факты. Поймать бы мне этого сутулого в очках! Чего ради он все время возле нас крутится? Я бы тогда сразу узнал, в чем дело...”

Прежде всего я решил обследовать соседние территории.

Выхожу в парк.

С безразличным видом гуляющего человека начинаю бродить, осторожно присматриваясь к окружающим зданиям.

А вокруг, куда ни взглянешь, — большие корпуса, принадлежащие другим институтам, всевозможные лаборатории, мастерские и даже маленькие заводы.

В некоторых из них кипит работа. У нас в Ленинграде во время блокады использовали малейшую возможность для производства, вооружения и вообще всего необходимого для фронта. Но много было и пустых корпусов с эвакуированным оборудованием. Выглядели они безжизненными.

Долго я ходил таким образом, стараясь ко всему внимательно присматриваться.

Начинало темнеть.

Скоро завывли сирены воздушной тревоги. Метроном переменил свой ритм и стал постукивать быстро.

Я уже начал было сомневаться в целесообразности моих наблюдений и решил вернуться к себе, как вдруг заметил в глубине парка трех человек, торопливо идущих по аллее.

“В бомбоубежище, верно, спешат”, подумал я.

На всякий случай направился к ним напрямик через заросли парка.

Нужно сказать, что здесь мне явно повезло. Не успел я приблизиться на такое расстояние, чтобы по настоящему их рассмотреть, как почувствовал, что в их числе находится этот самый шупленький, сутулый субъект, встречи с которым я именно и искал.

Расстояние между нами все уменьшается...

Он самый! Идет между двумя другими. Что ты тут будешь делать! Их все-таки трое, а я — Один. Ничего не остается, как только следовать за ними.

Осторожно, прячась за деревьями и кустами, иду, не упуская их из виду ни на одну секунду.

Мешают проклятые кусты! Бьют своими ветками по лицу.

Куда они идут? Вот проходят мимо корпусов химико-технического института. Дальше — корпуса физико-технического. Еще дальше — какие-то полуразрушенные бомбами мастерские. Сворачивают во двор — я за ними.

Вскоре все трое подходят к дверям маленького одноэтажного здания и исчезают внутри.

Начинаю обследовать здание. Обхожу его кругом, держась на почтительном расстоянии, чтобы не заметили.

Вижу, в одном из окон со стороны, противоположной входу, появился свет. Слабо пробивается через какую-то щель в светомаскировке.

Я сразу к ней. Везет, вижу, мне здорово. Через эту щель, конечно при некоторой изворотливости, можно прекрасно наблюдать за освещенным помещением.

Стою, притаив дыхание, и кажется мне, что стук моего сердца раздается громче, чем удары метронома из ближайшего уличного репродуктора.

На дворе уже окончательно стемнело. Ветер усилился. Деревья шумят уныло, как будто им очень жалко расставаться с пожелтевшими листьями. А я приткнулся носом к стеклу и замер на месте...

Кажется, что мои худшие опасения оправдываются.

Все трое вошедших — и среди них мой старый знакомый, сутулый, в очках — теперь мне прекрасно видны.

В помещении — не то мастерская, не то лаборатория: стоит несколько механических станков; всюду различные приборы, среди них — много электроизмерительных. Но прежде всего, конечно, бросились мне в глаза хорошо знакомые толстые шашки различного размера, разбросанные всюду. Тол — опасное взрывчатое вещество, с ним не шутят.

“Так, — думаю я. — Понятно...”

Теперь уж для меня не могло быть никакого сомнения, что это настоящая диверсионная группа.

Сначала я не придавал значения тому, что посередине помещения стоит какое-то устройство с большими раструбами наподобие граммофонных, но сделанными из очень толстого листового железа. Тянутся от этой машины провода разного вида и толщины, а сама она утыкана всевозможными ручками, блестящими набалдашниками и другими приспособлениями.

Но потом вижу, что все трое хлопочут в основном именно возле этого самого граммофона. Толстые шашки у них тоже в центре внимания, так как их сортируют или еще что-то с ними делают, в общем переносят с места на место.

“Все ясно, — думаю. — Можно кончать наблюдения и скорее бежать за помощью”.

Однако тут меня заинтересовало поведение диверсантов. Кто-то, по-видимому, стучал в дверь, так как все сразу насторожились.

Вот тут-то произошло самое непонятное во всей этой истории.

Гляжу я, входит к ним в комнату...

Рассказчик остановился, оглядел нас всех. Полумрак, царивший в комнате, не позволял как следует рассмотреть выражение его лица, но мне тогда показалось, что оно было необыкновенно грустным.

— Это было уж слишком неожиданно... — продолжал он через некоторое время. — Представьте себе, что я вижу моего Петю!

Я совершенно ошеломлен. Что тут можно было подумать? Как это все объяснить? Как же могло случиться, что Петя от меня что-то скрывал!

Я решил остаться и продолжать свои наблюдения.

Смотрю я, мой Петя у них совершенно свой человек! Начинает тоже что-то такое делать. Конечно, всякая способность логически соображать постепенно у меня исчезает. Как расценить поведение Пети?

Долго ли я так стоял у окна в полной нерешительности — не знаю. Даже теперь мне трудно определить, сколько на это ушло времени.

Только замечаю, что Петя явно чем-то недоволен. Начинает спорить с сутулым, что-то ему доказывает. Вижу, спор у них разгорается все больше и больше. Петя бросает разводной ключ на пол и демонстративно начинает вытирать руки о какую-то тряпку. Все его обступили и, видно, уговаривают. Однако кончилось все это тем, что он повернулся к выходным дверям с явным намерением уйти.

“Интересно, — думаю, — что они там не поделили?”

Я решил, что мне, пожалуй, лучше всего очутиться дома раньше Пети и поговорить с ним, как будто бы я ничего не знаю.

Так я и сделал.

Неприятная перспектива, должен сказать, выпала на мою долю! Очутиться в нашей комнате раньше прихода Пети оказалось делом несложным. Но как я буду с ним разговаривать?

Слышу — идет. Открывает дверь, входит...

“Ну, как дела?” спрашиваю, стараясь придать голосу оттенок исключительной безразличности.

“Да так, ничего себе”, отвечает.

Смотрю на него и думаю: “Петя ли это предо мной стоит? Неужели тот самый Петя, добродушный, всеми любимый, душа-парень?”

Тяжело мне стало на него смотреть.

А он ходит себе по комнате, очень расстроенный, и, представьте себе, даже не обращает на меня внимания.

“Скажи, пожалуйста, — говорю я ему спокойным голосом, — нигде тебе не встречался этот самый человек в очках, которого ты видел у самолета?”

Посмотрел на меня Петя внимательно, задумался и вдруг говорит:

“Знаю я этого человека очень хорошо. Это ведь кандидат физико-математических наук Богущкий Михаил Степанович”.

Такого ответа я, признаться, совершенно не ожидал. Наступило неловкое молчание.

“Очень хорошо, что ты о нем вспомнил, — продолжает Петя. — Мне нужно как раз насчет него с тобой поговорить. Дело очень серьезное и не терпит отлагательства!”

“Ну что ж, давай”, говорю я.

Насторожился и слушаю, что скажет мне Петя.

Смотрю, действительно дело нешуточное.

Для того чтобы вы могли все это понять, мне придется слегка познакомить вас с некоторыми основами физики. Иначе вы просто ничего не поймете.

Я, конечно, не профессор и к институту был прикомандирован только в самом начале войны, но тем не менее не могу сказать, чтобы у меня было совсем неправильное, с научной точки зрения, представление об этих вещах...

Лейтенант небрежно закинул ногу на ногу и принял непринужденную позу. Слушателям стало ясно, что рассказчику предстоит совсем не легкая для него задача и он старается это скрыть своей излишней развязностью. — Постараюсь объяснить вам все это в самом популярном разрезе, так сказать умышленно избегая употребления каких-либо запутанных математических формул.

Вы знаете, что издает каждый твердый предмет, если по нему, например, чем-нибудь стукнуть? Звук! А что это значит? Это значит, что предмет от удара легонько сжимается или, возможно, изгибается. Сначала, конечно, в одну сторону, а потом, из-за упругости, в другую. Ну и начинает, таким образом, некоторое время колебаться, или, говоря обыденным языком, дрожать.

Эта-то дрожь и передается до некоторой степени окружающему воздуху, а уже от него колеблется барабанная перепонка в нашем ухе.

Вот мы и воспринимаем колебания воздуха в виде звука.

Когда мы, например, говорим или, предположим, кричим, то в этот момент у нас в глотке тоже трясется голосовая связка, благодаря чему и делается все это достаточно слышимым. А если бы эта связка не дрожала, то говорить или петь было бы совершенно невозможно.

От звука, как вы, наверное, уже заметили, дрожат, конечно, не только перепонки в человеческом ухе, но также и различные предметы, хотя, конечно, незначительной, невидимой на глаз дрожью.

И вот тут-то я и должен обратить ваше внимание на одно интереснейшее научное явление. Заключается оно в следующем.

Видите ли, вообще от звука любой высоты более или менее колеблются все предметы, но больше всего, представьте себе, охватываются дрожью именно те, которые, ежели по ним стукнуть, сами способны издавать подобный же звук.

Значит, выходит, что каждый предмет как бы настроен на свой определенный звук, и как раз на такой звук, который способен издавать он сам.

Это явление в физике называется резонансом.

Лейтенант торжествующе посмотрел на своих слушателей, как бы любуясь произведенным эффектом. Многие из нас, явно заинтересованные рассказом, даже перестали улыбаться.

— Зачем нам с вами далеко итти за примером! — продолжал между тем рассказчик. — Давайте хоть сейчас возьмем две обыкновенные гитары и настроим их обе на одинаковый лад. Если, предположим, кто-нибудь из вас тронет струну у одной гитары, то можно услышать, как струна у другой гитары, настроенная на этот же тон, отзовется. А остальные струны, представьте, себе, будут вести себя тихо.

Отчего это получается, я вас спрашиваю? Да очень просто!

Вот давайте возьмем еще доску, зажатую с одного конца в бревно, а на другой конец посадим кого-нибудь и объясним ему, что сейчас будем его качать. И действительно, подойдем и легонечко толкнем его вниз. Что произойдет? Он начнет качаться: вниз — вверх, вниз — вверх... Если мы будем подталкивать его даже потихоньку, но сообразуясь с качанием доски, или, как говорят, будем попадать в ритм качки, то сможем раскачать его так, что доска даже обломится.

А если мы вот будем толкать доску хотя и сильно, но беспорядочно, как попало, то ничего подобного не получится.

Так и со струной! Когда воздушные колебания начинают толкать ее в ритм ее собственных периодов, как говорят физики, то она очень легко раскачивается. А уж какая-либо другая частота ее мало трогает.

Ну, конечно, струну нельзя сравнивать с какими-нибудь обыденными предметами. Со струной — просто. Она может колебаться только в определенном направлении и потому издает в основном только один, достаточно ясный тон. А возьмем, например, самоварную трубу. Тоже издает звук! Если, предположим, вы ее уроните на пол... Ну, а что это будет за звук? Какого, я спрашиваю у вас, тона? Да на этот музыкальный вопрос ни один гениальный композитор ответить не в состоянии!

А все дело в том, что самоварная труба не колеблется только в определенном направлении, как это делает струна, а в силу своей сложной конструкции одновременно сжимается, изгибается и вообще искривляется самым причудливым образом! Благодаря этому и получается не один тон, а сразу несколько, перепутанных между собой. Следовательно, и наоборот: чтобы вызвать в самоварной трубе как следует явления резонанса и заставить ее дрожать от звука, необходимо на нее действовать тоже сложным звуком, состоящим из разных тонов. Одним словом, нужен для этой цели такой же звук, какой издает она сама при падении.

Сейчас, когда я вам все это объясняю, вы, наверно, понимаете все хорошо, а вот каково мне было в свое время, когда я слушал Петю!..

Двое из присутствующих в комнате облегченно вздохнули.

— Я тогда не понимал, — продолжал лейтенант, — зачем он мне все это рассказывает! А потом вдруг говорит мне: “Ты помнишь, конечно, не совсем обычный взрыв, от которого у нас лопнуло несколько плафонов и притом определенной формы, а окна остались целыми? Помнишь, я тебе говорил, что тут заключается какая-то загадка, а ты тогда еще послал меня к чорту? Так вот, дело действительно получилось не совсем обычное. Тогда я еще ничего не понимал, но теперь могу тебе все объяснить. Наши плафоны лопнули не от взрывной волны, а именно от этого странного звука. И произошло это исключительно оттого, что их собственный звуковой резонанс близко совпал с характером этого звука”.

“Ну, а твой профессор Богуцкий здесь при чем?” — нетерпеливо спрашиваю я.

“О Богуцком речь будет впереди, — говорит Петя. — Я слышал о нем очень давно, хотя в лицо никогда его раньше не видел. Это очень знающий и способный человек, но с некоторыми существенными недостатками. Он очень замкнутый и нелюдимый. Свою работу он ведет всегда как-то обособленно, все старается своими силами, редко к кому обращается за помощью. Видно, что большой индивидуалист. Вот и теперь. Но я уж лучше все расскажу по порядку.

Богуцкий и несколько работников его лаборатории остались в Ленинграде временно, как и мы. Они тоже слышали тогда сильный взрыв и обратили внимание на лопнувшие и у них в комнатах плафоны. Богуцкого это заинтересовало, поскольку его специальность — акустика и электроакустика. Ему было известно, что у нас в корпусе “Б”, который он считал совершенно пустым, тоже были плафоны такой же формы. И вот, чтобы убедиться в своих предположениях, он пошел вечером в наш корпус, причем уверяет, что входная дверь была плохо закрыта, так что он совершенно свободно ее открыл”.

В этом месте рассказа Петя стал улыбаться.

“В общем, ты его здорово напугал, — продолжает он. — Богуцкий от неожиданности побежал к выходу, не соображая даже, что делает. Пришел в себя только в парке и решил, что поступил по-мальчишески. На другой день я встретил его у разбитого самолета — я, конечно, не знал, что это он был у нас в помещении. А вечером он, проходя с товарищами мимо нашего корпуса, услышал передачу моих пластинок. Очень заинтересовался этим и остановился под окном, чтобы разобраться, в чем дело. Естественно, когда он увидел свет твоего фонарика, то предпочел тут же удалиться, чтобы не вступать в излишние объяснения”.

“Странно, — замечаю я Пете, — что ты не нашел нужным все это мне сообщить раньше”.

“Не мог, — отвечает Петя. — Дал слово. Слушай, что было дальше...”

А дальше было вот что. Через несколько дней Богуцкий повстречал Петю в парке.

“Правда ли, — спросил он, — что вы записываете звуки бомбежки на граммофонные пластинки?”

“Правда”, отвечает Петя.

“Мне очень хотелось бы получить у вас одну пластинку, где запечатлен взрыв в виде длительного звука. Я, кажется, такую у вас слышал”.

Ну, Петю, конечно, все это очень заинтересовало.

“Зачем, — говорит, — вам она нужна?”

Богуцкий начал вилять и отвечать что-то неопределенное. Пете же было жалко расставаться со своей пластинкой.

“Объясните, — говорит, — толком, а то не дам!”

Профессору после этого ничего не оставалось делать, как признаться ему во всем.

“И вот тут-то, — говорит Петя, — я и услышал поразительную вещь!”

Рассказчик замолчал и глубоко задумался, как бы собираясь с мыслями.

— В трех километрах от нас, — продолжал он через некоторое время, — по неустановленной причине взорвался небольшой склад с боеприпасами. Единственно, что стало известно, так это то, что находившиеся на складе снаряды взорвались не одновременно, а рвались с некоторой последовательностью, почему звук взрыва и получился в виде продолжительного гудения.

Почему это произошло, тогда тоже не удалось выяснить. Может быть, повлияло как-нибудь взаимное расположение снарядов в различных помещениях или были другие причины, но только получился не общий взрыв, а ряд взрывов различной силы и характера, следующих один за другим почти непрерывно.

“Ты, наверно, помнишь, — говорит мне Петя, — что слышался какой-то сплошной рев и вой. И вот этот единственный в своем роде случай создал в воздухе необыкновенно мощную звуковую волну, распространившуюся во все стороны”.

“Мне нужно, — говорит Богуцкий, — очень тщательно изучить характер этого звука. Я думал, что это удастся сделать с помощью исследования резонансных свойств плафонов, но, к сожалению, данные получаются неполные. Характер звука таким методом мне определить удалось, а последовательность, с которой этот звук нарастал, и то, как в нем располагались по времени различные тона, установить очень трудно. Вот ваша пластинка, если ее проанализировать, дело совсем другое”.

Вы, наверное, не верите, — обратился лейтенант к слушателям, — что от звука могут разрушаться какие-нибудь предметы! Оказывается, вполне возможно при некоторых условиях резонанса и очень большой мощности звука. С резонансом вообще шутки плохи. Вот, например, в старом Петербурге, знаете, в начале нашего века произошла катастрофа. Представьте себе обыкновенный, самый нормальный мост через Фонтанку. Ходит по нему множество народа. И все протекает нормально. Мост держится. А вот проходит небольшой сравнительно отряд солдат, просто взвод, ну и, конечно, согласно воинскому уставу, стараются итти в ногу. Нужно же было так случиться, чтобы ритм их шага нечаянно совпал с резонансом этой постройки! Мост, представьте себе, обрушился, и весь взвод в полном составе неожиданно очутился в воде. Вот поэтому-то во всех странах и завели правило, чтобы воинские части перешагивали мост не в ногу.

Правда, солдаты действовали на резонансную систему моста непосредственно своими сапогами и, таким образом, его раскачали, а на осветительные плафоны повлияли, так сказать, воздушные колебания. Но все дело в резонансе и мощности звука.

А вот с самолетами что при испытаниях происходит? Представьте себе: конструируют новую машину — просто, скажем, чудо техники. И скорость замечательная и дальность полета порядочная. А при испытании иногда разваливается в воздухе! В чем дело? Начинают разбираться — оказывается, вибрация мотора попала в

резонанс с какими-нибудь трясущимися деталями. До сих пор авиаконструкторы бьются с этим делом. Не всегда, понимаете, даже поддается математическому расчету. Очень трудная задача. Всего не учтешь... А тут иногда еще мотор меняет свои обороты, чем создает самую разнообразную вибрацию самолета. У меня один знаковый летчик-испытатель еще в 1934 году с этим делом столкнулся. Говорит: “Поднимаюсь на новой, только что сконструированной машине. Все идет хорошо. Летит плавно, поддается рулевому управлению, и все такое прочее”. Но вот он, как полагается по программе испытаний, открывает газ на полную силу и начинает набирать скорость. “Вдруг чувствую, — говорит, — появляется сильная вибрация... Два месяца пролежал в госпитале!” А машину тем временем, конечно, видоизменяли, укорачивали какие-то там ребра, удлиняли растяжки — одним словом, делали так, чтобы в воздухе они не резонировали от вибрации мотора.

В общем, Пете скоро стало ясно, зачем Богуцкому понадобилось тщательно анализировать звук этого взрыва. По его мнению, от этого сверхмощного звука разрушались не только осветительные плафоны...

“Мне, — говорил Петя, — долго не верилось, что резонансные данные оказались одинаковыми и у маленького осветительного плафона и у огромного бомбардировщика “Юнкерс-88”, который, по уверению Богуцкого, развалился в воздухе от одного только звука!”

Но профессор объяснил все очень точно. Дело в том, что даже самые различные по величине и форме предметы могут иметь одинаковые резонансные данные. Он привел Пете в пример две струны, из которых одна толстая, другая тонкая, но при этом соответствующим натяжением их можно обе настроить на один тон.

Трудно было, конечно, представить, чтобы такая прочная конструкция, как самолет, могла разрушиться от звука. Ну, плафоны — другое дело, они все-таки стеклянные.

Но Богуцкий, ссылаясь на мощностъ звуковой волны, настаивал на своем и привел Пете еще много различных доказательств.

“Видно, — говорит Богуцкий, — случайно “ноты” этого страшного звука действовали с определенной последовательностью на определенные детали самолета, заставляя их вибрировать. В определенный момент получилось сложение сил и наступило разрушение”.

“Помогите нам, товарищ Янин, или, вернее, даже включайтесь в эту работу, — говорил он Пете. — Дело очень серьезное, поскольку оно касается обороны нашей родины. Ведь мы с вами создадим такое оружие, которого ни у кого, кроме как у нашей страны, не будет. Сделаем это быстро, без шума. Представляете, какое спасибо нам скажут правительство и народ!”

“Я стою, — говорит Петя, — и ничего не вижу перед собой от радости и удивления”.

“Сделаем! Конечно, сделаем! — отвечает он Богуцкому. — Отъезд из Ленинграда я отложу, если нужно. Давайте буду помогать!” “Только одно условие, — говорит ему Богуцкий: — все это должно быть, как вы сами понимаете, в секрете. Ни один лишний человек не должен знать, даже ваш товарищ, лейтенант”.

“Я было начал возражать, — говорит Петя, — но он очень уж настаивал”.

После этого разговора Петя перетасил к профессору свои граммофонные пластинки, не говоря мне ни слова, и начал с ним работать. Оборудования и станков, еще не эвакуированных, у Богуцкого оставалось много. Только людей не хватало.

“Я даже не знаю, как бы они без меня обошлись”, — говорит мне Петя.

“Ну, и в каком положении это дело теперь?” — спрашиваю я.

“Представь себе, что прибор совершенно готов! — отвечает Петя. — Нужно сказать, работали мы все не покладая рук. Да ты сам вчера ночью слышал мою пластинку... Это уже производилась регулировка”.

“Устройство прибора очень несложное, — продолжает Петя. — Специальный электрический коммутатор по строго рассчитанному времени производит включение электрозапалов у различных зарядов взрывчатки, заключенных в резонансные камеры. Благодаря этому должен получиться не один взрыв, а ряд быстро идущих один за другим. Все сольется в мощный звук, точно такой, как у. меня зафиксировано на пластинке. И если тот самолет действительно погиб от звука, то и другие, такой же конструкции, возможно, последуют за ним. Но вот что я тебе должен сказать...”

Петя сделался необыкновенно серьезным и говорит мне уже шопотом: “Есть, в приборе, по-моему, некоторые неясности... Выдержит ли нагрузку отражатель, предназначенный для направления звуковой волны кверху? Достаточно ли крепки перегородки, отделяющие одну резонансную камеру от другой? Ну и еще разные мелочи... Ты понимаешь, машина вообще рассчитана на воспроизведение по крайней мере двухсот звуковых “выстрелов”. Но вот самый первый меня сильно беспокоит... Богуцкий и слышать не хочет о том, чтобы приняли участие еще какие-нибудь люди. В последнее время он даже ко мне стал относиться немного пренебрежительно. Все время умаляет значение моей пластинки, уверяет, что будто бы можно было обойтись и без нее, а конструировать задуманную машину на основе одних математических расчетов, пришедших ему недавно в голову.

Я несколько не обижаюсь на это и согласен с тем, чтобы о моем участии даже не знали, лишь бы прибор действительно стал работать, — говорит Петя. — Если бы моя помощь как механика в настоящее время не была нужна, то я давно бы оставил его в покое. Но ты понимаешь, им там без меня будет все-таки трудно...

А нужно было бы пригласить на помощь еще некоторых специалистов. Следовало бы поставить это дело шире.

Ты понимаешь, он собирается все это преподнести сюрпризом. Это уже никуда не годится. Он, конечно, стремится принести нашей родине пользу, и не маленькую. Но нельзя его оставлять одного без хорошего това-

рищеского коллектива. Два сотрудника, работающих с ним, тоже начинают понимать, что такую ответственную работу так вести нельзя. Вот сегодня ночью...”

Здесь Петя остановился на полуслове, стал прислушиваться и вдруг побледнел.

“Что с тобой?” — спрашиваю его.

“Разве не слышишь: воздушная тревога!”

А я задумался над тем, что он мне рассказал, и действительно не заметил, как на дворе завывли сирены. “Ну и что ж такого, что тревога! Разве ты впервые ее слышишь?” — говорю ему.

Петя встает и начинает ходить по комнате.

“Я все-таки пойду, — говорит он. — Не могу я его оставить одного, без меня ему будет трудно. Сегодня намечается небольшой опыт... Возможно, что все обойдется благополучно”.

Я не стал его задерживать, и он ушел.

Тогда мне было трудно сразу во всем этом разобраться.

Действительно, положение серьезное! Нужно как-то повлиять на Богуцкого, помочь ему.

Подумав немного, я решил твердо: необходимо немедленно спешить в штаб и там объяснить положение дела.

Когда я вышел на улицу, бомбежка была уже в полном разгаре. Высоко в безоблачном небе гудели вражеские самолеты. Лунная, с заморозком ночь немного успокоила мои нервы, но тяжелое предчувствие, появившееся у меня вскоре после ухода Пети, оставалось.

Быстрым шагом направился я к расположенной вблизи танковой части, где мне могли бы дать машину, и уже через несколько минут ехал в ней по направлению к городу.

Равномерный шум автомобильного мотора, работавшего на полной скорости, иногда заглушался небольшими разрывами фугасных бомб. К каждому из них я невольно прислушивался, ожидая услышать совсем другое.

Мы были на полпути к штабу, когда хорошо знакомый мне рев отчетливо раздался сзади.

Я выскочил из машины, стараясь угадать направление, где должен находиться институт.

Рев, продолжавшийся всего несколько секунд, уже прекратился, и кругом наступила относительная тишина.

Я увидел несколько горящих и падающих самолетов, но до моего сознания это доходило как-то слабо. Слишком тревожила меня судьба Пети и остальных товарищей. Не случилось ли чего-нибудь, живы ли они?

Надо скорее вернуться! И мы помчались в обратном направлении, развивая бешеную скорость.

Когда подъезжали к территории института, уже звучал отбой тревоги и из бомбоубежищ выходил народ. Мне пришлось бежать по парку по направлению к лаборатории Богуцкого вместе с людьми из спасательного отряда.

Здание охватил огонь. Рядом со зданием была видна огромная воронка, повидимому на том месте, где стояла резонансная машина. А через некоторое время я решил, что ни Пети, ни остальных товарищей, вероятно, уже нет в живых.

На следующий день мне срочно пришлось улетать из Ленинграда без Пети...

Рассказчик замолчал, как бы прислушиваясь к стуку капель дождя, забарабанивших в окна, и нам стало ясно, как тяжелы ему все эти воспоминания.

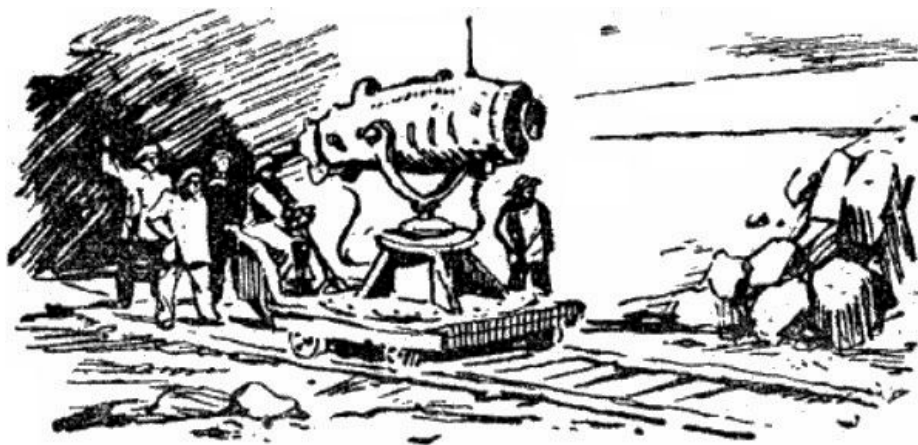
— Когда я докладывал о случившемся, — продолжал он, — мне мало верили. Каких-либо серьезных доказательств, собственно, не осталось. Пожар здания, воронку возле него и гибель товарищей каждый легко мог объяснить попаданием обыкновенной бомбы.

Единственно, что было вне всякого сомнения: в эту ночь на территории города и в окрестностях нашли четыре сбитых “Юнкерса-88”. По заявлению штаба противовоздушной обороны, это были все “юнkersы”, какие только участвовали в том небольшом налете.

О странном рассказе лейтенанта Воронова мне пришлось вспомнить еще раз совсем недавно. В одном из наших научно-исследовательских институтов мне рассказали, что механик Петя Янин остался жив и спустя некоторое время вышел совершенно здоровым из госпиталя. Не пострадали и сотрудники Богуцкого. О судьбе самого Богуцкого мне ничего не могли сказать.

Янину удалось разыскать неподалеку от развалин сгоревшей лаборатории свою необыкновенную граммофонную пластинку и продолжить работу над изобретением.

ШОРОХИ ПОД ЗЕМЛЕЙ

— Слышал я его уже много раз... Понимаете, как будто кто-то невидимый ходит по половицам, и они тихо так поскрипывают... Шорох такой... очень странный!

Директор шахты пожал плечами.

— Пустяки, — сказал он. — Это чисто нервное... Да вы не волнуйтесь!

А про себя подумал:

“Вот еще, кто бы мог ожидать! Такой здоровяк на вид, и вдруг — психоз! Шорохи под землей чудятся”.

Петренко, приземистый, широкоплечий человек с загорелым лицом, нервно поднялся с места и принялся рассказывать по кабинету.

— Всегда в одно и то же время... — сказал он, останавливаясь перед директором и глядя на него в упор. — И движется. Тихо так шуршит и уходит куда-то вдаль...

— Пустяки, — повторил директор. — Горных духов, как известно, не бывает, а с непривычки в шахте мало ли чего не покажется. Я сам лет двадцать назад, когда первый раз в шахту спустился, помню, отбил здоровеннейший кусок карналита. Он как рухнет — так тут такой гул пошел, точно несколько человек к выходу побежало. Ну, думаю, где-то обвал... Прислушался: тихо. Это мой кусок, оказывается, грохот такой вызвал... Вы отдохните денек, да и за работу с новыми силами. А шорохи... шут с ними! Под землей каких только звуков не бывает!

— Да нет же! — нетерпеливо возразил Петренко. — Вы не подумайте чего такого... Я сам много разных звуков слышал на своем веку. Недаром ведь акустическую аппаратуру изобретаю. Вы знаете, что чувствительность прибора, с которым я сейчас работаю, очень велика. Мы слышим, как движутся электровозы, работают врубовые машины, и все это на расстоянии многих километров. Один раз, представьте себе, совершенно отчетливо услышали шум подземной реки... реки, которую не видел ни один человеческий глаз. Но то, что слышится теперь — вы меня извините, — это очень странно. Я просто теряюсь в догадках...

Директор калиевой шахты Николай Иванович Губанов изобразил на лице сочувствие. Но он без особого удовольствия слушал взволнованную речь ученого. Ну какие там звуки слышны под землей! Какое, собственно говоря, это имеет отношение к его работе!

Директора беспокоило другое.

Вот уже две недели продолжаются на шахте испытания новой аппаратуры, предназначенной для местной геологической разведки. Стране нужно огромное количество калиевой соли, повышающей плодородие земли. Добыча калийных удобрений должна быть резко увеличена по сравнению с довоенным уровнем. А тут серьезный человек, ученый, от которого он ждет новых открытий, увлекся какими-то посторонними вещами...

Петренко привез на шахту разработанную им новую акустическую аппаратуру. Ее действие было основано на том, что мощный звуковой сигнал, посланный в землю, отразившись, должен был вернуться в специальный приемник и рассказать о структуре слоев, на которые он натолкнулся. Так обстояло дело в теории. На практике же звук уходил под землю и терялся в толще горных пород. Правда, при этом звук отражался и преломлялся так, как луч солнца, упавший в воду, но к приемнику возвращалась настолько ничтожная часть его, что по показаниям прибора нельзя было представить ясной картины подземных богатств. Требовалось внести какие-то усовершенствования в аппарат.

“Дались же ему эти шорохи! — думал Губанов, с досадой поглядывая на озабоченное лицо своего собеседника. — Нет уж, видно, придется вести разведку обычными методами. А жаль: прибор Петренко обещал значительно ускорить все дело...”

Стук в дверь прервал размышления директора. Вошел высокий, сухопарый человек в круглых роговых очках. Это был кандидат физико-математических наук Константин Сергеевич Шабалин, работник одного из исследовательских институтов Ленинграда. Здесь, на шахте, он испытывал свой аппарат, тоже предназначенный для разведки соляных пластов.

— Ну, как успехи? — спросил директор, пожимая сухую, костлявую руку ученого.

Тот поправил очки и огорченно развел руками.

По методу Шабалина, в толщу земли посылалась на разведку радиоволна определенной длины. Радиоволны по-разному отражаются от различных горных пород, и на экране приемного устройства в аппарате Шабалина появлялось условное изображение, рассказывающее о геологическом строении земных недр. Так было не только в теории, но и при лабораторном испытании прибора. Но вот в шахте дело не ладилось: какая-то дымка застилала экран через несколько минут после начала работы. Все пропадало в этом тумане. Шабалин бился изо всех сил, менял волну, даже переделывал свой прибор, но пока безрезультатно.

Петренко, замолчавший было на минуту, снова оживился.

— Я вот рассказываю сейчас Николаю Ивановичу про странные явления в шахте, — сказал он, обращаясь к коллеге. — Какие-то звуки непонятные слышны, даже когда наш генератор звука выключен.

— Звуки? — рассеянно переспросил Шабалин. — Ну и что же?

— Легкий такой шорох... и медленно передвигается с места на место...

Ленинградец покосился на Петренко.

— Да не заблуждаетесь ли вы? — спросил он.

И тут же рассказал о случае, который произошел однажды во время сейсмической разведки рудных залежей. Сейсмограф, установленный на поверхности земли, зарегистрировал землетрясение силой в десять баллов. Между тем почва под ногами исследователей была совершенно спокойной. При проверке выяснилось, что неподалеку от сейсмографа в ямку в земле попал лягушонок. Он пытался выбраться и производил легчайшее сотрясение почвы. Чувствительность же прибора была так велика, что он зафиксировал сильные толчки.

— Вот и у вас тоже, — добавил он, — мышь какая-нибудь ползет... Усиление звука в вашем аппарате настолько велико, что муха за слона сойдет, а мышь, как поезд, будет шуметь... в вашем ухе...

— Да нет же! — окончательно разгорячился Петренко. — Ведь звук-то идет из толщи земли... Какая там мышь... Вы просто смеетесь... Конечно, вы не верите в эффективность звуковой разведки...

— Ну вот, кажется, начали ссориться, — подумал Губанов. — Самолюбие проклятое заедает. Нет того, чтобы спокойно разобраться в сути дела. Общими бы усилиями... А то каждый считает свой метод наилучшим и готов на рожон лезть”.

Директор задумался и почти не слушал спорящих.

— Ну, это вы уж оставьте, — доносился голос Шабалина. — Проникновение радиоволн в толщу земли исследовано очень хорошо. А ваши звуковые колебания, вы меня извините, еще требуют изучения и изучения.

Наконец в комнате наступило молчание.

— Куда вы, Петр Тимофеевич? — обратился директор к Петренко, заметив, что он встает с места.

— Пойду, — хмуро ответил тот, — аппаратуру готовить. Через час примерно этот звук опять должен появиться.

— Станный человек... — пробурчал Шабалин, усаживаясь поближе к директорскому столу. — С ним совершенно нельзя вести научных споров. Горячится. Вы слышали наш разговор?

Директору было неудобно признаться, что он почти ничего не слышал.

— Да, конечно. Но вы тоже, по-видимому, неправы, Константин Сергеевич. Так же нельзя, — с упреком проговорил Губанов. — Надо помогать друг другу. А у вас что получается! Споры без конца. Человек нервничает от неудач. Надо внимательно к нему...

— В науке споры неизбежны, без этого не придешь к истине. Да вы только послушайте. Он уверяет, что звук распространяется под землей таким образом, словно...

— Не хочу слушать ни про какие звуки, — отмахнулся рукой директор. — Я не специалист в акустике, и мне в этом не разобраться. Дайте мне хорошо работающий прибор для разведки, пусть он будет основан на любом принципе — на вашем, на петренковском, — лишь бы работал. Вот что сейчас нужно. Ведь производство мы должны увеличивать в совершенно исключительных масштабах.. Вы знаете, что такое калий!

И Шабалин был вынужден опять выслушать взволнованную речь Губанова о значении калиевой промышленности в народном хозяйстве страны.

— Я ведь старый калиевик. Вы только вспомните, — с убеждением в голосе говорил Губанов, — в царской России совершенно не добывали калия! Америка и по настоящее время не имеет своих калийных рудников. А у нас? Да ведь мы теперь на первом месте в мире по разведанным запасам калия! Только разрабатывай! Одно только наше Верхнекамское месторождение располагает запасом, превышающим все остальные запасы калия в мире почти в пять раз... В солях, которые мы добываем, содержится не только калий, но и магний. А разве построишь современный самолет без магния! Понимаете, какое дело? Мы ждем от вас помощи. Дайте усовершенствованный аппарат, который быстро и точно отвечал бы на вопрос: стоит ли вести проходку в данном направлении? А Петренко какими-то там таинственными звуками заинтересовался. У вас тоже не ладится... И даже неизвестно, откуда появляется эта дымка на экране, которая все портит.

Губанов взял в руки пресс-папье, сделанное, как и весь письменный прибор, из белоснежного, шлифованного под мрамор карналита, и повернул так, что тысячи искр засверкали на полированной грани.

— Я понимаю ваше нетерпение, — возразил Шабалин, — но не всегда в лабораториях можно все предусмотреть. Дело ведь совершенно новое... А откуда берется эта дымка, ума не приложу.

— Конечно, не все сразу, — несколько мягче отозвался директор. — Но уж очень вы спорите все с Петренко. Какая-то неприязнь, по-моему, зародилась между вами. Каждый думает главным образом о том, чтобы восторжествовал именно его метод. Вы не хотите смотреть на это дело в общегосударственном масштабе. Шабалин стал необыкновенно серьезным.

— Ну, в этом вы ошибаетесь, — проговорил он твердо и с укором в голосе. — Успехи в развитии народного хозяйства мне дороги так же, как и Петренко и вам. Научные споры совсем не означают личной неприязни. Мне нравится Петренко и самый стиль его работы — с размахом, с добросовестным изучением каждого факта. Но что касается его теорий, то некоторые из них представляются мне...

— Ну, хорошо, хорошо, — торопливо сказал директор. — Ведь вам, кажется, пора на испытания?

— Между прочим, — заметил, уже уходя, Шабалин, — поведение Петренко со вчерашнего дня стало каким-то странным... Вы не находите? Или это мне так кажется?

“Надо будет заняться ими вплотную, — подумал Губанов, когда Шабалин ушел. — Что-то у них там неладно”.

Сказочен подземный мир карналитовой шахты! Он поражает прежде всего своими яркими красками. Такие краски не ожидаешь встретить под землей. Мозаика стен составлена природой из ромбических кристаллов разной величины и цвета. Сверкающие грани образуют причудливые молочно-белые, зеленые и красные узоры. Они меняют свои очертания при перемещении шахтерской лампочки.

Константин Сергеевич с любопытством оглядел огромное подземное помещение. Его поразило необыкновенно раскатистое эхо, которое встречается лишь в пустых каменных гротах.

В этом искусственном гроте, образовавшемся после выработки породы, должно было происходить очередное испытание.

— Кон...стан...тин... Сер...ге-е-е-е...вич!.. — раздалось из глубины грота.

Шабалин, стоявший у входа, откликнулся и направился к светящимся точкам.

У самой стены несколько лаборантов возились со странным электрическим аппаратом. Большой сигарообразный корпус прибора, покоящийся на массивном треножнике, бросал на стену продолговатую тень, не менее причудливую, чем сам прибор. Несколько проводов соединяло его с передвижной аккумуляторной подстанцией.

— Готово, Константин Сергеевич! Можно начинать...

Грот стал наполняться монотонным жужжаньем. Шабалин вращал ручки регуляторов. Круглое отверстие экрана засветилось тусклым зеленоватым светом.

Вот на зеленом поле появились какие-то смутные очертания. Изображение на экране становилось все более четким.

— Смотрите! — обрадованно вскрикнул Шабалин. — Линия карналита: вот одна, две, три... О! Да его здесь много!..

— И совсем недалеко от нас! — заметил лаборант, не отрывавший глаз от боковой шкалы прибора. — Его загораживает слой каменной соли толщиной всего метра в три. Жаль, что эту выработку забросили. Да-а, какой мощный пласт!..

Но что это? Изображение на экране потускнело. Исчезли знакомые линии карналита, флюоресцирующая поверхность покрылась матовой дымкой. Сплошной зеленоватый туман! Опять неудача... — Выключить прибор! — с досадой скомандовал Шабалин. — Довольно...

Прибор включали еще несколько раз, но с прежними результатами.

Неожиданно внимание ученого отвлекла светящаяся точка, появившаяся у входа в грот. Кто-то медленно передвигался с шахтерской лампочкой в руках, затем остановился, словно в нерешительности.

Светящаяся точка оставалась неподвижной всего несколько минут, затем вдруг запрыгала. Человек пустился бежать, но не к группе испытателей, столпившихся вокруг прибора, а к выходу из грота. В окружающей темноте трудно было узнать бегущего. Но вот на повороте мелькнул яркий отблеск. В свете его Шабалин различил приземистую фигуру Петренко.

* * *

Директор искал Петренко.

Шагая по длинным извилистым штрекам, он часто останавливался, чтобы заглянуть попутно в различные уголки своего обширного подземного хозяйства.

Всюду горел яркий электрический свет. Пробегали поезда вагонеток, груженных разноцветной породой. В забоях деловито стрекотали врубовые машины. Они резали камень острыми зубьями, расположенными на

бесконечной цепи. Как пулеметы, стучали отбойные молотки. Длинными сверлами вгрызались в сверкающий камень электродрели. Позже в просверленные отверстия будет заложен аммонит, чтобы взорвать, превратить в блестящие брызги массивы карналита и каменной соли.

Разнообразные машины помогали горнякам разбить, раскрошить на части крепкую кристаллическую породу и сделать ее удобной для транспортировки наверх.

В одном из далеких штреков, где разработка уже давно не производилась, должна была находиться группа Петренко. Губанов легко нашел это место, ориентируясь по карте.

Но ученого на месте не оказалось. Лаборанты объяснили, что их руководитель заходил сюда несколько раз, но каждый раз исчезал неизвестно куда.

— Он чем-то очень взволнован, — заявил Губанову один научный сотрудник.

— Мы никогда не видели его в таком возбужденном состоянии, — добавил другой.

Губанов пожал плечами. Он попросил передать Петренко, что сейчас направляется к Шабалину и зайдет сюда на обратном пути.

У входа в грот, где работала группа Шабалина, Губанов заметил какое-то темное пятно. Директор поднял фонарь: в углу притаился человек. Он скорчился на коленях у стены, прижавая к ней что-то в виде ящика. Фонарь Губанова осветил знакомую приземистую фигуру.

— Петр Тимофеевич! — воскликнул удивленно директор. — Что вы тут делаете?

Петренко вздрогнул, выпрямился, все еще стоя на коленях, и, как показалось директору, загородил ящик. Шахтерская лампа в его руке погасла.

— Тише... — прошептал он в темноте. — Одну минутку...

Губанов направил луч своего фонаря на Петренко. Тот, торопясь и нервничая, отсоединял от продолговатого ящика электрические провода.

— Вы меня извините, — пробормотал он, засовывая обрывки проводов в карман и завертывая ящик в спецовку, которую он еще раньше снял с себя. — Я сейчас...

Сунув ящик подмышку, Петренко побежал по штреку, пригибаясь, словно от большой тяжести.

Директор, недоумевая, посмотрел ему вслед. Затем быстро направился в грот.

— Ну как? — спросил он, подходя к группе Шабалина.

— Сначала было все хорошо, — ответил тот, вытирая носовым платком руки, — а потом все заволокло. Словно радиопомехи какие-то... Но откуда им здесь быть, под землей?

* * *

— Попрошу вас, Николай Иванович, немедленно распорядиться насчет чая, — взволнованно сказал Петренко, обращаясь к директору. — Иначе никаких разговоров и быть не может...

Петренко был крайне возбужден. Шабалин с удивлением наблюдал за своим коллегой. В маленькой уютной гостиной царил полумрак. Настольная лампа с зеленым абажуром оставляла в тени лицо ученого, шагавшего из угла в угол.

— Как у вас успехи, Петр Тимофеевич? — спросил Шабалин, когда директор вышел распорядиться насчет угощения.

— У меня успехи? — ответил Петренко, круто останавливаясь перед ленинградцем. — Вы шутите? Вот у вас удача — это да! Есть с чем поздравить.

Он вдруг крепко пожал руку Шабалину. Рука Петренко была сухая и горячая.

— Я вас совершенно не понимаю, — недоумевал Шабалин. В последнее время вы говорите какими-то загадками.

— Загадка решена! — Петренко щелкнул пальцами. — Теперь я знаю, кто это бродил под землей!

В гостиную вошел директор. Вслед за ним внесли чай.

— Так вот, насчет этих скрипов и шорохов, о которых я вам уже говорил... — начал Петренко, усаживаясь за стол.

— Опять со своими таинственными звуками! — подумал директор. — Что они ему покоя не дают!"

— Много приходится слышать разных звуков с помощью подземной акустической аппаратуры, — продолжал Петренко. — А тут, представьте себе, как будто что-то немного знакомое... "Что это может быть?" думаю. Этаким характерный шорох с потрескиванием...

Рассказ не столько интересовал директора, сколько беспокоил его. Глаза Петренко горели, как казалось директору, ненормальным, болезненным блеском. Его веселость тоже была какой-то подчеркнутой и неестественной.

— Пейте чай, Петр Тимофеевич, — проговорил Губанов. — Остынет...

— Ах, да, да! Чай!.. — заторопился Петренко. — А вы почему не пьете?

Затем, не говоря больше ни слова, он вытащил из бокового кармана несколько блестящих ярко-красных камней и принялся накладывать их в стакан.

— Все! — мелькнуло в голове у директора. — Рехнулся! Кладет карналит вместо сахара..."

— Петр Тимофеевич... — кинулся к нему директор.

Его остановил предупреждающий жест Петренко.

— Тише! Одну минутку, тише... — торжественно произнес он, отодвигая стакан с карналитом на середину стола. — Слушайте!

Множество пузырьков начало бурно подниматься сквозь тёмно-красную жидкость чая. Из стакана, где растворялся карналит, слышался треск, сливающийся в непрерывное шипение.

— Слышите? — торжествуя воскликнул Петренко. — Слышите? Что это такое?

— Это вырывается из растворяющихся кристаллов так называемый микровключенный газ, — ответил директор. — Вот именно! — перебил Петренко. — Частицы газа вкраплены в кристаллы и находятся там под давлением чуть ли не в несколько десятков атмосфер... Газ, попавший в кристаллы еще при образовании кунгурского яруса пермской системы, теперь вырывается наружу. Как только стенки ячеек, в которых он находился, стали тоньше от растворения, газ вырвался из многовекового плена... Вам ясно, Константин Сергеевич?

— Не совсем, — проговорил Шабалин.

— Вы не догадываетесь, почему у вас на экране появляется туманная дымка? Газ-то становится электропроводным! Ну, а вам, физику, остальное все должно быть ясно.

— Вы хотите сказать...

Шабалин остановился. Слишком неожиданной была подсказанная ему догадка. Под влиянием дециметровых волн в породе возникают ионные процессы и происходит разогрев газа. Газ, расширяясь, ломает стенки и разрушает кристаллы. Значит, не годятся дециметровые радиоволны для разведки в калиевых рудниках. Разрушение кристаллов — вот о чем говорит дымка, появляющаяся на экране, которая мешает исследованиям.

Шабалин посмотрел на Петренко. Как наглядно и убедительно тот доказал бесполезность прибора Шабалина в калиевых рудниках! И этот жестокий удар был нанесен в присутствии директора, на совещании, созванном по требованию самого Петренко.

— Я установил, — продолжал все тем же радостно-возбужденным тоном Петренко, — что характерный этот шорох возникает именно тогда, когда работает ваша аппаратура, Константин Сергеевич. Слышу шорох — бегу к вашему штреку, смотрю: работает. Выключен ваш аппарат — и шороха нет. Вчера подтащил портативный акустический прибор прямо к вашему гроту. Бегать, уже был не в силах, устал... Всю эту ночь просидел за вычислениями... Простите, я, может быть, кажусь вам немного странным...

— Очень благодарю вас, — сухо проговорил Шабалин. — Вы уделили мне много внимания. Вы доказали, что применение моей аппаратуры в калиевых рудниках невозможно. Теперь мне не придется тратить время на решение безнадежной задачи.

Шабалин резко поднялся из-за стола.

— Позвольте, товарищи, — заволновался директор, ссориться вы опять собираетесь, что ли?

— Зачем ссориться! Из-за чего! — закричал Петренко, вскакивая со своего места. — Константин Сергеевич, дорогой! Разрешите мне расцеловать вас на радостях... Неужели вы не поняли еще? Да ведь перед нами открытие!.. И какое еще! Я очень рад, что помог в этом деле... Мощность передатчика мы увеличим и... Понимаете?

Петренко направился к Шабалину с широко распростертыми объятиями. И вдруг Шабалин с радостным криком бросился навстречу.

— Ионизация газовых ячеек!.. А я-то дурак! — кричал в восторге Шабалин. — Значит, чем больше мощность, тем гуще дымка, тем энергичнее разрушаются кристаллы... Петр Тимофеевич, дайте я вас поцелую!

“Ну, теперь оба они с ума сошли, кажется!” подумал директор.

В подземном гроте слышался стук металлических инструментов, хруст шагов. Заканчивалась установка нового, очень мощного прибора.

— Волнуетесь? — тихо спросил Петренко, подходя к Шабалину.

Вместо ответа Шабалин взял его под руку.

— Будем бороться вместе, — проговорил он. — Какие бы ни были первые результаты — не отступать! Вы мне доказали, что и неудачи много открывают.

Начало не предвещало ничего хорошего. После того как аппарат был приведен в действие, на стене появилось голубое пятно, озарившее грот слабым мерцающим светом. Прошло несколько минут. Голубое пятно потускнело. От стены отвалилось несколько мелких кусочков — как будто осыпалась штукатурка.

Это было совсем не то, чего ждали ученые.

— Укоротим волну, — предложил Шабалин. — Опять начались неудачи в этом заколдованном гроте.

Он подошел к аппарату и стал вращать рукоятку настройки. Яркость светового пятна увеличилась. Вот оно засверкало ослепительной голубизной. Несколько крупных кусков выпало из середины пятна.

Шабалин еще повернул рукоятку.

И вдруг стена, на которую было направлено излучение дециметровых волн, стала расплываться на глазах у зрителей. Шипели лопающиеся кристаллы. Казалось, тысячи невидимых острых игл впились в породу. В том месте, где сияло голубое пятно, стена рассыпалась, расплзлась.

Шабалин прикинул к аппарату. Голубоватое светящееся пятно пришло в движение. И всюду, куда падал луч, стена подземного грота оживала.

Мощный поток дециметровых волн, во много раз более сильный, чем тот, который применял раньше Шабалин для геологической разведки, нагревал микровключенный газ. Миллиарды газовых пузырьков ломали свои ячейки, вырываясь наружу. Разорванные изнутри кристаллы рассыпались в песок.

Это было феерическое зрелище. Невидимый радиолуч долбил твердую породу быстрее, чем врубовые машины и отбойные молотки, безопаснее, чем аммонит.

Директор подошел к стоявшим рядом ученым и положил руки им на плечи.

— А ведь я думал было, — сказал он улыбаясь, — что у вас в смысле товарищеских отношений не все ладилось. А оказалось, что у вас творческое соревнование!

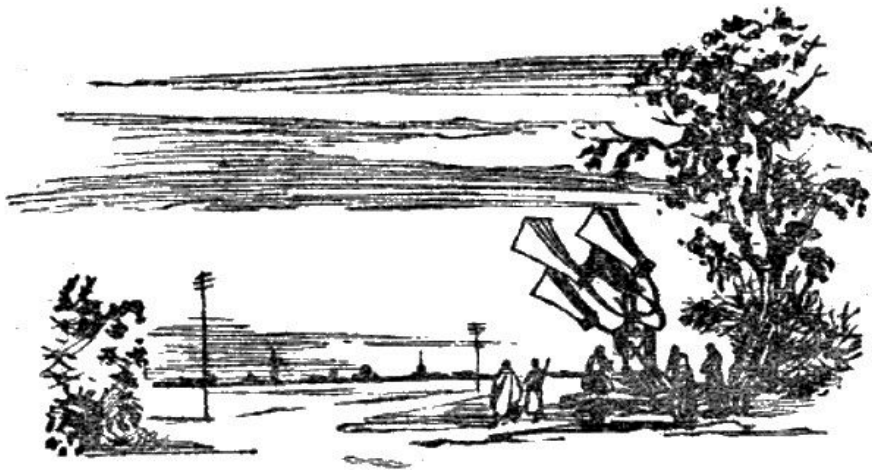
Шабалин щелкнул выключателем. Голубое пятно погасло. Прекратилось жужжание прибора. В наступившей тишине слышно было тихое потрескивание — точно угольки в глохнувшем самоваре. Остывающие в глубине кристаллы кое-где продолжали еще лопаться.

Петренко подошел к стене и приложил к ней ухо.

— Ну как, шуршит? — весело спросил директор.

— Шуршит! — ответил Петренко. — Слышите? Слабый шелест, как замирающая нота, медленно угасал под сводами подземелья.

ЭЛЕКТРИЧЕСКИЕ СНАРЯДЫ

Каждый удар, равномерно отбивавший секунды, гулко разносился под опустевшими сводами старинного институтского здания. Раньше этот привычный стук никому не казался таким громким — он терялся в говорливом шуме студенческой толпы. И только на закате хлопотливого дня, отражаясь многократно от высоких сводов бесконечных коридоров, он дополнял ту неуловимую торжественность, которой была наполнена вечерняя тишина старого здания.

Теперь же тикающие электрические часы, расположенные почти во всех комнатках Ленинградского политехнического института, вечером, ночью, утром и днем были единственным напоминанием о жизни. Всюду лежал отпечаток недавней и спешной эвакуации.

Но в одной из комнат часы не могли властвовать безраздельно. Она не была пуста, как остальные. Ее по-прежнему заполняли сложные физические приборы.

В комнате находился человек.

Лучи заходящего солнца красным пятном ложились на светлые волосы девушки. Однако Зоя (так звали эту девушку, дочь профессора Леонтьева) старалась спрятаться в тень, наклоняясь над низким лабораторным столом. Она вся ушла в строгую напряженность наблюдения. На флюоресцирующем круглом экране, находившемся перед ней, мерцали синие бегущие волны, все время менявшие свои причудливые формы. Девушка работала с катодным осциллографом — чудесным, живым воплощением высокой поэзии современной электронной техники.

Можно ли любоваться фантастической игрой синего узора, волнующегося на дымчатом белом экране, не интересуясь удивительной тайной процессов, протекающих в этом приборе! В нем работает буря мельчайших электрических зарядов — электронов. Они вырваны высоким потенциалом из раскаленной металлической нити и мчатся в пустоте стеклянной колбы в виде узкого луча, бомбардируя флюоресцирующий матовый экран. Именно этот электронный луч, способный быстро следовать за малейшими изменениями электрического поля, передвигаясь, рисует, подобно карандашу художника, на светящемся от его прикосновения экране синие штрихи. Катодный осциллограф — это сказочные очки физика. Через них он смог увидеть самые сложные, самые быстрые электрические процессы, невидимые, неосязаемые и ранее известные только математически, умозрительно...

Девушка внимательно следила за круглым экраном, прислушиваясь к стуку часов, и что-то записывала карандашом в тетрадь через равные промежутки. Ее молодое энергичное лицо выражало усталость. Неожиданно внимание девушки резко обострилось. Она замерла на месте с поднятым карандашом в руке, пристально вглядываясь в прибор.

Непонятное и странное изображение начало появляться на круглом экране. Оно росло, постепенно увеличиваясь и заполняя собой все видимое пространство. А вслед за этим снаружи донесся высокий улюлюкающий свист, проникший в лабораторию через заклеенные накрест бумагой большие институтские окна.

Девушка озабоченно приподнялась со своего места. Однако она все время продолжала следить за показаниями прибора, не спуская с него тревожного взгляда. Она видела, как исчезает странный рисунок, а вместе с ним удаляется и высокий пронзительный звук.

Долго еще прислушивалась Зоя. Она внимательно наблюдала за экраном, стараясь разобраться в случившемся. Но все было напрасно. Осциллограф работал по-прежнему. Непонятное, встревожившее ее явление исчезло вместе со звуком и уже больше не повторялось.

Немного взволнованная, девушка посмотрела на часы, чтобы заметить время, и принялась подробно записывать свои наблюдения в обыкновенную ученическую тетрадь, лежавшую перед ней на столе.

* * *

Когда осенние серые сумерки завладели огромным институтским парком и тучи черных галок с шумом заканчивали свой привычный спор, перед тем как устроиться на ночь, к большому жилому корпусу, расположенному почти в центре парка, медленно подошел высокий красноармеец в новой шинели. Он внимательно осмотрелся, прежде чем войти в парадный подъезд. Кругом было пусто. Да и само здание казалось совершенно безлюдным. Галки проводили входившего в дверь красноармейца громким хлопанием крыльев и разноголосым шумом.

Перед дверной дощечкой, слабо освещенной синей лампочкой, красноармеец остановился в нерешительности. “Профессор Леонтьев Петр Никанорович” — было выгравировано на ней размашистым почерком. От нажатия кнопки глухо, где-то вдали, задребезжал звонок. Но тишина лестничной клетки не нарушалась больше ничем. Никто не собирался открывать обшитую черной клеенкой большую, массивную дверь.

Красноармеец постоял некоторое время в раздумье и медленно направился к выходу в парк.

У одной из входных дверей в главный корпус института шла напряженная работа. Из урчащих и медленно маневрирующих автомашин, озаренных пучками синего света, пробивавшегося сквозь узкие щели фар, торопливо выгружались громоздкие ящики. Слышался скрип дверных пружин, отрывистые слова команды и обычные при переноске тяжестей глухие, шаркающие шаги. Это прибыла первая партия медицинского оборудования. Главный корпус занимался под госпиталь.

Долго стоял высокий красноармеец, наблюдая за происходящей разгрузкой.

Если бы Зоя Леонтьева, только что покинувшая свою лабораторию, пошла по центральной аллее, а не по узкой тропинке, сокращавшей ее путь к дому, она обратила бы внимание на этого человека, притаившегося у дерева. Но девушка прошла в стороне, глубоко занятая своими мыслями.

Быстрой и уверенной походкой направился красноармеец к входу в институт. Он прошел мимо работающих людей и очутился в одном из длинных боковых коридоров. Пробираясь в темноте и поминутно освещая электрическим фонариком шеренгу дверей, он старался разобрать прибитые над ними крохотные таблички с номерами. У одной из них красноармеец остановился прислушиваясь. Через некоторое время к доносившемуся издали слабому шуму разгрузки прибавились новые, звенящие звуки, собранные и усиленные пустым коридором.

Незнакомец осторожно открывал дверь, подбирая ключи.

* * *

Резкий и продолжительный звонок заставил вскочить Зою с постели. По установившейся у ленинградцев привычке, она ложилась не раздеваясь, на случай тревоги.

— Мне нужна товарищ Леонтьева! — послышался за дверью звучный голос.

В прихожую вошел лейтенант.

— Разрешите представиться, — проговорил он, снимая фуражку. — Лейтенант Ковалев... Я к вам по следующему вопросу... Мне поручено разыскать вас и договориться относительно эвакуации оставшегося оборудования лаборатории вашего отца. Вы, надеюсь, поедете с этим же эшелоном?

Совершенно произвольно у Зои опустились руки. Слово “эвакуация”, очень простое и ожидаемое ею уже несколько дней, показалось теперь каким-то новым и преждевременным.

— Вы знаете... — проговорила она немного неуверенно, — я, кажется, сейчас не могу... И оставшееся оборудование тоже увезти нельзя...

— Это почему же? — удивился лейтенант. — У меня есть распоряжение. Вот, пожалуйста, документы...

— Во всяком случае, — продолжала Зоя, рассматривая поданную лейтенантом бумагу, — мне необходимо задержаться здесь еще хотя бы на несколько дней. Дело, видите ли, в том... Я даже затрудняюсь вам объяснить... Сегодня вечером мною замечено очень странное явление... Мне нужно будет разобраться в этом. У меня есть подозрение, что...

Зоя остановилась на полуфразе. Слишком смутные были эти подозрения, и стоило ли о них говорить малознакомому человеку!

— Если вы можете, — предложил лейтенант, — то хорошо бы сейчас осмотреть оборудование. Мне необходимо получить представление о количестве и размерах приборов.

Вскоре они шли по парку, направляясь к главному корпусу.

— Вы думаете, мне самому легко покинуть Ленинград? — говорил по дороге лейтенант, как бы успокаивая свою спутницу. — Если бы вы знали, как трудно! Вот один мой товарищ...

Лейтенант не успел договорить, так как девушка неожиданно вцепилась в его руку.

— Смотрите... — прошептала она, указывая рукой по направлению темневшей впереди громады здания. — Вы видите?

— Нет, не вижу, — глухо ответил Ковалев останавливаясь.

Поднявшийся слабый ветер оживил редкие листья темных деревьев. Парк наполнился легким осенним шумом.

— Вон в том крайнем окне, — продолжала Зоя, — то появляется, то исчезает свет... Теперь видите?

— Да, вижу... Но почему это так вас встревожило?

— Кто-то бродит по комнате, где помещается наша лаборатория... Это свет электрического фонарика... А дверь заперта, и ключ у меня, — проговорила Зоя, увлекая лейтенанта вперед.

— Надеюсь, у вас там не хранится ничего секретного? — тихо спросил лейтенант, когда они уже находились в полутемном институтском коридоре. К лаборатории старались подойти бесшумно. Лейтенант попытался открыть дверь резким рывком, но она оказалась запертой.

— Ключ!.. — шопотом проговорил Ковалев. Однако дверь не открывалась ключом.

— Этого никогда не было раньше, — тихо заговорила Зоя. — Дверь всегда открывалась очень легко. Возможно, в замке ковыряли отмычкой и сломали его...

Наконец после долгих усилий щелкнул замок, и тяжелая дверь со скрипом открылась.

Лейтенант не сразу вошел в комнату. Он долго освещал лучом своего карманного фонарика все отдаленные углы, тщательно присматриваясь к причудливым теням, падающим от физических приборов.

В комнате не было никого.

— Вот видите! — сказал лейтенант, помогая девушке опускать светомаскирующие шторы. — Вы зря волновались. Наверное, перепутали окна.

Зоя хотела ответить, что расположение окон знакомо ей еще с детства и ошибиться она не могла, как вдруг замерла.

На дворе тихо шумел поднявшийся ветер. Четко стучали стенные часы, отбивая секунды. А откуда-то издали слышался высокий, нарастающий улюлюкающий свист.

— Что это за звук? — спросила девушка, подходя к лейтенанту.

— Это, кажется, снаряд, — ответил Ковалев. — И, по-видимому, крупного калибра. Вы разве не знаете, что немцы с прошлого вечера начали артиллерийский обстрел нашего района?

— Я так и предполагала, что это снаряд. Я еще вечером слышала этот свист. Но объясните мне, что это значит? Это не может быть обыкновенным артиллерийским снарядом! — быстро заговорила Зоя.

Не дожидаясь ответа, девушка кинулась включать рубильники на распределительном щите, и уже через несколько секунд синие зигзагообразные черточки забегали на круглом экране осциллографа.

— Что вы собираетесь делать? — спросил удивленный лейтенант. — О каком необыкновенном снаряде вы говорите?

— Одну минуточку, прошу вас... — сказала Зоя, с напряжением следившая за работой прибора.

Лейтенант осторожно, стараясь не шуметь, приблизился к девушке.

— Что это все значит? — опять заговорил он, всматриваясь в флюоресцирующую поверхность экрана.

В это время сквозь шум ветра опять послышался знакомый улюлюкающий свист пролетающего снаряда. Лейтенант увидел, как мерцающие синие черточки на экране начали быстро менять свою форму, замысловато изгибаясь и разрастаясь во все стороны. Резкие и высокие штрихи появились мгновенно, на какую-нибудь долю секунды заполнили собой весь экран, а затем изображение сразу исчезло. Откуда-то издали послышался грузный и глухой взрыв.

— Товарищ Леонтьева! — забеспокоился лейтенант. — Вам необходимо спуститься в бомбоубежище. Наш район под обстрелом.

Но девушка опять ничего не ответила. Как зачарованная смотрела она на экран.

— Вы видели? — прошептала она, как бы очнувшись.

— Я не понимаю, что вас так встревожило! — сказал лейтенант. — Вы, кажется, говорили о каком-то необыкновенном снаряде...

— Да... да... снаряды необычные. Простые снаряды не могли бы так влиять на мою осциллографическую установку. Мы обнаружили полет снарядов, несущих огромный электрический заряд. Тут существует какая-то тайна... Немцы применили новое оружие, — быстро заговорила взволнованная девушка.

Лейтенант долго смотрел на нее, соображая, насколько серьезно можно отнестись к такому заявлению. Он видел, как Зоя принялась что-то беспокойно искать на столе. Она открывала ящики в письменном столе, шарила на полу. Но поиски, очевидно, были напрасны.

— Здесь на столе я оставила свою тетрадку с записями, — проговорила она. — Сейчас тетрадки нет. Она исчезла.

* * *

Когда темно-багровые краски холодного осеннего утра появились на горизонте и предрассветная дымка тумана, покрывавшая пустые поля, стала более светлой, можно было видеть, как с остановившейся на дороге грузовой машины прыгнул высокий красноармеец в новой шинели. Он долго осматривался и наконец, выбрав нужное направление, быстро зашагал в сторону от дороги.

Вдали почти непрерывно грузно ухали орудия. Канонада часто сливалась в глухой продолжительный рев, порой уступая место отдельным, беспорядочно следовавшим один за другим раскатисто-громким ударам.

Красноармеец изредка останавливался и оглядывался. Позади, на фоне уже посветлевшего неба, неясно вырисовывались темные силуэты далекого города, над которым возвышался огромный золотой купол и две тонкие палочки шпилей. Это был Ленинград.

— Кто идет? Пропуск! — раздался голос часового у ограды из колючей проволоки.

Высокий красноармеец предъявил часовому бумажку. Тот долго вертел ее в руках, тщательно рассматривая с обеих сторон.

— Пройдите, — наконец сказал он и отодвинул щеколду калитки.

На небольшом пространстве, огороженном колючей проволокой, не было видно ничего, что могло бы броситься в глаза. Кое-где немного выделялись над землей плоские возвышения, свидетельствовавшие о том, что там были землянки. В одну из них спустился по узкой деревянной лестнице прибывший.

Он осторожно стал пробираться среди сложных электрических приборов, расположенных в подземном помещении. Сняв шинель, красноармеец уселся за стол и принялся делать отметки на лежащей перед ним десятиверстной карте.

Увлеченные напряженной работой, люди почти не обратили внимания на вновь прибывшего. Лишь один сержант, стараясь не шуметь, поднялся со своего места и подошел к красноармейцу.

— Ну как? Был в Политехническом? — спросил он шопотом, наклонившись к самому уху.

— Был, — тихо ответил красноармеец.

— Обнаружил?

— Сейчас не время, расскажу позже... Надо доложить начальнику.

Дверь отворилась, и в помещение быстро вошел подполковник.

— Товарищ Крихалев, почему нет сведений с шестого участка? — проговорил он, остановившись у входа.

Маленького роста, немного сутулый капитан, вскочивший со своего места при входе начальника, сделал несколько шагов вперед.

— Разрешите доложить, товарищ подполковник, — начал он. — Сводка подвергается дополнительной обработке. Сегодня ночью, в два часа тридцать восемь минут, зарегистрирована новая группа снарядов... — Зайдите ко мне через двадцать минут со всеми материалами, — пробасил подполковник и скрылся за дверью.

Капитан Крихалев подошел к одному из аппаратов и уселся на табуретку. Тишину в землянке нарушало лишь равномерное жужжание приборов.

Внимательно вглядывался капитан в освещенную крохотной электрической лампочкой горизонтальную панель над его аппаратом. По ней непрерывно ползла широкая бумажная лента, перематывавшаяся с одного барабана на другой. Несколько тонких чернильных линий, которые прибор чертил автоматически, медленно появлялись на ленте.

— Товарищ капитан! Разрешите доложить!..

Крихалев повернул голову и увидел перед собой недавно прибывшего в землянку красноармейца.

— Докладывайте.

— Рядовой Озеров прибыл из Ленинграда, где выполнял ваше поручение.

— Ну, и какие результаты?

Но красноармеец ничего не успел ответить. Из прибора послышался легкий шуршащий звук. Капитан немедленно повернулся к аппарату. Застыл на месте и красноармеец Озеров, впившись глазами в ползущую ленту. Одна из чернильных линий сделала резкий скачок. За ней последовали и другие. Через несколько секунд бумага покрылась зигзагами, пересекавшими иногда друг друга. Затем колебания линий стали уменьшаться, и из аппарата потянулась лента с ровными, параллельно расположенными черточками.

Крихалев посмотрел на часы и обрезал ножницами ползущую бумагу.

— Срочно расшифруйте, товарищ Озеров, — сказал он. — О результатах поездки доложите потом... Опять, кажется, по Ленинграду! — громко добавил капитан, подымаясь с места. — На этот раз, видно, очень крупного калибра.

Крихалев направился к выходу, провожаемый тревожными взглядами работавших у прибора людей.

В подземной комнате опять стало тихо.

Здесь находился звукометрический пункт. Это было сердце звуковой артиллерийской разведки осажденного города. Отсюда при помощи десятков чувствительных звукоприемников, микрофонов, расположенных в поле и соединенных проводами с регистрирующими приборами, велось наблюдение за звучанием пролетающих снарядов. В землянках находилась аппаратура, позволявшая определять по звуку местоположение неприятельской артиллерии.

На движущейся бумажной ленте последовательно отмечалось тонкими чернильными зигзагами прохождение снаряда над тем или другим микрофоном. Измерения полученных кривых и вычисления позволяли установить точку на карте, откуда был пущен вражеский снаряд. Звукометрическая разведка, уже давно существовавшая во всех армиях, довольно точно указывает расположение стреляющих неприятельских орудий.

Бессмысленный, варварский обстрел Ленинграда начался недавно. С сознанием большой ответственности работали люди звукометрического пункта.

Красноармеец Озеров, только что получивший задание, низко склонился над своим столом, изучая бумажную ленту, на которой было зарегистрировано прохождение нового снаряда.

В землянку возвратился капитан Крихалев. Он принялся налаживать свой аппарат, вставляя в него новую ленту. Скоро журчание его машины слилось с общим равномерным шумом, производимым остальными приборами.

Неожиданно Крихалев заинтересовался поведением красноармейца Озерова, сидевшего к нему спиной. Капитан стал все чаще поглядывать в его сторону. Вначале ему показалось, что Озеров слишком много глядит

по сторонам и, следовательно, не торопится с выполнением срочного задания. Затем он заметил, что красноармеец вытащил из кармана смятую ученическую тетрадь и принялся ее внимательно читать.

Все это необыкновенно удивляло капитана. До сих пор красноармеец Озеров, бывший студент Ленинградского политехнического института, работавший при звукометрическом пункте вычислителем, служил примером дисциплинированности и подчеркнуто-аккуратной исполнительности. Несколько дней тому назад он предложил начальнику пункта отпустить его в Ленинград, с тем чтобы получить из лаборатории, где он раньше работал, измерительные приборы, в которых временно ощущался большой недостаток. И вот сегодня, вернувшись из командировки, он держит себя очень странно.

Но то, что произошло дальше, окончательно поразило капитана.

Тихо и однообразно жужжали моторчики звукометрических машин. Иногда совсем приглушенно доносились в землянку далекая артиллерийская канонада.

Вдруг раздался громкий звук резко отодвигаемой и падающей табуретки.

Капитан увидел, что красноармеец Озеров быстро поднялся со своего места, держа в руках ученическую тетрадь, и, продолжая смотреть на нее широко открытыми глазами, бросился к выходу...

* * *

По тротуару одной из центральных ленинградских улиц почти бежала Зоя Леонтьева, аспирант Ленинградского политехнического института. Прохожие останавливались и, недоумевая, глядели ей вслед. Кроме взволнованного вида девушки, их интересовала одна маленькая подробность, которую, повидимому, совершенно не замечала сама девушка. За ней явно неумело следил низкого роста ефрейтор, одетый в потрепанную серую солдатскую шинель.

Сурово выглядела улица осажденного города. Нужно представить себе серое осеннее небо, мелкие капли влаги, почти висающие в воздухе, и блестящие от них гранитные фундаменты зданий. В разных, порой самых неожиданных местах регулируются моторы боевых самолетов. Тревожно разносится их гул, то громкий, то медленно умолкающий. Люди, идущие вдоль тротуаров, торопливы и хмуры. Их лица особенно сосредоточены. А над всем этим царит равномерный и глухой стук метронома, раздающийся из всех уличных репродукторов.

Медлен и как будто торжествен ритм этих ударов. Он проносится над городом, как бы управляя размеренностью его жизни. Ленинградцы привыкли к нему. Он как бы неотъемлем от забот дневной суеты и от напряженной тишины продолжительной ночи. Спокойный и медленный стук всегда говорит о том, что город боец зорко стоит на страже. Но если тоскливый вой сирены, пробегающий по всей гамме, начиная от низких до самых высоких тонов, возвещает о приближении воздушной опасности, то вслед за ним возникает уже частый и нервный стук метронома. Город меняет свой пульс. Он начинает биться усиленно, быстро, как в напряженном организме, готовом к борьбе не на жизнь, а на смерть...

Зоя остановилась у подъезда большого здания. Тотчас же остановился невдалеке и ефрейтор, следовавший все время за ней. Когда девушка скрылась в дверях, он медленно перешел на противоположную сторону улицы и принялся с сосредоточенным видом скручивать из газетной бумаги длинную козью ножку.

Сжимая в руках пропуск, Зоя торопливо поднялась по широкой мраморной лестнице и скоро очутилась в просторном кабинете, обставленном мягкой кожаной мебелью.

— Прошу садиться. Я вас слушаю, — раздался из-за стола добродушный голос.

Девушка заговорила быстро и энергично, нервно вертя в руках и без того измятый пропуск.

— Вы говорите, — сказал генерал, внимательно выслушавший ее объяснение, — что это не могут быть обыкновенные снаряды? Так-так... Интересно...

— Безусловно! — горячо продолжала девушка. — Моя установка, предназначенная для изучения электрических напряжений в атмосфере, не в состоянии реагировать на приближение обыкновенных снарядов. Это совершенно ясно...

— Так-так... И что же вы предполагаете?

— Можно предполагать все, что угодно, — продолжала девушка. — Для меня ясно только одно: эти снаряды содержат в себе какое-то электрическое устройство... Может быть, немцы посылают нам... снаряды с автоматическим управлением или управляемые по радио, — закончила она робко.

Генерал внимательно посмотрел на нее.

— Что-то нам пока ничего не известно о таких снарядах, — медленно проговорил он.

— Вот именно! Надо же принимать меры! — заволновалась девушка.

Через несколько минут генерал провожал Зою к выходу из своего кабинета.

— Так, значит, условились, — говорил он, пожимая ей на прощание руку. — Только смотрите, зря подвергать себя опасности не стоит... Бомбоубежище-то у вас там есть?

— Ничего, не беспокойтесь... Всего хорошего! — проговорила девушка, улыбаясь, и скрылась за дверью.

Скоро по мокрому от дождя тротуару Зоя Леонтьева быстро возвращалась обратно. За ней попрежнему следовал маленький ефрейтор, весьма неискусно выполнявший свою роль сопровождающего. Особенно трудно ему пришлось, когда девушка села в трамвай. Он еле успел вскочить в тот же вагон.

Ефрейтор не оставил ее и тогда, когда трамвай остановился у парка, где находился Политехнический институт. Стараясь быть незамеченным, шел он за ней по песчаным аллеям, то ускоряя, то замедляя шаг.

Вдруг резкий, оглушительный грохот с необыкновенной силой ошеломил Зою.

Девушка свалилась на мокрую траву, инстинктивно схватившись руками за голову. Синие быстро чередующиеся круги поплыли у нее перед глазами. Сквозь назойливый, звенящий в ушах шум послышался совсем недалеко протяжный человеческий крик.

“Что это такое? Неужели я ранена?” — смутно промелькнуло в голове у Зои.

Подняться ей удалось с большими усилиями.

Она увидела сзади себя облако черного дыма. Оттуда слышался тяжелый и приглушенный стон.

“Это снаряд”, — пронеслось у нее в сознании.

Когда дым немного рассеялся, можно было разглядеть, что вблизи разбитого дерева лежит на животе маленького роста человек в длинной, разорванной во многих местах и красной от крови шинели.

Вся испачканная кровью, тащила Зоя повиснувшего у нее на плече и еле передвигавшего ноги раненого ефрейтора. Совсем недалеко продолжали через равные промежутки рваться снаряды. Они пронзительно свистели, улюлюкали, а иногда проносились над головой со страшным ревом. Вблизи никого не было видно. Обычно в таких случаях люди прятались в бомбоубежища или плотно прижимались к стенам. Наконец, у самого входа в институтское здание обессиленную девушку встретили два красноармейца. Они бросились ей на помощь и бережно приняли на руки стонущего человека.

— Вот беда-то какая! — посочувствовал Зое один из красноармейцев. — Положить-то некуда! Госпиталь еще не развернут. Врачей поблизости нет. Куда же мы его понесем, а?

— Несите его ко мне наверх, — проговорила Зоя и быстро зашагала вперед, указывая путь.

Длинный институтский коридор гулко отозвался на тяжелые приглушенные стоны.

Перед дверью в свою лабораторию девушка удивленно остановилась. У входа стоял часовой, глядевший на ее испачканное кровью пальто немного подозрительно.

— Вы куда, гражданочка?

— Мне сюда, это моя лаборатория! Я здесь работаю, — ответила Зоя.

— Предъявите документы!

Зоя протянула ему свое старое институтское удостоверение.

— Леонтьева... Все в порядке. Можете открывать дверь, — проговорил часовой. — А кроме вас, никого не приказано сюда пускать.

В это время красноармейцы осторожно поднесли к дверям раненого.

— Тут вот только что ранило снарядом товарища, обратилась к часовому Зоя. — Нужно сделать перевязку. У меня там есть санитарная сумка.

— Вот уж не знаю... Приказано только вас... Конечно, человек раненый... это видно.

— Да кто вам приказал? Кто вас сюда поставил? — заволновалась Зоя.

— Поставил меня сюда лейтенант Ковалев, — ответил боец. — Он же дал мне соответствующую инструкцию.

Зоя поняла, что спорить бесполезно. Она прекрасно знала всю строгость воинского устава. В углу коридора, у окна, с помощью красноармейцев, притащивших матрац, было устроено ложе для раненого. Преодолевая усталость, девушка принялась за перевязку.

Раненый немного успокоился. Он долго смотрел на Зою тусклым, печальным взглядом, тяжело дыша и облизывая языком засохшие губы.

Начинало темнеть.

Далеко в конце коридора показались два санитар с носилками. Они шли, громко стуча сапогами и разговаривая на ходу.

Как заметила Зоя, их появление вызвало у лежавшего на полу ефрейтора беспокойство. Он делал видимые усилия, чтобы позвать ее к себе. Девушка поднялась со стула и наклонилась над раненым. Она внимательно стала прислушиваться к его слабому шопоту, по ей удалось разобрать лишь невнятные обрывки фраз.,

— ...За вами... следили... Вы хороший человек... Спасибо... Будьте осторожны... Я, наверно, умру... О-о-ой!..

Раздался глубокий стон, раненый закрыл глаза, и его лицо исказилось от боли.

Подошли санитары.

Тревожно смотрела Зоя вдоль коридора, провожая взглядом удаляющиеся носилки. Станные слова умирающего звучали у нее в ушах.

“За вами следили... Будьте осторожны... Что все это значит?” — думала Зоя.

Она вспомнила о свете карманного фонарика, виденном в окнах лаборатории, и об исчезновении тетради. Девушкой овладело смутное чувство нависшей опасности.

* * *

Перед начальником звукометрического пункта стоял капитан Крихалев.

— Сейчас пятнадцать часов восемнадцать минут, — сказал он, глядя на ручные часы. — Если мы выедем через четверть часа...

— А где этот Политехнический институт? — перебил подполковник, подходя к плану Ленинграда, висевшему на стене.

Он стал водить пальцем по карте.

— Двадцать три километра... потом еще восемь... Пожалуй, успеете...

Послышались тяжелые, быстро чередующиеся один за другим далекие залпы орудий.

— Надо бы с собой взять еще трех человек, — проговорил капитан Крихалев, приближаясь к карте.

— Возьмите... Конечно, возьмите! — согласился подполковник. — Вы наметили — кого?

— Ну и дела!.. Надо же, чтобы так... — продолжал он, глядя на капитана. — Ну, действуйте! Давайте быстрее... Чего же вы стоите?

Через несколько минут легковая машина, покачиваясь на ухабах, плохо освещаемых узкими полосками синего света, выехала из-за колючей изгороди и направилась в сторону шоссе. Вскоре она уже неслась по шоссе полным ходом.

* * *

Тревожной казалась теперь для Зои обстановка лаборатории. Тускло горела настольная электрическая лампочка. Она порождала на стенах причудливые длинные тени от стоявших на столе в беспорядке приборов.

Девушка прислушивалась к малейшему шороху. На дворе опять поднялся сильный ветер. Изредка было слышно, как ворочается и тихонько покашливает дежурящий у дверей часовой.

Зоя сидела у включенного осциллографа и следила за флюоресцирующим экраном.

Уже зарегистрировано было восемь снарядов. Они пролетали иногда где-то вдаль, а иногда проносились совсем близко со страшным шумом и ревом, после чего следовал приглушенный взрыв, заставлявший дребезжать оконные стекла. С возможной точностью девушка вела наблюдения, записывая время и показания своего прибора.

Стучали по стеклам крупные капли дождя, отрывистая барабанная дробь порой заглушала шум ветра.

— Товарищ Леонтьева! — послышался голос часового, после того как раздался совсем близкий взрыв. — Может быть, вам лучше уйти в бомбоубежище? Что-то уж он взялся за наш район...

Зоя поблагодарила часового и ответила, что уйти ей сейчас никак нельзя.

Девушка заметила намок на какую-то закономерность в результатах своих наблюдений. С интересом смотрела Зоя на только что выписанную таблицу. “Нет, уходить сейчас нельзя”, — думала она.

В дверях, весь мокрый от дождя, появился лейтенант Ковалев:

— Зоя Петровна, что же вы тут сидите!.. Это же просто безобразие! Идемте в убежище.

Вдали зазвенели посыпавшиеся оконные стекла.

— Я не могу сейчас прекратить наблюдения... Очень интересные результаты, — проговорила девушка, быстро записывая на бумаге очередное показание прибора.

Послышались приближающиеся голоса и топот ног. Лейтенант направился быстро к дверям и вышел в тускло освещенный коридор. Он увидел группу военных. Это были люди, прибывшие из звукометрического пункта.

— Куда вам, товарищи? — закричал лейтенант.

Но ответа уже не последовало. Раздался страшный грохот, потрясший все здание.

.....

Лейтенант стремительно бросился в лабораторию.

Освещая комнату электрическим фонариком, свет которого с трудом пробивался сквозь густую завесу пыли, он увидел страшную картину разрушения. Всюду валялись исковерканные физические приборы. Сквозь черные отверстия окон врывалась буря. Ветер носился по комнате, разгоняя едкий, удушливый дым.

У опрокинутого стола, уткнувшись лицом в белые груды обвалившейся штукатурки, неподвижно лежала на полу Зоя. Она продолжала судорожно сжимать в руке карандаш...

* * *

— Да... В свое время эта история причинила нам много беспокойства, — продолжал генерал нахмурившись. — Вы совсем ничего о ней не знаете?

Сидевший перед ним полковник отрицательно покачал головой.

— Кое-какие слухи у нас в Москве были, но уж очень противоречивые, — проговорил он задумчиво.

Седой генерал-артиллерист чиркнул спичкой и, закулив папиросу, поднялся со своего места. Лучи яркого зимнего солнца, косо тянувшиеся от окна через весь кабинет, пронизали подымающиеся сверху клубы сизого табачного дыма.

— Приходит ко мне девушка, — продолжал генерал, расхаживая по комнате. — Да вы, наверное, слышали о профессоре Леонтьеве? Так это его дочь. Ну вот. Спрашиваю я ее, что случилось. Оказывается, заметила, представьте себе, очень странное и необъяснимое явление... Нужно сказать, что у них в институте имелаась установка, изготовленная перед самой войной, для изучения электрических напряжений в воздухе. Очень совершенный прибор, построенный, как говорится, на основе новейших достижений науки и техники, а по существу, сравнительно простой. Установили они на крыше несколько антенн, расположенных в строго определенном порядке, и соединили их с катодным осциллографом. Малейшие изменения в электрическом состоянии атмосферы прекрасно наблюдаются с помощью этого прибора...

Я, признаться, очень удивился заявлению девушки... Она мне говорит, что немцы не иначе, как стреляют по Ленинграду какими-то особыми снарядами... электрическими. “Моя осциллографическая установка, — говорит, — совершенно ясно указывает, что снаряды несут с собой огромный электрический потенциал. Не могут же обыкновенные снаряды хоть сколько-нибудь влиять на мои приборы!” — “Действительно, — думаю я. — Надо будет разобраться...” Теперь слушайте дальше. На одном из наших звукометрических пунктов работал вычислителем красноармеец Озеров. Николай Озеров.

Генерал возвратился к столу и уселся в свое кресло.

— Это бывший студент Политехнического института, — продолжал генерал. — Он много лет работал в лаборатории профессора Леонтьева. И вот, представьте себе, посылают этого самого Озерова в командировку в Ленинград, для того чтобы он достал измерительные приборы, в которых ощущался временный недостаток. Приезжает он в Политехнический. Смотрит — опоздал. Ему говорят, что институт и все лаборатории уже эвакуировались, госпиталь разворачивается. “Ну, — думает, — давай попробую попасть в помещение своей лаборатории. Может быть, там что осталось из оборудования”. Подходит к дверям лаборатории. Пробует открыть — заперто. Тогда он вспоминает, что ключ от его квартиры открывает этот замок. Заходит в лабораторию. “Удивительно, — думает, — почему они оставили столько аппаратуры?” Посмотрел — и ничего подходящего для звукометрической станции нет. И вот, собираясь уходить, он прихватил с собой тетрадь с карандашными записями, сделанными хорошо знакомым почерком Зои Петровны. “Дай, — думает, — возьму на память, а заодно посмотрю, чем они тут без меня занимались!” Ему и в голову не приходило, что Зоя Петровна еще не уехала... Генерал, улыбаясь, посмотрел на своего слушателя.

— Так вот, — продолжал он после паузы, — возвращается Озеров в свою часть и начинает рассматривать взятую тетрадь. И что же он видит? Как раз заметки об этом странном явлении, наблюдавшемся Зоей Петровной! Начинает понемногу соображать. Видит — дело не совсем ладное... И, представьте себе, догадался! Ну, ему, конечно, было куда проще, чем самой Зое Петровне, он ведь все-таки работал по наблюдению за полетами снарядов...

— И что же это оказалось? — с нетерпением спросил полковник.

— Вы послушайте дальше... — продолжал генерал. — Получилось интереснейшее положение! Два человека, совершенно не сговариваясь, работают в одну и ту же ночь над одним и тем же делом. Озеров на звукометрическом пункте регистрирует и обрабатывает все данные о снарядах, пролетающих по направлению к Политехническому, а Зоя Петровна в это же самое время записывает показания своей установки, не обращая внимания на обстрел...

— Ну, а снаряды-то действительно оказались электрическими? — опять переспросил полковник.

— В том-то и дело... Да вы же слушайте по порядку... Все это чуть было не кончилось весьма печально. Снаряд угодил в стену помещения, в котором работала Леонтьева. Девушка чуть было не поплатилась жизнью. Полтора месяца пролежала в госпитале... Попадание снаряда произошло как раз в тот момент, когда в Политехнический приехали, люди из звукометрического пункта вместе с красноармейцем Озеровым. Ну вот... Сверили записи... Видят — прекрасно совпадают. Даже направление полета можно определить по показанию осциллографической установки. Привезли с собой все данные и карты. Тут им легко было сравнивать: направления по звукометрическим данным известны. Смотрят сигналы, показанные осциллографом. Намечают точки на карте. Сразу можно составить новую таблицу. — Генерал поднялся со своего места. — Пойдемте-ка на минутку со мной, — проговорил он. — Я вам кое-что покажу.

Они спустились этажом ниже и очутились в просторной комнате. На столах, поставленных вдоль стен, виднелся целый ряд непонятных приборов. Возле работали люди, по-видимому занятые их сборкой и регулировкой.

— Вот полюбуйтесь! — заявил генерал, указывая на приборы. — Новая, недавно разработанная аппаратура для определения траектории неприятельских снарядов системы Зои Леонтьевой и Николая Озерова.

— Позвольте, товарищ генерал, — забеспокоился полковник, — я ничего не понимаю. Снаряды-то действительно были электрические?

— Какие там электрические! — ответил генерал. — Никаких электрических снарядов у немцев не было, а теперь уже и не будет. Все оказалось очень просто объяснимым. Осциллографическая установка, с которой раньше работала Зоя Петровна, прекрасно определяла направление самых обыкновенных снарядов. Видите ли, в чем дело: всякий снаряд благодаря трению о воздух всегда наэлектризовывается высоким потенциалом. Вот его и обнаруживала аппаратура, предназначенная для измерения электрических напряжений в воздухе. Теперь понимаете, в чем дело?... Вот уже заканчивается первая серия, предназначенная для Ленинграда, — продолжал генерал. — Работают приборы необыкновенно точно, куда лучше звукометрической аппаратуры. Там, знаете, влияет на показания ветер. Приходится делать поправки. Потом скорость обработки полученных сведений при новой аппаратуре быстрее... Пойдемте, я вас познакомлю с авторами этого изобретения.

Генерал и его спутник вошли в маленькую комнату. У стола, заваленного грудой чертежей, стояли Зоя Леонтьева и Николай Озеров.

* * *

В этот же день Зое предстояло еще раз мысленно вернуться к пережитым ею памятным осенним дням.

— Зоя Петровна, вас кто-то спрашивает!

Выйдя за дверь, девушка отшатнулась от неожиданности: перед ней стоял низенького роста ефрейтор, которому она оказала когда-то первую помощь после ранения.

— Здравствуйте, товарищ Леонтьева! Насилу вас разыскал. Вы уж извините меня за беспокойство, — проговорил он смущенно. — Я пришел поблагодарить вас... Этого я не забуду никогда.

— Спасибо, товарищ ефрейтор, за внимание... — проговорила Зоя, стараясь что-то вспомнить. — Скажите... или мне это показалось, или вы говорили на самом деле... вы говорили, что мне угрожает какая-то опасность... что за мной кто-то следит...

Ефрейтор широко и простодушно улыбнулся:

— Говорил... действительно... Ну а как же! Зоя смотрела на него, ничего не понимая.

— Как же! — продолжал ефрейтор. — Я же за вами и следил. Мне тогда лейтенант Ковалев поручил. “Я, — говорит, — у дверей в лабораторию часового поставлю, чтобы, значит, туда какие-нибудь диверсанты не забрались, а ты, будь так добр, ежели она куда пойдет, так, значит, чтобы не одна”. Лейтенант мне объяснил, что у вас вроде какого-то военного изобретения получилось, ну и надо быть внимательным на случай, ежели враги что-либо будут предпринимать. Одним словом, поручил мне вас охранять незаметно. “Ты временно, — говорит, — пока все наладится. А то, вот видишь, тетрадку с важными формулами уже украли”.

Девушке все стало ясно. Она еще раз крепко пожала руку ефрейтору.

— Лейтенант Ковалев-то уехал сразу после вашего ранения, — продолжал он, — а мне без него больших трудов стоило вас разыскать. Да каждому объясняй — что и зачем...

Когда ефрейтор ушел, Зоя вернулась в свою комнату и принялась за работу.

На душе стало радостно и тепло. Ласковый солнечный свет, рассеянный матовой пеленой замороженных стекол, наполнял маленькую комнату.

Но тогда это еще не был полный свет солнца. Над городом-героем висела черная тень голодной блокады. В комнате было холодно. Девушка и ее старый школьный товарищ были одеты по-зимнему.

Они работали окоченевшими руками.

УГОЛЬНЫЙ ГЕНЕРАТОР

Как будто вот сейчас стоит передо мной друг моих ранних юношеских лет Семен Крапко, задумчивый украинский хлопец с ясными голубыми глазами, немного сутулый и очень серьезный.

Семен был не намного старше меня. Мы жили в маленьком уездном городишке, заброшенном за двадцать километров от ближайшей железной дороги и изрядно разрушенном во время недавно окончившейся гражданской войны. Я ученик реального училища, а он помощник машиниста в местной механической мастерской — оба мы были страстными любителями физики и электротехники. Неутомимые экспериментаторы и мечтатели, мы обладали умением видеть в обыкновенном заржавленном электрическом звонке вполне реальную основу для изготовления мощной искровой радиостанции.

Нас связывала крепкая юношеская дружба.

Странная история, которую я собираюсь рассказать, началась, собственно говоря, с того момента, когда мне сообщили о случае с кладбищенскими крестами.

Однажды поздно вечером подходит ко мне на улице старушка и говорит:

— Как тебе только не стыдно, Сереженька! Не пройдет тебе это так... Вот, погоди, вспомнишь мои слова. Разве можно глумиться над усопшими!

— Не понимаю, бабушка, к чему вы мне все это говорите, — отвечаю ей.

— Полно тебе! Не понимаешь! — продолжает она. — Ты же все-таки мальчик из интеллигентной семьи. Стыдно тебе. Пусть уж Крапко или, предположим, тот же Грицько Горобец, которого только что в милицию повели, так они из темного народа. А тебе непростительно!

Старушка погрозила пальцем и медленно побрела своей дорогой. Я долго смотрел ей вслед.

При упоминании имени этого мальчишки, Грицька Горобца, страшное подозрение появилось у меня.

Дело в том, что совсем недавно он притащил нам цинковые пластинки, вырезанные из какого-то сосуда странной формы. Цинк нам был нужен для изготовления гальванических батарей, и мы просили Горобца достать еще.

“Так вот из какого цинка мы мастерили с Семеном нашу батарею! — мелькнула страшная догадка. — Неужели Горобец утащил с кладбищенского креста цинковую овальную коробку, в которой обычно висят венки, и выдал ее за бывший умывальник?”

Я тотчас отправился к Семену.

Путь мой пролегал как раз мимо нашего единственного городского кладбища. Иду я по узкой тропинке и стараюсь почему-то поменьше смотреть в ту сторону, где виднеются темные силуэты крестов. Не то чтоб я был в то время пугливым, а просто так. На душе как-то было нехорошо. Видно, от сознания, что я косвенным образом стал соучастником в осквернении могил. А ночь чудная. В пряном весеннем воздухе необычайно тихо. Над самыми верхушками деревьев повисла луна, озарившая шпиль колокольни маленькой кладбищенской церкви. Откуда-то чуть слышно доносятся девичьи голоса, поющие песни.

Неожиданно меня поразила очень странная вещь. Мне показалось совершенно отчетливо, что на шпиль колокольни вспыхивают какие-то голубоватые огоньки. Я даже остановился. Что такое?... Начинаю с некоторым страхом всматриваться. Как будто уже ничего нет... Но ведь было же, совершенно отчетливо!

Помню, что после этого я пошел как можно быстрее и вскоре стоял перед знакомой хатой Семена, запыхавшийся и немного взволнованный.

* * *

Комнату моего друга Семена описать очень трудно.

Для того чтобы по ней можно было свободно передвигаться, следовало бы прежде всего перерезать не менее полусотни проводов, протянувшихся в самых разнообразных направлениях. Единственный стол завален вещами, каких не увидишь ни в какой другой хате. Тут самодельные динамомашины, электрическая машина, индукционная спираль, разные грубо сделанные электроизмерительные приборы, а больше всего — банок. Они служили нам для изготовления самых разнообразных гальванических элементов.

Над столом горела крохотная электрическая лампочка для карманного фонаря, получавшая электроэнергию от батареи, правда размера огромного, но зато весьма оригинальной конструкции. Электрического освещения, конечно, в то время в городе не было, и эта лампочка, озарявшая жиденьким светом белые стены хаты, вызывала восхищение у многих жителей города и необыкновенно подымала среди них наш авторитет.

Одним словом, комната Семена была своеобразной лабораторией, где мы проводили свои непонятные многим опыты по электротехнике.

Конечно, какой-нибудь инженер-электрик подивился бы, как мы смастерили все эти приборы из таких неподходящих материалов. Стоило бы ему посмотреть хотя бы на динамомашину, построенную из кровельного железа. Еще больше поразился бы инженер, если бы узнал, что мы не только строим свои электрические приборы, но и производим с ними опыты, стараясь найти новые, еще неведомые пути в электротехнике. Ко всему этому нужно добавить, что на изготовление самодельных приборов и опыты с ними Семен тратил значительную часть своего скудного заработка.

* * *

Мой друг встретил меня в каком-то сильно возбужденном состоянии, в котором я никогда его раньше не видел.

— Семен! Грицько Горобец воровал цинк... — начал было я.

Но он резко перебил меня. — Тише!.. погоди немного... Опять начинается... — проговорил Семен шопотом.

Босиком, с засученными рукавами, он стоял посредине комнаты, протянув дрожащую руку к большому самодельному вольтметру, установленному на краю стола. Я с удивлением смотрел то на качающуюся стрелку вольтметра, то на Семена, то на его черную, тень, резко обрисовавшуюся на белой стене. В низенькой комнате пахло чем-то паленым.

— Видишь? — зловеще прошептал он. — Ток больше одного вольта...

Я почему-то вспомнил, что в наших батареях поставлен цинк, украденный с могилы, и мне сделалось немного не по себе.

— Семен! — начал было я опять. — Цинк, который в батареях...

— Какой там цинк! — вдруг заорал на меня Семен. — Сейчас не цинк, а уголь... Ты понимаешь: уголь! Вот так уже целый вечер. То появляется, то исчезает. Ты понимаешь? А совсем недавно...

Он схватил меня за руку и потащил к столу.

Стрелка вольтметра качалась какими-то лихорадочными рывками. Иногда она показывала довольно высокое напряжение.

Вот тут-то я и заметил нечто такое, что заставило меня вздрогнуть от неожиданности... Прямо передо мной было маленькое окошко. Яркий лунный свет заливал находившуюся рядом кладбищенскую церковь, и она была хорошо видна из окна. Теперь, когда уже прошло много лет, я продолжаю помнить все это вполне отчетливо. Семен же в то время, будучи немного близоруким, кажется, больше поверил моим словам, чем увидел собственными глазами. Может быть, поэтому он так упорно, но совершенно бесплодно продолжал свои опыты даже тогда, когда уже стало ясно, что их нужно было бы отложить до лучших времен.

Я увидел совершенно ясно, как вблизи церковного шпиля вспыхивают голубоватые огоньки, смутно виденные мною уже раньше. Но самое замечательное было в том, что каждая вспышка обязательно сопровождалась резким увеличением напряжения в нашем вольтметре.

— Видишь, Семен? — бормотал я захлебывающимся от возбуждения голосом, показывая пальцем на окно.

— Да, да... Что?.. — забеспокоился он, крепко сжимая мою руку.

— Церковная колокольня... сверху... слева...

Но в это мгновение я уже тоже ничего не увидел. Темная человеческая фигура неожиданно выросла перед нашим окном и все заслонила собой. Раздался настойчивый стук, и через минуту в нашу комнату-лабораторию входили два рослых милиционера в серых солдатских шинелях.

— Будем делать обыск, — деловито проговорил один из них.

Только теперь я вспомнил, что не успел сообщить Семену о грозившей нам неприятности.

— Что за дьявольщиной вы там занимаетесь? — строго спросил нас круглолицый, низкорослый начальник уездной милиции, когда мы пришли к нему.

Мы сидели на табуретках в просторной комнате, наполненной запахом махорки и сапог, обильно смазанных дегтем.

Мы явились в милицию с полным сознанием своей невинности, так как действительно не знали, откуда Грицько Горобец доставал цинк. Начальник был известен в городе как добродушный и веселый человек. Бояться его у нас не было никаких оснований.

— Алхимики вы, что ли? — спросил он улыбаясь.

— Нет, мы не алхимики, — ответил я. — Мы электротехники-экспериментаторы.

— Электротехники? Так зачем же вы пользуетесь крадеными кладбищенскими принадлежностями?

— Мы не знали, что они краденые, а тем более кладбищенские, — отвечал я. — Нам просто были нужны цинковые пластинки.

— Цинковые вам нужны... А почему именно цинковые? А железные? Железные вам не нужны! Как насчет крыш — я могу быть спокоен?

Семен был задумчив. Видно, он продолжал размышлять о прерванном опыте и его необыкновенных результатах.

— Ну-ка, объясните, зачем вам нужен цинк? — настаивал начальник.

— Вы, конечно, знаете, как устроены гальванические элементы... — начал я неуверенно.

— Нет, не знаю, даже понятия никакого не имею, — ответил начальник, откидываясь на спинку стула. — Это которые для звонков, что ли?

Голос начальника показался мне настолько добродушным, что я решил объяснить ему все как можно лучше.

— А вы вот возьмите банку с водой, — начал я немного неуверенно, — и насыпьте туда столовой соли, чтобы вода лучше проводила электричество...

— Ну...

— А дальше в эту же банку нужно сунуть медную пластинку и цинковую пластинку... Только смотрите, чтобы они не соприкасались друг с другом.

— Ну и что? — А то, что вы сразу получите простейший гальванический элемент. На концах проводников, прикрепленных к пластинкам, образуется электрическое напряжение...

— До чего просто! — удивился начальник.

— Вы понимаете? — продолжал я. — Цинк-то окисляясь в жидкости, то-есть соединяясь с ее кислородом, ведь должен выделять энергию. Ну так же, как, скажем, уголь, который выделяет энергию в виде тепла, когда окисляется на воздухе, иначе говоря — сгорает. Куда деваться энергии от окисления цинка, я вас спрашиваю? Ну вот она и превращается в электрический ток. Сгорая незаметно в жидкости, цинк вырабатывает электроэнергию. Вам понятно?

— Да так как будто бы сравнительно ясно, — угрюмо проговорил начальник.

— Иногда медная пластинка, — продолжал я, — заменяется пластинкой из прессованного угля. Она, так же как и медная, не растворяется в жидкости, а служит только для того, чтобы выводить электрический ток из жидкости.

— Ну, а цинк разве нельзя ничем заменить? — осторожно спросил начальник.

— Цинк ни в коем случае, — твердо ответил я. — Без него пока что немислим ни один практически работающий элемент. Разве только вот что...

Я вопросительно посмотрел на Семена, не зная, можно ли открывать нашу тайну. Но начальник не заметил моего замешательства.

— Очень жалко, — проговорил он со вздохом, видно вспоминая про ограбленное кладбище.

— Вот что, — продолжал начальник. — Все для меня ясно. Спасибо, конечно, за популярное объяснение. Мне непонятно только, зачем вам необходимо такое количество этих самых элементов. Ну сделали один, ну два. Я понимаю, что вы большие любители этого дела. Но почему, я вас спрашиваю, все кладбище обезображено? Так же нельзя, ребята! У нас тут, конечно, нигде цинка и не достанешь, но нельзя же допускать надругательство над мертвецами!

— Мы делаем опыты, — понурясь, проговорил Семен. — Мы хотим построить такую батарею, чтобы она могла освещать весь город...

— Что? — переспросил начальник. — Весь город? Да раз вы объясняете, что без цинка никакие батареи невозможны, то на какие такие кладбища вы надеетесь?

И вот тут-то Семен неожиданно для меня открыл перед начальником нашу тайну.

— Это мы делаем предварительные опыты, — начал он, — так сказать, практикуемся. А дальше нам цинк не нужен будет. Мы придумываем такой гальванический элемент, у которого растворялся бы не цинк, а уголь. Пусть уголь сгорает в элементах и за счет этого получается электроэнергия. Тогда незачем его будет сжигать в топке паровой машины, чтобы получать электричество от вращения динамо. Электростанции будут не нужны...

Начальник улынулся.

— А разве без вас не нашлось умников, чтобы так сделать? — весело спросил он.

— Нет, не нашлось! — горячо вставил я.

— Значит, электростанции, по-вашему, зря строят? — продолжал начальник.

— Не могут еще люди превращать химическую энергию угля непосредственно в электрическую, — торжественно заявил Семен, приподнимаясь с табуретки. — Вот потому и электростанции строят с паровыми машинами.

— Подождите! — заволновался начальник и тоже поднялся со стула. — Машина ведь дает огромную силу, а сколько же нужно будет элементов, чтобы осветить даже такой маленький город, как наш?

— А это и не важно! — кипятился Семен. — Нужно сначала разрешить проблему самого превращения, а уж потом думать о мощностях. Вы считаете, что электростанции с динамомашинками строят от хорошей жизни. Вы думаете, что это для удовольствия сжигают уголь в топках паровых машин, чтобы потом вращать динамо. Ничего подобного! Нигде в мире не умеют сжигать уголь так, чтобы сразу получилась от него электроэнергия непосредственно. Вот с цинком получается в гальванических элементах, а с углем нет... А ведь химической энергии, заключенной в угле, в несколько десятков раз больше, чем в цинке!

Видно, мы подняли в кабинете начальника такой шум, что в отворившиеся двери стали заглядывать милиционеры, впервые в жизни увидевшие милицкий допрос, превратившийся в научный диспут.

— Что значит — от хорошей жизни? — уже кричал начальник. — Раз строят паровые электростанции, так, значит, они нужны!

— Да, нужны, — язвительно продолжал Семен. — Паровая машина в среднем только пять-семь процентов тепловой энергии, заключенной в угле, превращает в энергию вращения вала. Да потери при передаче вращения на динамо. Да потери в самой динамо. Вот и превращается в электричество только часть того, что можно было бы превратить полностью.

— А вот в гальванических элементах, — вмешался я, — химическая энергия, заключенная в цинке, почти полностью превращается в электрическую. Процентом пятнадцать-двадцать всего потерь. Это научно доказано. Вот если бы так с углем можно было сделать...

Начальник засунул руки в карманы и стал смотреть на нас серьезно.

— И что же у вас... что-нибудь там получается? — опять спросил он, усаживаясь за стол.

— Видите ли... — проговорил Семен, немного смутившись. — Как раз вчера... Правда, ток то появлялся, то исчезал...

— Тут очень странная вещь, — перебил я Семена. — Мною замечено, что сильное напряжение появлялось, когда на кладбищенской колокольне... вспыхивал...

Я остановился и не знал, как мне дальше объяснять. И когда я наконец рассказал о своих наблюдениях, начальник долго и внимательно смотрел на меня с удивлением.

— Это мне нужно будет разузнать. Очень забавно!.. Очень интересно!.. — проговорил он. — Ну что ж, ребята, идите сейчас домой. Я к вам скоро приеду, Надо будет помочь вам, пожалуй, — закончил он, поднимаясь со стула, чтобы проститься с нами.

* * *

Мы сидели в комнате Семена и с тоской глядели на нашу батарею, у которой вместо цинка должен был расходоваться уголь. Она была совершенно безжизненна. Прямо не верилось, что еще вчера получалось от нее напряжение. Тут была какая-то очень большая загадка.

Пробовали построить такой гальванический элемент, конечно, и до нас. Если, например, в раствор серной кислоты насыпать бертолетову соль, то образуется такое сильно окисляющее соединение, что оно может при некоторых условиях окислять даже уголь. В элементе с такой жидкостью уголь уже растворяется вместо цинка. Но напряжение такого элемента ничтожно. Ток можно обнаружить только очень чувствительным прибором. А уж о том, чтобы он мог заменять электростанцию, и говорить не приходится. Но вот вчера...

Здесь происходило, по-видимому, нечто такое, что было нам совершенно неизвестно. Ясно, что происходило случайно. А что именно, мы не могли догадаться. Мои мысли все время возвращались к странному свечению на колокольне, так как я ясно видел, что напряжение в свое время появлялось именно в этот момент. Но Семен, который никакого свечения, кажется, так и не видел, не придавал этому большого значения и продолжал копаться в стеклянных банках, наполненных мутной жидкостью.

Время тянулось медленно. Какая-то воинская часть проходила через город, и повозки, груженные разным имуществом, бесконечно тянулись мимо нашего окна. Я было решил пойти к кладбищенской церкви, чтобы на месте обследовать возможную причину странного свечения, виденного мною, как вдруг на пороге неожиданно появился начальник милиции.

— Здорово, орлы! — весело закричал он, входя в нашу комнату. — Ну, как ваша гальваническая электростанция? Можно уже устанавливать столбы?

— Плохо дело, — ответил я. — Нет сегодня никакого напряжения. А вчера было... Серьезно, было.

— Так чего же вы приуныли? — продолжал начальник, усаживаясь на стул. — Раз вчера было, так, значит, когда-нибудь опять будет... Ну и алхимию вы тут развели, ежели посмотреть кругом!

Начальник с восторгом осматривал нашу лабораторию.

— Так где тут у вас батарея, у которой вместо цинка работает уголь?

— Вот она, — мрачно протянул Семен, указывая на банки, из которых торчали грубые, необтесанные куски кокса.

— Да, кстати, — проговорил начальник. — Я постарался узнать насчет свечения на колокольне, которое вы вчера видели. Это воинская часть, что проходит через наш город, вчера устанавливала свой радиопередатчик, ну и антенну протянули на колокольню. Антенна, говорят, иногда светится в темноте при сухом воздухе — от напряжения, что ли. Одним словом, электричество вроде как бы утекает в воздух. Сегодня антенну уже сняли.

Я замер от неожиданности. Семен уронил большой кусок кокса прямо в банку с подкисленной водой; в лицо ему брызнул фонтан, но он не обратил на это никакого внимания.

Так вот где могла быть причина того, что вчера наш угольный электрогенератор вдруг неожиданно начал работать! Как же теперь повторить этот опыт?

Однако сколько ни бились мы, сколько ни ставили самых разнообразных опытов, наша угольная батарея оставалась мертва.

* * *

Прошло много лет.

Время разделило меня с другом моего детства Семеном Крапко. Я совершенно потерял его из виду.

Но вот недавно, проходя по улице, я неожиданно остановился возле афиши, наклеенной на стене. Буря далеких воспоминаний нахлынула на меня... Не может быть! Неужели это “он”?

Вот что значилось в афише, напечатанной крупными буквами на глянцево-красной бумаге:

“Профессор доктор технических наук С.М.Крапко прочтет публичную лекцию на тему “Достижения советской науки в области прямого преобразования химической энергии в электрическую”.

В зале, где должна была состояться лекция, я появился одним из первых. Какое-то необычайно радостное состояние не покидало меня ни на минуту. И шум собирающейся публики и яркое освещение зала казались мне праздничными, необычными. Мне хотелось обратиться к своим соседям по местам и сказать им:

“Ведь это мой Семен сейчас будет выступать перед вами! Друг моего детства, тот самый Семен, вечно измазанный маслом, помощник машиниста, который раньше ходил босиком... Подумайте только, кем стал он теперь!” Я с трудом сдерживался, чтобы не выполнить свое желание.

Я сидел в первом ряду и улыбался своему другу детства — солидному, очень внушительного вида профессору. Может быть, только мне удавалось улавливать в его спокойно лившейся речи слабый украинский акцент. Профессор не видел меня и не знал, что я здесь...

* * *

Несмотря на позднее время, сразу же после лекции мы, по настоянию Семена, отправились в его институт. Профессору не терпелось показать мне свою лабораторию.

— А помнишь, Семен, — говорил я, глядя в лицо моего друга, слабо освещенное сквозь стекла машины вечерними огнями столичного города, — помнишь историю с нашими опытами у тебя в хате, когда на колокольне появлялся свет?

— Ну а как же! — весело отвечал профессор.

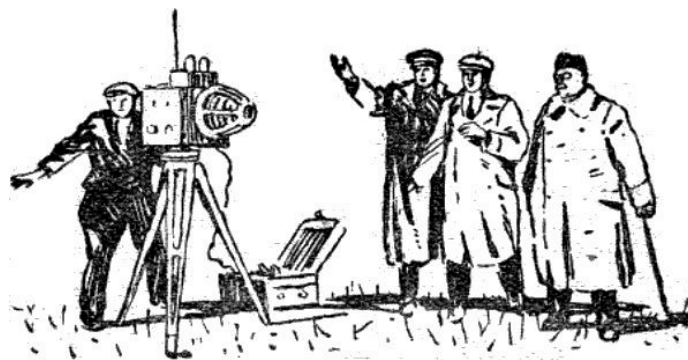
— И что ж это было тогда? Неужели действительно получилось превращение химической энергии угля в электрическую?

— К сожалению, нет, — отвечал профессор. — Все объяснялось иначе... Провода, развешенные по хате, послужили антенной, принимавшей мощные сигналы радиостанции, временно установленной вблизи колокольни. А у одного из наших элементов, вероятно, был плохой контакт между углем и стальной проволокой. Вот и получился случайно “детектор” — устройство, теперь хорошо известное каждому радиолюбителю... Значит, мы ловили энергию радиостанции и обнаруживали ее своим вольтметром. Увезли радиостанцию — и явление прекратилось. Понимаешь теперь? А ведь этот случай мне долго не давал покоя! Можно сказать, что именно эта загадка привела меня к выбору направления в моей научной работе...

* * *

Осматривая прекрасно оборудованную лабораторию моего друга, где успешно разрешается одна из интереснейших проблем современной техники, я невольно вспоминал первые годы после окончания гражданской войны, глухой уездный город, низенькую хату с глиняным полом — нашу кустарную лабораторию — и думал о великой силе страстного, безудержного стремления к открытиям и изобретениям, которая бурлит всегда в нашем народе, и о широком праве, завоеванном теперь народом, осуществлять это стремление.

НАПУГАННАЯ МОЛНИЯ

Работа у нас серьезная. Здесь не что-нибудь, а научно-испытательный полигон, где проверяются новейшие изобретения и открытия. Сами должны понимать: дело нешуточное...

Вот возьмите хотя бы меня. Какая, собственно говоря, должность? Комендант полигона. Хозяйственный, так сказать, работник. А вы думаете, я плохо разбираюсь в научных вопросах? У нас тут без этого никак нельзя. Правда, у меня нет соответствующего образования, но народ здесь подбирается исключительно строго. Я так думаю, что и меня тут держат не просто так себе, а учитывая мою наклонность к различным вопросам науки.

Вот, например, профессор Семенов Петр Сидорович, как только придет к нам, так сразу спрашивает: “А где товарищ Воронов? Разыщите его, пожалуйста”. В особенности профессор стал относиться ко мне с исключительным уважением с того времени, как я запугал молнию.

Вот запугал молнию, да и все! Пожалуйста, свидетелей сколько хотите было... Ну что же делать, раз вы все еще улыбаетесь, то извольте: расскажу вам этот пустяковый случай со всеми подробностями. Только вот не знаю, как у вас насчет научных знаний, достаточно ли, чтобы понять меня.

Вызывает меня заведующий полигоном и говорит:

— Обеспечьте приехавших для испытания изобретателей материальной частью и всем прочим.

— Есть обеспечить! — отвечаю. — Пойдемте, товарищи. Какие у вас будут требования? — обращаюсь к прибывшим.

— Надо будет, товарищ комендант, вырыть ров, чтобы мы все туда могли спрятаться и оттуда уже наблюдать за научным явлением, — говорит мне профессор. — Прибор у нас проверяется впервые. Возможно, он будет представлять некоторую опасность в силу своей незаконченности.

— Это можно, — говорю я. — Ров у нас есть. Это нам не впервые.

Вот, смотрю: возле вырытой траншеи начинают научные сотрудники, прибывшие с профессором, устанавливать какой-то замысловатый прибор. Ручек на нем, всяких блестящих загогоулин — великое множество! Провода протянули к укрытию. Производят различные проверки и измерения.

— Направляйте излучение, — говорит Петр Сидорович, — в сторону леса. Залезайте, товарищи, в щель сейчас приступим...

Притаились мы в укрытии и ждем.

Вдруг, представьте себе, выглядываю, и что же я вижу? Огненный шарик величиной с куриное яйцо. Вылезает из аппарата и медленно начинает ползти по воздуху. Запах пошел — как будто сера.

— Ага! — кричит Петр Сидорович. — Появился! Увеличивайте, товарищи, мощность. Давайте, давайте, не жалейте! Уже удаляется...

Видя, что этот шипящий шарик действительно, покачиваясь, несется в сторону, мы все понемногу более или менее успокоились и стали вылезать из щели.

— Замечательно! — кричат научные сотрудники. — Поздравляем вас, Петр Сидорович!

Потом смотрю: что такое? Появилось некоторое смятение.

— Осторожно, товарищи, — говорит профессор, — рано еще радоваться — видите, кажется, ползет обратно. Давайте лучше спрячемся. Всякие случайности вполне возможны. Это открытие еще недостаточно проверено. Прячьтесь!..

Гляжу, а огненный шар движется, представьте себе, обратно. Прямо на нас! “Э-э-э, — думаю, — дело скверное”. Тут все сотрудники торопливо прячутся в щель... А шарик все приближается да приближается. Уже, слышу, шипит совсем близко...

— Увеличивайте мощность излучения! — кричит Петр Сидорович.

— Уже вся! — отвечает кто-то. — До отказа. Что же теперь будет?

Вот тут-то это самое и произошло. Но, прежде чем рассказать об этом, я должен объяснить сущность са-мого опыта, чтобы вам стало ясно, насколько мое вмешательство помогло в правильном решении этой задачи.

Представьте себе, что существует в природе такое очень странное явление. Называется оно — шаровидная молния. Очень забавная вещь! Вот обыкновенная молния — так это очень просто. Самая что ни на есть настоящая электрическая искра, только значительных размеров. Прыгает себе между облаками, а иногда между облаком и землей. Вообще как придется. А вот шаровидная — так та вытворяет фокусы. Сворачивается для

чего-то в шар и носится по воздуху в неопределенном направлении. Да хорошо, если бы просто так! А то, например, заберется в комнату через открытое окно и начнет там колобродить, как ей захочется. Или возьмет да разорвется со страшным треском. Вообще с ней шутки плохи. Разрушительная сила у нее огромная.

Явление это, вообще говоря, само по себе загадочное. Видите ли, в чем дело: до сих пор еще ни одному ученому не удавалось, предположим, ухватить такую молнию и изучить ее как следует. Явление это очень редкое, да и попробуйте ухватить эту молнию сами...

Уже давно многие ученые старались приготовить шаровую молнию у себя в лаборатории искусственным путем. А с другой стороны, как ты ее сделаешь, когда внутренняя сущность у нее неясна! Вот Петр Сидорович мне рассказывал, какие только опыты не производили! Один, например, заграничный ученый, так тот, представьте себе, обливал керосином электрические провода, между которыми прыгала обыкновенная искра. Затем сделал научное сообщение, что будто бы ему через увеличительную лупу были видны маленькие шарики, точь-в-точь похожие на крохотные шаровые молнии. А наш Петр Сидорович повторил этот опыт и заявил, что, мол, все это ерунда, просто какой-то нагар от керосина, а не молния. Ну, оно и понятно. Тут керосином не поможешь, дело тонкое...

...Вот сидим мы в траншее. А шипение все увеличивается и увеличивается. Выглядываю: шарик совсем близко!

— Товарищ профессор! — кричу. — Сюда движется! Рядом!

— Наклоняйтесь пониже! — командует профессор. — Возможно, произойдет взрыв. Не волнуйтесь, товарищи! Соблюдайте порядок!

Очутились мы один на другом. Я, значит, сверху...

Теперь вы спросите меня: для чего же необходимо такое открытие, раз оно ведет себя безобразно? А я вам объясню очень просто.

Нашим изобретателям удалось построить такой прибор, чтобы получать шаровую молнию. Вот только некоторые мелочи в этом приборе Петр Сидорович мне еще не объяснил. Поэтому я пока затрудняюсь рассказать вам, как он устроен. Да это и не важно. А вот зачем нужна такая молния — это другое дело.

Тут, знаете, разрешается очень много физических проблем. Почему электричество сворачивается в шар? В чем дело? Можно ли это явление приспособить, например, для хозяйственных или оборонных целей? А что вы думаете! Представьте себе, что в маленьком шарике образуется огромное скопление электричества. А он легкий, по воздуху плавает. Вот бы его посадить в какую-нибудь банку и — пожалуйста! Можно от нее электрическое освещение устроить или, предположим, молотилку приводить в действие через электромотор. Конечно, существуют аккумуляторы, да только они, проклятые, очень тяжелые. Я, например, чуть не надорвался недавно, когда помогал переносить их в поле. И электричества-то в них заключается самая малость. Несовершенные, одним словом...

...Сидим мы в нашем окопе и прислушиваемся к нудному шипению.

— Где она? Кто там ближе, посмотрите! — просит профессор.

— Рядом шипит! — кричу. — Совсем близко!

— Это, кажется, я, товарищи, — говорит кто-то. — Ногу мне придавили... Ногу бы мне освободить, тогда, может быть, я перестану шипеть.

Выглядываю я, а шарик действительно недалеко. Ну что, думаю, если в самом деле разорвется? Вот вы решили, наверное, что такая молния не может иметь какого-либо оборонного значения. А все потому, что, мол, она летит, куда хочет, и взрывается, когда хочет. Ничего подобного! Нужно только научиться как следует ею управлять. Этот опыт, про который я сейчас вам рассказываю, был, так сказать, первый. Всегда в этом случае какие-либо неполадки возможны. Оно естественно. Того не предусмотрели, другое забыли, там какая-нибудь формула оказалась слишком запутанной. Вот на первой проверке все это и выясняется. Вообще, конечно, бывает это дело иногда исключительно опасным. Ну, а что поделаешь! И ученые рискуют и нам, работникам полигона, иногда достается. Я же вам говорил, что работа у нас очень серьезная...

Выглядываю я опять из укрытия. Вижу: как будто немного удаляется.

— Товарищ профессор! — кричу я. — Обратно летит! — А шипит почему? — спрашивает Петр Сидорович.

— Ой, ногу! Ногу освободите! — жалобно говорит придавленный товарищ.

Прислушиваюсь: шипение в самом деле увеличивается. Смотрю — опять приближается!

— Товарищ профессор! — говорю я. — Сюда передвигается... Долго ли она так шутить с нами будет?

— Не знаю, дорогой... Все зависит теперь от влажности воздуха и степени электрического насыщения в самой молнии, — отвечает профессор.

Вы не думайте, что в этом самом приборе не было предусмотрено такое устройство, чтобы, значит, управлять молнией, после того как она вылезет. Ничего подобного! Специальный радиопередатчик находился для этого. У него, значит, такая волна, что захватывает электрический шарик и гонит его в соответствующем направлении. Ну, вроде как ветер — мыльный пузырь! Только вот в тот самый момент, про который я вам рассказываю, работало это устройство еще ненадежно, так сказать требовало некоторого усовершенствования. Поэтому это так и получилось...

Сейчас мне даже трудно сообразить, сколько времени продолжалась вся эта история. То, понимаете, молния к Нам приближается, то удаляется. То появляется, представьте себе, над самой головой. “До каких же

пор, — думаю, — это безобразие будет продолжаться?! Тут наши ученые находятся! Не могу же я допустить, чтобы они рисковали жизнью! Надо принимать меры...”

Выбрал я момент, когда, молния находилась сравнительно далеко, но явно, так сказать, намеревалась вернуться обратно, и... решился. “Пусть, — думаю, — я погибну. А жизнь ученых все-таки дороже. Почему, — думаю, — и мне не пострадать за науку, раз такое дело...”

Хватаю я, представьте себе, лежавшую рядом саперную лопату, выскакиваю и бегом... прямо к огненному шару.

— Товарищ комендант! Что вы делаете? — слышу, кричат сзади. — Вернитесь!

Подбегаю к молнии. Так шагаю в трех от нее замахиваясь лопатой... И что же вы думаете? Отлетает... в сторону!

Отлетела, значит, остановилась. Смотрю — опять направляется к укрытию!

Ох, и зло же меня взяло!

“Да что же это ты, — думаю, — снова лезешь! Хотя ты и высоконаучное явление, а все же обыкновенной лопаты боишься!”

И опять, значит, к ней.

Что тут было, товарищи! Все присутствовавшие выставили головы, чтобы лучше видеть это зрелище. Петр Сидорович мне потом объяснял, что такого ни одному ученому, ранее изучавшему шаровую молнию, не могло даже присниться.

Долго я за ней гонялся с лопатой! Как замахнусь, она, значит, от меня... Я за ней. Опять лопатой... Она опять от меня”...

Все кричат:

— Оставьте, товарищ Воронов! Бросьте! Вы с ума сошли!

А я и не слышу. В азарт вошел.

И вот, представьте себе, погнал ее таким манером к лесу. Вижу, поплыла, милая, полным ходом. И даже высоту набирает.

Погрозил я ей вслед еще несколько раз, для порядка, лопатой, постоял немножко и совершенно спокойно возвращаюсь к своим.

Ну, тут, конечно, полный триумф!

— Товарищ Воронов! Это поразительно! — говорит Петр Сидорович. — Ваш поступок, не вдаваясь в его героизм, имеет огромное теоретическое значение. Вы даже не представляете, что вы сделали!

— Ну, а что же такое, — говорю я, помахивая лопатой. — Подумаешь, молния... А чего она к нам лезет!

— Да нет, — продолжает профессор, — все это неспроста. Тут заложено глубокое физическое явление... Вот спасибо! Вы помогли мне найти путь к усовершенствованию моего прибора.

Все пожимают мне руку и разными другими способами выражают свое восхищение.

— Разрешите-ка вашу лопаточку, — говорит мне один научный сотрудник. — Необходимо ее, по возможности, точно измерить. — Пожалуйста! — отвечаю я. — Самая обыкновенная лопата. Все обступили меня, внимательно рассматривают лопату, измеряют ее длину.

— Поразительно, но факт! — кричит через некоторое время Петр Сидорович. — Размеры лопаты очень близко соответствуют половине длины волны нашего радиопередатчика. Она, товарищи, действительно работала как отражательный экран. Теперь все окончательно ясно. Помните, я еще давно говорил, что нам, возможно, не обойтись без направляющих экранов. Вот на опыте мы теперь в этом убедились окончательно... Еще раз спасибо, товарищ Воронов!

— Не стоит, — говорю я. — Подумаешь, какая мелочь! Да это просто была моя прямая обязанность.

— Ну-ка, товарищ Воронов, — обращается ко мне Петр Сидорович, — подставьте-ка вашу лопаточку к нашему прибору вот в этом месте. Держите ее так, чтобы плоскость была направлена к лесу.

Я, значит, приставляю лопату к аппарату, а Петр Сидорович нажимает какую-то кнопку... и — пожалуйста! В лесу раздается взрыв! Это, значит, разорвалась наша молния...

— Вот видите! — радостно говорит профессор. — Все верно! Железного экрана действительно не хватало на этом месте. Теперь волна излучается в нужном направлении.

И что ж вы думаете? Приезжают в следующий раз, а уж по бокам их машины укреплены новые приспособления.

С тех пор, с каждым приездом, шаровая молния управляется у них все лучше и лучше. А вот последний раз — так совсем здорово получилось!

Теперь у них скоро вся проблема будет окончательно решена.

Так вот, я вам и говорю, как только придет на полигон профессор Семенов Петр Сидорович, так сразу спрашивает: “А где же товарищ Воронов?” Одним словом, любит меня ученый народ.

ИЗОБРЕТАТЕЛЬ КРАСНОГО ДЕРЕВА

...Трудно иногда бывает судить о людях по первому впечатлению...

С чего, собственно говоря, началась вся эта история?

Приходит ко мне прораб Василий Васильевич Терехов. Мужчина солидный. Лет двадцать работает по лесозаготовительной части. Все, что касается породы деревьев, их качества и все такое прочее, знает прекрасно. Приходит и заявляет:

— Ну, товарищ председатель колхоза, чертовщина какая-то у нас в лесу появилась! Просто смешно даже сказать!

— Какая такая чертовщина? — спрашиваю.

— Да вот, срубили только что дерево. По всем признакам обыкновенный дуб, а древесина внутри красная... Вот, пожалуйста, принес тебе щепку.

Рассматриваю я эту щепку и, действительно, вижу — совершенно непонятная вещь! Точно, красное дерево...

— Красное дерево, — говорю я Василию Васильевичу, — не может произрастать в наших климатических условиях. Родина у него не то Индия, не то Африка. Ты что-то путаешь.

Обиделся.

— Известное дело, — говорит он, — тут не Африка, а факт налицо. Ты, можно сказать, в руках его держишь!

Пришли мы с ним в лес. Вижу, лежит срубленный дуб. Ничего особенного, дерево как дерево. Вокруг него десятки таких же. Листья, кора, расположение веток — все сходится. А древесина у срубленного дуба красного цвета. Ветку надломил — тоже красная.

— Это, Василий Васильевич, противоестественное поведение растения, — говорю я прорабу. — Придется сообщить в научный растениеводческий центр. Может быть, — говорю, — обнаруженный нами факт будет иметь не только сугубо научное значение, но и практический интерес. Ты представляешь! Предположим, подобную породу удастся разводить в наших лесах. Красное дерево — материал замечательный. Из него всевозможные ценные вещи делают...

Постояли мы еще немного, так сказать теряясь в различных мучительных догадках, и отправились обратно в колхоз.

А вечером этого же дня уже пролился некоторый свет на это таинственное дело...

Сажусь я за стол и начинаю строчить письмо. Так, мол, и так, высылайте немедленно научные силы... Дело это у меня подвигается медленно. Не хочу написать как попало! Неудобно ударить в грязь лицом перед ученым народом. Ну, естественно, злюсь. Вдруг, слышу, раздается слабенький стук в дверь.

— Войдите! — говорю.

Молчание. Через некоторое время опять повторяется стук.

— Ну, кто там? Заходите!

Вижу, медленно открывается дверь и на пороге появляется Ваня Чирюлин. Остановился. Стоит.

Вот я и говорю, что иногда очень трудно судить о человеке, пока его не узнаешь как следует. Что собою представляет этот самый Ваня Чирюлин? Парнишка лет двадцати. Работает столяром в нашей колхозной мастерской. Если, предположим, посмотреть на него — что можно увидеть? Ничего особенного! Немного курносый. Глаза голубые. Ну, волосы вьются... А вот застенчивый — так это уж просто необычайно. Робкий! Тихий! Совершенно исключительный в этом отношении.

Вот и теперь. Гляжу, стоит на пороге в нерешительной позе и мнется.

— Тебе чего, Ваня? — спрашиваю его. Молчит.

— Ну что ж, ты так и будешь стоять? Молчит.

— Дело-то у тебя срочное? А то я сейчас занят составлением важной бумаги. Может быть, завтра зайдешь?

Вижу, пытается что-то сказать и никак решиться не может. Что ты с ним будешь делать! Кладу на стол автоматическую ручку, с тем чтобы подойти к моему гостю, а она, проклятая — эта ручка, — возьми да и покатысь по написанному. Получилась длинная клякса.

Досада меня разобрала ужасная.

— Вот полюбуйся! — говорю я Чирюлину. — Что из-за тебя вышло!

И начинаю его отчитывать.

— Как тебе не стыдно! — говорю я ему. — Что ты за человек! Слово прибитый какой, слова из тебя невозможно вытащить. Всюду ты робеешь, стесняешься. В чем дело?

Подходит ко мне этакой неуверенной походкой и садится на краешек стула. Сидит и мнет кепку в руках.

— Простите, — говорит наконец. — Очень неудобно было мешать вам. А теперь вижу, что совсем помешал...

— “Помешал... помешал...” — передразниваю я его. — Говори, чего тебе нужно в данный момент?

— Просьба есть небольшая...

— Какая?

— Да вот сегодня днем на участке в лесу... дерево срубили, которое оказалось... красным.

— Действительно срубили! — говорю я. — А чего же ты хочешь?

— Недалеко еще два дерева есть, таких же... Так вот, я прошу, чтобы их не рубили. Они у меня крестиками на коре отмечены.

— Да не ты ли их посадил? — спрашиваю я намеренно ехидным голосом.

— Нет, я их не сажал, — отвечает Ваня серьезно. — Они выросли обычным, естественным образом.

Так какое у тебя до них дело?

— Красными-то я их сделал.

У меня даже рот от удивления открылся:

— Шутишь ты, что ли! Как мог ты окрасить внутри живое, растущее дерево? Соображаешь, что говоришь?

Молчит.

— Тайна у тебя, что ли?

— Зачем тайна! — говорит. — Секретов у нас никаких быть не может. А просто неудобно как-то, не все еще проверено. Может быть, случайно вышло. Проверить все нужно как следует. А то неудобно...

Смотрю я на него и думаю: “Вот поди угадай, кто ты такой! По всем признакам — необыкновенная мямля. А выходит, что изобретатель!”

Бился я над ним бился, каждое слово будто клещами вытаскиваю. Все робеет, стесняется. “Рано, — говорит, — считать это дело за изобретение!” Роемся в кармане и вытаскивает засохшие веточки. Тут же надрезает древесину перочинным ножом, показывает.

— Не вполне равномерно ложится краска, — говорит.

— Ты что ж, — заявляю ему, — на собственные силы надеешься? Первые результаты есть, и достаточно. Теперь надо привлечь на помощь ученых, агрономов, ботаников, химиков, предположим. Они тебе сразу помогут. Ты представляешь, какое огромное народнохозяйственное значение имеет окраска деревьев на корню, в живом виде! А?... Вот сейчас так и напишу...

Проходит несколько дней. Получаю уведомление: выезжает к нам профессор. На следующий день отправляю на железнодорожную станцию Василия Васильевича Терехова с машиной для встречи.

Вот я и опять говорю: пойдя определи человека по внешнему виду! Входит в это же самое помещение, где мы сейчас с вами находимся, высокий, очень такой представительный человек. Выражение лица строгое, я бы сказал — даже немного надменное и очень самоуверенное. “Ну, — думаю, — сразу заметно, что профессор!...”

— Здравствуйте, — говорю. — Вы, наверное, по поводу красного дерева?

— Совершенно верно, — отвечает. — Разрешите познакомиться. Моя фамилия Павлинский...

Ну, я, конечно, начинаю волноваться. Усаживаю гостя. Спрашиваю, не устал ли он с дороги и все такое прочее, и вскоре начинаю ему рассказывать про открытие, сделанное в нашем колхозе. Одним словом, вступаю “деловой разговор”.

Профессор говорит таким зычным голосом, немного вразяжку, вроде как бы лекцию читает. При этом словами сыплет преимущественно иностранными. Вот, например:

“Пигментационный процесс, сочетающийся с диссоциацией или циркуляцией при условии конвенционных токов, не является новым в науке...”

Вы, конечно, спросите, как я мог запомнить все эти слова. Да очень просто!

— Простите, — говорю профессору, — ваши указания, имеющие огромное научное значение, мне необходимо записать, а то я забуду.

А он пожимает плечами (мол, неуч какой!) и отвечает:

— Ну что ж, пишите!

Быстренько строчу и думаю: “Потом, мол, разберусь...”

— Ваш изобретатель, — продолжает профессор (при этом слово “изобретатель” произносит как-то особенно сухо), — ваш изобретатель, по моему мнению, чисто субъективному конечно, ничего не изобрел и ничего не открыл, если судить в широком масштабе мировой науки.

— Неужели, — спрашиваю, — окраска древесины растущих деревьев уже где-нибудь применялась?

— Этот факт, — отвечает он, — еще не апробирован абсолютно. Но думаю, что скрупулезное штудирование фундаментальных источников даст констатацию аналогичного или вполне идентичного случая...

Я вздохнул и опять записал.

Посылаю за Ваней Чирюлиным, находившимся в это время в лесу. “Ну, — думаю, — конец для нашего изобретателя наступил! Как он будет спорить с подобным профессором! Да он, наверное, умрет тут же, как только его увидит!..” Вынул профессор какую-то толстую книжку из своего портфеля и уткнулся в нее носом.

Через некоторое время, слышу, в сенях возня какая-то. Топтание на месте. Ну, естественно, думаю — это наш Ванька упирается. Входить боится. Стесняется.

Так оно и есть! Насилу толкнули! Остановился он посреди комнаты, весь красный, глаза потупил, дышит, как лошадь.

— Вот наш изобретатель, — говорю я профессору. — Познакомьтесь: Иван Чирюлин, колхозный столяр. Поднялся Павлинский со своего места и сухо пожал руку.

— Образцы древесины с тобой? — спрашиваю я Чирюлина.

Молча роется в кармане. Сопит. Видно, как руки дрожат. Вынимает веточки и осторожно кладет их на стол.

Начинает профессор внимательно осматривать эти кусочки. Щурит глаза и бормочет себе что-то под нос.

— Вот это, — поясняю я, — дуб, что недавно срубили... Это береза, это ольха. Их мы пока не трогали.

— Ну что ж! — говорит профессор, закончив осмотр. — По моему субъективному мнению, дерево заметно окрашено. А вот что покажут аналитические исследования, так это еще неизвестно... Как вы получили такую пигментацию? — обращается он к Чирюлину.

Зная робость нашего изобретателя, стараюсь отвечать за него.

— Да... — говорит профессор, выслушав мое объяснение. — Примитивный процесс... Но все равно, для его научного изучения потребуется несколько лет, прежде чем он приобретет какое-либо утилитарное значение.

— Почему несколько лет? — вдруг послышался строгий голос.

Я даже испугался. Ванька Чирюлин заговорил! При этом, заметьте, этак уверенно, напористо. Куда девалась его робость!

Посмотрел на него профессор и говорит:

— А как вы думали, молодой человек? Ведь даже за границей подобного опыта нет!

И начинает сыпать снова мудреные слова: пигментация, диссоциация, циркуляция, конвентация, неустойчивый режим и так далее.

Смотрю я на Ваню и не верю своим глазам. Совершенно преобразился! Куда девалась прежняя робость! Держит себя вызывающе. Глаза горят.

— Почему вы считаете, что процесс пигментации может быть неустойчивым? — спрашивает он профессора.

И пошел!.. Откуда у него эти знания! Тоже иногда произносит слова вроде: стабилизация, циркуляция и даже диссоциация. Но большей частью говорит попросту и очень понятно.

Спор разгорается. Начинает профессор перечислять штук двадцать имен иностранных ученых.

— Тимирязева забыли. Он один всех их стоит, — говорит Чирюлин.

— Это уже вопрос аквантости, — важно возражает профессор.

— Не “аквантости”, а “адекватности”, то-есть равнозначности, — поправляет Ваня. — Неужели... простите, конечно... по-русски говорить трудно!

Так вот, я и говорю... Кто бы мог подумать! Посмотришь — тихий и застенчивый, а как подошло к тому, чтобы защитить свое предложение, направленное, так сказать, на благо нашего народного хозяйства, так сразу преобразился. Огонь! Или можно ли было сказать по внешнему виду, что он ботанику и химию самообразованием постиг в таком совершенстве? Нельзя...

Так и с “профессором” этим... Проходит Этак минут двадцать. Вваливается в избу в сопровождении Василия Васильевича Терехова какой-то старичок среднего роста. Выражение лица добродушное. Вроде как бы улыбается все время. Одежда скромная.

— Здравствуйте, товарищи! — говорит. — Простите, что задержался! Тут соблазн по пути подвернулся. Не утерпел. Осматривал, при любезном сопровождении дорогого Василия Васильевича, ваше лесное хозяйство. Может быть, оно и неудобно, так сказать, без хозяина, председателя колхоза... Не вы ли им будете? — обращается он ко мне.

— Я председатель... А вы кто будете?

— Разрешите представиться: профессор Стекольников. Командирован к вам из научно-исследовательского института... Ну как, Аркадий Агафонович? — обращается он к товарищу, которого мы раньше приняли за профессора. — Уже договорились насчет помещения и прочего?

“Вот так штука! — думаю я. — Кто бы мог подумать, что это профессор! Уж очень незаметный на вид...”

Начинает расспрашивать Ваню Чирюлина. Говорит просто, никаких тебе “циркуляции”. Всем понятно. А Павлинский, оказалось, всего-навсего, так сказать, технический помощник, не имеющий никакой ученой степени. Он сопровождал престарелого профессора.

Прожили они у нас две недели. За это время Ваня Чирюлин окрасил в их присутствии три десятка растений всевозможной породы. Пробовали в разные цвета: красный, синий, зеленый, фиолетовый...

— Замечательное это предложение! — как-то говорит мне профессор. — Какую красивую мебель можно делать из такого дерева! Какие дорогостоящие приспособления потребовалось бы сделать, чтобы пропитывать краской древесину насквозь! И все равно материала, подобного красному дереву, не получилось бы. Товарища Чирюлина вашего я заберу с собой в Москву. Пусть сделает научный доклад о своем оригинальном способе. По всей вероятности, мы совсем его там оставим. Знающие и талантливые люди нам нужны. Только уж робкий он слишком! Но это ничего, бывает...

Вас, конечно, заинтересует, в чем, собственно, заключается изобретение Чирюлина, как он ухитрился окрасить древесину растущего дерева.

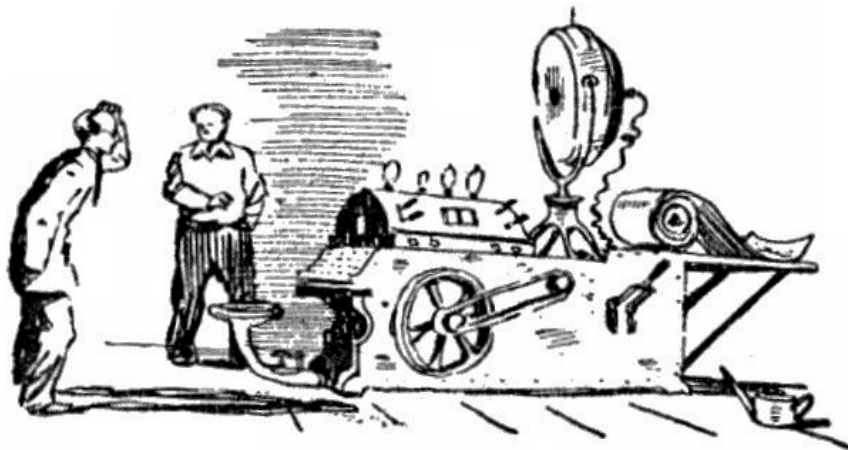
Да очень просто!

В дереве, возле самого корня, сверлится дырочка. Ну, вроде как это делают ребята весной, когда хотят добыть сладкий липовый сок. В эту дырочку вставляется резиновая трубка. Один конец трубки в дырочку, а другой, значит, к горлышку бутылки, наполненной каким-то красящим раствором. Бутылка подвешивается к этому же дереву, повыше. Понимаете? Вот краска, значит, поступает по трубке в дерево и смешивается там с соками, которые дерево пьет через корни из земли. Соки идут по всему дереву и уносят с собой краску. Даже веточки у самых листьев — и те окрашиваются! Проходит некоторое время — дерево засыхает вследствие ядовитости краски. А краска-то впитывается в древесину так прочно, что ее оттуда уже ничем не вытравишь. В каждую клеточку попадает! Получается настоящее красное дерево.

Ну, конечно, при первых опытах, которые производил Чирюлин, все это получалось несовершенно. Краска ложилась неравномерно — химический состав красителя не был подобран правильно. А когда под это предложение были подведены твердые научные основания, все стало на свое место. Вот сейчас тут у нас крупные деланки леса находятся под опытным участком. Вас интересует, какова судьба Вани Чирюлина? Теперь он в большом почете. А застенчивым и скромным так и остался.

Вот поди угадай, что за человек, если судить о нем по внешним признакам!

АВТОМАТЫ ПИСАТЕЛЯ

Призвание стать писателем я почувствовал давно. Друзья из среды литераторов отнеслись ко мне недоверчиво:

— Ну что ж, попробуйте! Вы думаете, это легко? Это вам не машины изобретать. Там все поддается математическим вычислениям и сразу видно, что нужно. А вот в литературной деятельности столько неясностей...

— Вы представляете, — говорил мне один известный писатель, — я переписываю свои произведения по двадцать пять раз! Вы понимаете? Двадцать пять раз!

— Все это ерунда! — гордо отвечал я. — У меня, например, имеется много интереснейших воспоминаний. Только садись и пиши.

Очутившись перед листом чистой бумаги, я очень быстро пришел в уныние. “Действительно, трудное дело, — подумал я. — С чего же начать?”

Меня почему-то все время тянуло изображать на бумаге математические формулы. Или, в крайнем случае, еще раз написать отчет о своей последней работе под названием “К вопросу о псевдопараметрическом резонансе в четырехполюсниках при неустановившемся режиме контуров”.

Где-то далеко в глубине сознания вертелось малопонятное слово “сюжет”.

“О чем, собственно, я буду писать? — проносилось у меня в голове. — Вот говорят, что существуют в литературе художественные образы. Что это за образы такие? Надо просто начать с чего-нибудь, а там будет видно. Подумаешь, образы!”

Наконец я решился обмакнуть перо и приступить к делу:

“Мои воспоминания, дорогие товарищи, касающиеся...”

Что написать дальше, я просто не знал. А тут еще с моего пера, беспомощно повисшего в воздухе, сползла капля чернил, и на рукописи образовалась клякса.

“Это чорт знает что такое! — решил я. — Разве можно писать таким отвратительным пером! Писательскую деятельность нужно обставить с максимальным удобством. Зачем, например, поминутно макать перо в чернильницу! Это ведь отвлекает от творческого процесса! Потом, эта клякса... Нет, нужна автоматическая ручка. Очень совершенная, специальная ручка. Странно, что я сразу не подумал об этом”.

* * *

Несколько дней я затратил на подыскание хорошей автоматической ручки, над которой затем я еще долго изощрялся, переделывая и совершенствуя ее до пределов возможного. Мне удалось добиться, чтобы ручка содержала в себе такое количество чернил, которого хватило бы, по крайней мере, для написания “Войны и мира”.

Довольный результатами своей работы, я снова уселся за письменный стол.

“Мои воспоминания, дорогие товарищи, касающиеся...” — написал я бойко.

Но дальше этого дело опять не пошло. Вначале, когда я прикоснулся пером к бумаге, мне показалось, что мысли потекут плавно, и свободно. Но пока я писал эту маленькую фразу, мысли обогнали перо, как-то запутались и превратились в невероятную кашу.

“Рука не успевает за мыслями. Нет навыка, — решил я. — Хорошо этим писателям: они только и знают, что пишут...”

Неожиданно меня осенила блестящая идея. Я даже подскочил от радости. Ну да! Это же так просто! Все писатели лопнут от зависти. Необходимо построить специальную машину!

Я живо представил себе эту машину. Очень усовершенствованный звукозаписывающий аппарат. Вот я расхаживаю по комнате и излагаю свои воспоминания вслух. Чувствительный микрофон улавливает мою непринужденную речь, а аппарат записывает ее на пленку. В комнате тишина. Ничто не отвлекает моего внимания. Какое может быть сравнение с машинисткой или стенографисткой! Машина не будет ошибаться или переспрашивать. Наконец, присутствие постороннего человека сковывает свободный полет мысли.

* * *

Около месяца у меня ушло на проектирование и изготовление этого усовершенствованного писательского диктографа. Правда, он получился громоздким и занимал весь письменный стол, но зато был необыкновенно удобен в работе.

Запись звука производится на магнитную пленку. Легкое нажатие кнопки переключает прибор, и из репродуктора слышится мой собственный голос, повторяющий только что сказанное. Если мне не нравится, например, оборот речи или высказанная мысль получается недостаточно ясной, тотчас нажимается другая кнопка. Неудачное место стирается.

Теперь снова можно повторить фразу, изменив ее в лучшую сторону. Ко всему этому нужно добавить, что для создания у автора соответствующего настроения из другого рупора раздается, если я этого хочу, легкая, бодрящая музыка.

Ясно, что машинистка уже без меня, внимательно прислушиваясь к репродуктору, свободно перепечатает записанную речь, и у меня в руках окажется совершенно готовая рукопись.

Первое практическое применение прибора оказалось необыкновенно успешным.

Говорил я, как мне казалось, чрезвычайно красиво. Расхаживая по комнате, я ударял себя в грудь кулаком, а в конце своей речи даже слегка прослезился. Мне показалось, что я, неожиданно для себя, создал гениальное произведение.

Зато какое было разочарование, когда я увидел все продиктованное перепечатанным на машинке!

Просмотрев рукопись, я пришел в ужас.

— Вы что-то не то напечатали! — проговорил я печально, обращаясь к машинистке. — Прежде, всего, не так расставлены знаки. Вот посмотрите... “Мои воспоминания дорогие. Товарищи, касающиеся...” Получается абсурд...

Машинистка ушла обиженная и расстроенная. Я же целый день не находил себе места. Нужно было бы взять обыкновенное перо, исправить ошибки. Но не таков был мой гордый дух изобретателя. Перед моим умственным взором уже носилась другая, более совершенная машина. В ней, безусловно, должна отсутствовать такая деталь, как нежная и капризная машинистка.

Вечером меня посетил писатель С. известный своими горячими выступлениями на всех диспутах на тему, как надо писать, но сам еще почти ничего не написавший.

— Ну как? Пишете? — спросил он строго.

— Конечно! Благодарю вас, — ответил я непринужденно. — Получается сравнительно ничего.

Писатель говорил весь вечер о новой теории прозы и критиковал подход к развитию сюжета, придуманный писателем Ш. Я же доказывал, что у современных литераторов нет правильного научного подхода к технике самого процесса писания. Мы очень мало понимали друг друга, но в общем остались довольны.

— Я хочу подарить вам эту звукозаписывающую машину, — предложил я на прощанье. — Она вам здорово поможет.

Писатель подозрительно посмотрел на сложные приборы, расставленные на письменном столе, но мое предложение принял.

— Хорошо. Спасибо, я постараюсь воспользоваться вашим аппаратом, — проговорил он неуверенно.

* * *

На изготовление нового прибора у меня ушло три месяца. Собственно, его уже нельзя было назвать прибором. Это была сложная установка, занимавшая половину комнаты.

В огромных металлических шкафах были расположены громоздкие звуковые анализаторы. Каждой букве соответствовал свой звуковой фильтр. Стоило только произнести перед микрофоном какую-либо букву, как аппаратура немедленно приводила в действие соответствующую клавишу пишущей машинки. Можно было говорить с любой скоростью и тут же любоваться, как из-под машинки выползает напечатанный текст.

Это был весьма совершенный прибор с точки зрения современной науки и техники. Но... Опять появилось “но”.

Помню, как лихо я принялся диктовать, подбадриваемый резвым стуком автоматической клавиатуры. Все шло отлично, но, к сожалению, лишь до того момента, пока я не взял в руки первый напечатанный лист.

Вот что на нем оказалось написанным:

“Мои воспоминания дорогие товарищи касающиеся...”

Вначале я замер от огорчения. Моя машина писала совершенно безграмотно! Как это могло получиться? И вот только тут я вспомнил, что виновата не машина, а люди, пишущие обычно совсем не так, как они выгова-

ривают слова. Действительно: букву “о” мы часто произносим как “а”. Машине нет никакого дела до этой несурности. Она честно печатает все так, как слышит, не делая никаких поправок.

На усовершенствование машины потребовалось еще два месяца. Теперь она уже занимала почти всю комнату, но зато печатала вполне правильно.

Не буду останавливаться подробно на том, как я разочаровался и в этой машине. Произведение, созданное с ее помощью, показалось мне чрезвычайно запутанным и бездарным.

“Видно, я не умею ярко и красочно излагать свои мысли словами. Нет у меня такой способности”, пришел я к неутешительному выводу.

Что же касается самих мыслей, то на этот счет у меня не появилось никаких сомнений. Мысли могли быть только блестящие. Я чувствовал, как они кипят в моей голове, рвутся наружу, а изложенные с помощью тяжело ворочающегося языка, становятся бледными и чахлыми.

* * *

Решение построить еще один сверхсовершенный прибор появилось у меня именно в тот момент, когда ко мне пришел в гости писатель Г., создавший огромное количество произведений, которые почему-то никто не хотел читать.

— Ну как? Работаете? — ласково спросил он. — Я слышал, что у вас уже много написано.

— Да, есть кое-что, — мрачно ответил я.

— О, это очень интересно! — продолжал писатель Г. — Жалко, что не располагаю временем, а то бы прочел... Я, собственно говоря, к вам по делу. Вы подарили писателю С. усовершенствованный диктограф. Представьте себе, все издательства завалили своими рукописями! Это же чорт знает что такое! Нельзя ли и мне получить такой приборчик? Очень прошу вас: устройте! А?

Вместо ответа я взял писателя под руку и потащил его в комнату, где была расположена моя последняя буквопечатающая модель.

— Дарю вам более совершенный прибор, чем у писателя С., — бормотал я по дороге. — Сам будет печатать от звука вашего голоса. Только заберите. Он мне мешает.

При виде страшного нагромождения, царившего в комнате, писатель Г. чуть-чуть побледнел.

— А это все можно будет... установить в дачном сарае? — робко спросил он, видимо напуганный размерами шкафов.

— Можно, — проговорил я решительно. — Грузовик для перевозки дам. Людей пришлю... Только возьмите!

* * *

Прошло полгода напряженной работы.

Вот наконец готова новая, самая совершенная писательская машина, какую только Можно представить.

Это подлинное чудо. Здесь соединены воедино новейшие достижения радиотехники, телемеханики, автоматизации и электрофизиологии. Вся установка занимает три комнаты.

В специальном, удобном кресле располагается писатель — автор. Вид у него, правда, немного странный. Он до некоторой степени напоминает приговоренного к электрическому стулу. На голове у писателя находится металлический колпак, от которого тянутся завитушки проводников. Такие же провода прикреплены к рукам и ногам творящего автора.

В сущности, идея работы новой машины необыкновенно проста.

Все хорошо знают, что в нашем организме зарождаются слабые электрические токи, блуждающие по телу. Характер этих токов соответствует работе различных органов человека. В медицине уже давно применяются приборы, с помощью которых электрические сигналы, порождаемые, например, деятельностью сердца, записываются на бумажную ленту и внимательно изучаются врачами.

Исследование нервной системы на основе электрофизиологических токов также известно давно. В заслугу себе я ставлю только то, что мне удалось расшифровать ничтожные сигналы, сопутствующие нашему мышлению. Правда, трудно было превратить их в систему сильных электрических импульсов. Но теперь это все позади. Четырнадцать шкафов, наполненных ста двадцатью пятью электронными лампами, прекрасно справляются с этой задачей. Мои мысли легко превращаются в четко напечатанный на машинке текст.

Возможностью необыкновенно свободного творчества я долго не решался воспользоваться. Ждал вдохновения и хорошего расположения духа. Но вот наконец этот момент наступил... Прочно укрепляются браслеты-наручники. На тщательно выбритую голову надевается электрический колпак. Теперь, кажется, все готово. Сигнальные приборы указывают, что одиннадцать лаборантов находятся на своих местах. Можно приступать.

Дрожащей рукой я нажимаю пусковую кнопку...

...Более внимательным изучением текста, полученного с помощью мыслепечатающей машины, я занимался уже лежа в постели, свалившись под влиянием переутомления и новой неудачи.

Вот что прыгало перед моими воспаленными глазами:

“Мои воспоминания... мои воспоминания... Не село бы напряжение в сети!.. О каких таких воспоминаниях я, собственно, собираюсь написать? Нет, лучше начну так: “Взирая на тихое Черное море...” Нехорошо: “тихое Черное море...” Существует “Тихий океан”... Хотя... помню прекрасно, что море тогда, было действи-

тельно тихим... Странно... Как же написать в этом случае?.. “Взирая на Черное море, которое в данный момент было тихим... и которое...” Жмет этот дурацкий колпак на голове!.. Надо будет усовершенствовать... Так что же, черт возьми, мне делать с этим тихим морем?”

И так далее.

* * *

Мыслепечатающий аппарат я подарил драматургу Н. В последнее время общественность неоднократно упрекала этого автора в творческом застое. Он же, со своей стороны, оправдывался тем, что будто бы во сне ему часто видятся различные сценические образы, но какие именно, он, просыпаясь, вспомнить не может.

Моя машина значительно помогла этому автору.

* * *

Врачи нашли у меня страшное переутомление.

— Вам необходимо отдохнуть этак месяца три в глухой деревне, — говорили они. — Ведь вы проделали такую колоссальную работу! Какие огромные достижения! Весь медицинский мир потрясен... Ваш прибор, регистрирующий мозговую деятельность...

Они меня явно не понимали.

Не напряженная работа в течение двух лет расстроила мои нервы, нет! Подкосила мое здоровье жестокая неудача.

Ведь я хотел стать писателем!

Исключительно для этой цели я построил столько сложных машин! Все они оказались замечательными и полезными. Диктографами и буквопечатающими машинами воспользовались другие литераторы. Писатель Г., автор бесчисленных, никем не читаемых книг, увеличил свою производительность на столько, что ему самому стало противно и он неожиданно бросил писать. Мыслепечатающая машина нашла применение в медицине и для общения с глухонемыми. На сцене появилась замечательная пьеса, задуманная во сне драматургом Н.

Но писателем я не стал.

“Почему это так? — мучительно думал я. — Ведь как будто вся моя деятельность была направлена именно к этому...”

Долго я предавался своим горестным размышлениям, пока со мной не произошел один, казалось бы, совсем пустяковый случай.

Однажды в деревне, прогуливаясь по берегу маленького озера, я увидел валяющееся на земле красивое гусиное перо.

“Этим примитивным приспособлением люди писали еще совсем недавно, — мелькнуло у меня в голове. — Жалким тогда был уровень техники. Просто интересно, как это делалось?”

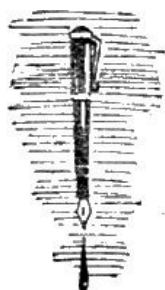
Захватив с собой перо, я отправился в беседку, где с помощью перочинного ножа придавал ему форму, необходимую для писания. Бумагу и чернила, по моей просьбе, принесли немедленно.

Сначала я нарисовал несколько уродливых чертей. Затем попробовал написать.

“Да... — думал я. — Писать можно. В сущности, вот таким пером работали Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Шекспир, Данте. И получалось у них неплохо. А у меня почему-то не вышло. С такими совершенными средствами!.. Не в механизмах все-таки, видно, здесь дело, а в способностях и в упорном труде. А что, если попробовать этим пером?”

С ожесточением принялся я писать, перечеркивая целые страницы.

Так появилось это краткое повествование, написанное и переписанное во время моего отдыха тридцать шесть раз. Может быть, вы подумаете, что гусиным пером? Нет, самым обыкновенным.

СОДЕРЖАНИЕ

Тайна карстовой пещеры	5
Пути-дороги	80
В глубь земли.....	136
История одного взрыва	210
Шорохи под землей.....	245
Электрические снаряды	262
Угольный генератор	289
Напуганная молния	304
Изобретатель красного дерева	314
Автоматы писателя.....	325

К ЧИТАТЕЛЯМ

*Издательство просит отзывы об
этой книге присылать по адресу:
Москва, М. Черкасский пер., д. 1,
Детгиз.*

Для среднего и старшего возраста

Ответственный редактор С.Алексеев, Художественный редактор Н.Яцкевич.
Техн. редактор Г.Белинский. Корректоры С.Локшина и Р.Мишелевич. Сдано
в набор 15/III 1949 г. Подписано к печати 17/VI 1949 г. 10¹/₂ п. л. (14,26 уч.-
изд. л.). 57125 зн. в печ. л. Тираж 30 000 экз. А04295. Заказ 2372.

Фабрика детской книги Детгиза. Москва, Суцевский вал, 49.